

2013
Вып. 2

Siberia_Lingua

Научный журнал Института филологии и языковой
коммуникации Сибирского федерального университета

ISSN 22227-6378

Основан в апреле 2010 г.

Siberia_Lingua: научный журнал

Учредитель – Институт филологии и языковой коммуникации ФГАОУ ВПО «Сибирский федеральный университет»

Периодичность – один раз в полугодие

Журнал зарегистрирован в Международном ISSN центре в Париже, регистрационный номер 22227-6378

Электронная версия журнала размещена на сайте Института филологии и языковой коммуникации СФУ
<http://ifiyak.sfu-kras.ru/node/719>

Контакты

Почтовый адрес 660047,
Красноярск, пр.
Свободный, 82А,
оф. 328
Редакция
научного
журнала
Siberia_Lingua

E-mail nauka_fil@mail.ru

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Фельде Ольга Викторовна, докт. филол. наук (отв. ред.)

Анисимов Кирилл Владиславович, докт. филол. наук

Григорьева Татьяна Михайловна, докт. филол. наук

Гладилин Алексей Владимирович, с.н.с. (зам. отв. редактора)

Гуртовая Ольга Павловна (отв. секретарь)

Ковтун Наталья Вадимовна, докт. филол. наук

Ким Игорь Ефимович, докт. филол. наук

Магировская Оксана Валерьевна, докт. филол. наук

Осетрова Елена Валерьевна, докт. филол. наук

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Боргоякова Тамара Герасимовна, докт. филол. наук (Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова)

Иванцова Екатерина Вадимовна, докт. филол. наук (Томский государственный университет)

Копнина Галина Анатольевна, докт. филол. наук (Сибирский федеральный университет)

Косяков Геннадий Викторович, докт. филол. наук (Омский государственный педагогический университет)

Куликова Людмила Викторовна, докт. филол. наук (Сибирский федеральный университет);

Панин Леонид Григорьевич, докт. филол. наук (Новосибирский государственный университет)

Пекарская Ирина Владимировна, докт. филол. наук (Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова)

Сковородников Александр Петрович, докт. филол. наук (Сибирский федеральный университет)

Шарифуллин Борис Яхиевич, докт. филол. наук (Лесосибирский педагогический институт – филиал СФУ).

@ Сибирский федеральный университет, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

I РУСИСТИКА.....	5
<i>Архипова Е.С.</i> Фразеологические новации в Рунете (на материале записей в блогах и комментариев к ним).....	5
<i>Белозор А.С.</i> Трансформация фразеологизмов и прецедентных текстов в современной русскоязычной научной фантастике.....	10
<i>Гасникова К.С.</i> Индивидуальное и инвариантное в устном нарративе о переселении поляков в Сибирь (на примере одного рассказа).....	19
<i>Ермакович Е.Е.</i> Подмена понятия как одна из форм алогизма.....	26
<i>Зверева М.И.</i> Имплицитная информационная война в текстах современной прессы.....	34
<i>Киямова К.И.</i> Пародийные техники в гоблинском переводе. На материале кинофильма «Звёздные войны. Буря в стакане».....	40
<i>Кулик Е.В.</i> Речевые приемы гармонизации педагогического общения в «ситуациях быстрого реагирования».....	48
<i>Мезит А.Э.</i> Профессиональная речь гидроэнергетиков в свете теории языковой игры.....	55
<i>Пшеницина Ю.Н.</i> Эксперт в телевизионной рекламе: типология коммуникативных ролей.....	61
<i>Серова С.В.</i> Политический памфлет: модель жанра и ее модификации.....	70
<i>Сысоева Н.А.</i> Мировоззренческие концепты в творчестве В.П. Астафьева (на материале концепта «Бог»).....	79
<i>Филатова М.А.</i> Специальные подъязыки в терминоведческом аспекте.....	86

Шелковская М.С.

Языковая игра в поэтическом языке В.А. Павловой (морфолого-словообразовательный, синтаксический и стилистический аспекты).....91

II ЛИНГВИСТИКА И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ.....107

Волуйко Т.В.

К понятию «авторитарность» в академическом дискурсе.....107

Дрыкова К.В.

К проблеме исследования юридического дискурса.....112

Лебедев И.Н.

Речевой акт отказа в бытовом дискурсе (на материале английского языка)...117

Лесков А.А.

Лингвокоммуникативные структуры трансляции опыта в устном нарративе.....125

Новикова М.С.

Нормы речевого этикета как свод коммуникативных правил.....136

Рубцова М.В.

Национальный коммуникативный стиль при взаимодействии на lingua franca в бизнес-дискурсе.....144

Слатова Е.Е.

Специфика звуко-символического концепта движения в современном японском языке.....150

III ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ.....160

Бехметьева Л.Ю.

Лаборатория поэтического акционизма: стратегии «разотчуждения повседневности».....160

Степанова В.А.

Поэтика экфрасиса в повести В. Распутина «Живи и помни».....167

IV ЖИВАЯ РЕЧЬ СТАРОЖИЛОВ СИБИРИ..... 177

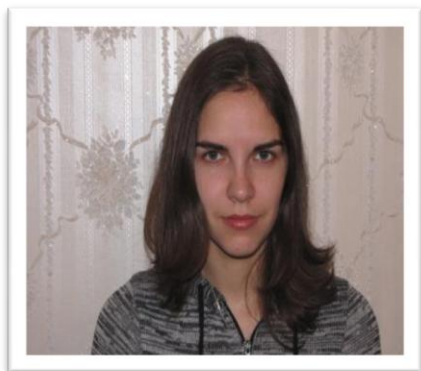
V СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....181

VI ТРЕБОВАНИЯ К ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ S_1.....183

I РУСИСТИКА

Е. С. Архипова¹

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ НОВАЦИИ В РУНЕТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ЗАПИСЕЙ В БЛОГАХ И КОММЕНТАРИЕВ К НИМ)

Статья посвящена исследованию фразеологических новаций, функционирующих в коммуникативном пространстве Рунета.

This article is devoted phraseological innovations used in the communication space of Runet.

Ключевые слова: фразеологическая единица, Рунет, фразеологические новации.

Keywords: phraseological unity, Runet, phraseological novations.

7 апреля 2012 года русскоязычному сегменту Интернета – Рунету исполнилось 18 лет. Домен .RU был зарегистрирован для России и внесен в международную базу данных национальных доменов верхнего уровня в 1994 году. За этот долгий период своего существования Рунет из рабочей среды немногочисленных профессионалов стал вторым по значимости и всеохватности коммуникативным пространством. Благодаря расширению круга пользователей, в Рунете есть все типы и сферы общения, которые есть в национальном русском языке. Происходит взаимное проникновение непосредственной и электронной речи: элементы, рожденные в Рунете, входят в живой русский язык, и наоборот.

Б.А. Ларин отмечал, что создание фразеологических словосочетаний неотъемлемо присуще историческому развитию, обогащению и совершенствованию языка [Ларин 1977]. Переходные типы от простых

¹ Научный руководитель – д. филол. наук проф. А.П. Сквородников

выражений с прямым и конкретным значением к фразеологическим стереотипам возникают и сейчас. Язык не стоит на месте, развивается, в нем появляются новые фразеологические единицы.

Нами было проанализировано около 1200 записей в блогах Рунета и комментариев к ним. Было выявлено 510 фразеологических единиц, среди которых 5 единиц можно назвать фразеологическими новациями, потому что они не зафиксированы в словарях (анализ материала осуществлялся при помощи 15 словарей, среди которых были фразеологические словари русского языка, словари русских сленгов и жаргона и толковые словари – полный перечень словарей см. в Литературе): *брать тепленьким; срать кирпичами; держать кого-либо за яйца; выносить мозг; <плевать> с высокой колокольни.*

Было проведено анкетирование студенческой молодежи в возрасте от 18 до 29 лет (85 студентов и магистрантов СФУ). В таблице, приведенной ниже, отражены данные эксперимента:

Выражение	Слышали	Не слышали	Употребляют	Не употребляют	Затруднились ответить	Социальный круг						Тип коммуникации		
						Со сверстниками	С людьми старшего возраста	В кругу семьи	На работе	В университете	Все варианты	В непосредственном общении	В интернет-общении	В обоих типах
Выносить мозг	85	Нет	77	7	1	49	4	21	3	18	30	9	3	68
Брать тёпленьким	82	3	39	39	7	28	17	12	2	7	35	23	1	37
<Плевать с высокой колокольни	69	16	44	38	3	29	9	11	3	10	27	15	2	42

Держать кого-либо за яйца	69	16	20	55	10	45	2	6	1	6	7	15	5	24
Срать кирпичам и	38	47	18	65	2	29	2	5	-	6	7	3	6	20

В результате эксперимента выяснилось, что респонденты многократно слышали данные выражения, но не все их употребляют. Из этого можно заключить, что данные выражения заслуживают того, чтобы быть включенными в соответствующие их стилистическому статусу словари: выражения «выносить мозг», «брать тёпленьким», «<плевать> с высокой колокольни» в толковые и фразеологические словари с пометой «разговорное», а выражения «держать кого-либо за яйца» и «срать кирпичами» – в словари жаргонов и сленга.

Отдельным пунктом анкеты было предложено объяснить выражения. Наиболее частотными семами, выделенными опрошенными при толковании выражения «выносить мозг», были «доставать, надоедать, мучить» – 32, «действовать на нервы» – 12, «говорить чепуху, ахинею, несуразицу» – 8, «раздражать, бесить» – 6. Обобщая эти данные, можно предложить следующую дефиницию: *выносить мозг* – «разговорами или поведением вызывать у собеседника психологический дискомфорт, подавленное состояние».

Наиболее частотными реакциями опрошенных при толковании выражения «брать тёпленьким» были «сразу, быстро» – 20, «поймать на месте преступления/проступка» – 14, «поймать с поличным» – 9. Можно предложить следующую обобщающую дефиницию: *брать тёпленьким* – «быстро действовать, застав кого-либо за совершением неблагоприятного поступка/преступления (или сразу после этого)».

Наиболее частотными семами, выделенными опрошенными при толковании выражения «<плевать> с высокой колокольни», были «безразлично относиться, проявлять безразличие» – 18, «все равно» – 16, «не обращать внимания, не принимать во внимание» – 5, «оставаться равнодушным или

пренебрегать» – 4. Можно предложить следующую обобщающую дефиницию: *<плевать> с высокой колокольни* – «проявлять равнодушие, безразличие в отношении кого- или чего-либо».

Наиболее частотными семами, выделенными опрошенными при толковании выражения «держать кого-либо за яйца», были «держать под контролем, контролировать» – 20, «иметь компромат» – 9, «манипулировать» – 9, «шантажировать» – 9, «иметь над человеком власть, влияние» – 5. Можно предложить следующую обобщающую дефиницию: *держать кого-либо за яйца* – «держать в зависимости кого-либо при помощи шантажа или угроз».

Наиболее частотными семами, выделенными опрошенными при толковании выражения *«срать кирпичами»*, были «бояться» – 9, «испугаться, быть испуганным» – 8, «бояться сильно» – 5, «сильный испуг» – 4. Можно предложить следующую обобщающую дефиницию: *срать кирпичами* – «сильно чего-либо бояться, опасаться».

Следует подчеркнуть, что последние два выражения, в силу их резкого несоответствия этической и эстетической норме, могут быть лексикографически зафиксированы только в словарях нелитературной лексики и фразеологии.

Отметим, что данная анкета была предложена также 5 экспертам, докторам филологических наук, и результаты этого анкетирования подтвердили сделанные выводы.

Мы планируем продолжить исследование, расширив список фразеологизмов, отсутствующих в словарях, а также увеличив количество анкетированных и экспертов. Предполагается рассмотреть функционирование этих фразеологических единиц в других жанрах Рунета, таких как ICQ, форумы, чаты и социальные сети.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Елистратов В.С. Толковый словарь русского сленга: свыше 12000 слов и выражений: аргю, кинемалогос, жаргоны. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2010. 672 с.
2. Ларин Б.А. Очерки по фразеологии (О систематизации и методах исследования фразеологических материалов) // Б.А. Ларин. История русского языка и общее языкознание. М., 1977.
3. Фразеологический словарь современного русского литературного языка / под ред. проф. А.Н. Тихонова / Сост.: А.Н. Тихонов, А.Г. Ломов, А.В. Королькова. В 2 т. Т.1. М.: Флинта: Наука, 2004. 832 с.
4. Фразеологический словарь современного русского литературного языка / под ред. проф. А.Н. Тихонова / Сост.: А.Н. Тихонов, А.Г. Ломов, А.В. Королькова. В 2 т. Т.2. М.: Флинта: Наука, 2004. 832 с.
5. Фразеологический словарь русского литературного языка: ок. 13000 фразеологических единиц / А.И. Федоров. М.: АСТ, 2008. 878 с.
6. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь: ок. 6000 фразеологизмов / СПбГУ; Межкаф. словарный каб. им. Б.А. Ларина; А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова; под ред. В.М. Мокиенко. М.: Астрель: АСТ: Люкс, 2005. 926 с.
7. Словарь народной фразеологии. [Электронный ресурс]. URL: <http://folklor.academic.ru>
8. Большой толково-фразеологический словарь Михельсона. ETS Publishing house, 2004. 2208 с.
9. Левикова С.И. Большой словарь молодежного сленга. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2003. 928 с.
10. Никитина Т.Г. Молодежный сленг: толковый словарь: ок. 20 000 слов и фразеологизмов. М.: АСТ: Астрель, 2009. 1102, [2] с.
11. Фразеологический словарь русского языка под ред. А.И. Молоткова. М.: Советская энциклопедия, 1967. 543 с.

12. Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII – XX вв. / под ред. А.И. Федорова. М.: Топикап, 1995. 608 с.
13. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. 1536 с.
14. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. СПб.: Норинт, 2004. 768 с.
15. Фразеологический словарь русского литературного языка: в 2 т. / сост. А.И. Федоров. Новосибирск, ВО «Наука». Сибирская издательская фирма, 1995. Т1: А–М. 391 с.
16. Фразеологический словарь русского литературного языка: в 2 т. / сост. А.И. Федоров. Новосибирск, ВО «Наука». Сибирская издательская фирма, 1995. Т2: Н–Я. 395 с.
17. Фразеологический словарь русского языка. СПб.: ООО «Виктория плюс», 2012. 608 с.
18. Жуков А.В. Современный фразеологический словарь русского языка: ок. 1600 фразеологических единиц. М.: АСТ: Астрель, 2009. 443 с.

А. С. Белозор²

ТРАНСФОРМАЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ И ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ТЕКСТОВ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЯЗЫЧНОЙ НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКЕ

Статья посвящена приему трансформации фразеологизмов и прецедентных текстов в современной русскоязычной фантастической литературе. Рассмотрены основные способы трансформации фразеологизма в исследуемых текстах.

The article is devoted to the transformation of idioms and precedent texts in the modern Russian science fiction.

The key methods of transformation idioms and precedent texts are considered in the studied texts.

² Научный руководитель – д. филол. наук проф. А.П. Сковородников

Ключевые слова: трансформация фразеологизмов, языковая игра, русскоязычная научная фантастика.

Keywords: transformation of idioms, precedent text, language game, Russian science fiction.

Темой нашего доклада является использование (употребление) приема трансформации фразеологизма и прецедентного текста (или авторского обновления фразеологизма и прецедентного текста) в современной русскоязычной научной фантастике. Актуальной данная тема представляется нам потому, что прием трансформации фразеологизма и прецедентного текста является одним из видов языковой игры, функционирующей в текстах научной фантастики, и сама языковая игра в русскоязычной научной фантастике недостаточно изучена в настоящее время.

Под трансформацией фразеологизма и прецедентного текста мы будем понимать такой стилистический прием, который состоит «в таком изменении фразеологического оборота или прецедентного текста, которое направлено на усиление его экспрессивности и достижение того или иного смыслового эффекта» [Эффективное речевое общение 2012. С. 20]. В то же время под языковой игрой мы понимаем нетрадиционное, неканоническое (отклоняющееся от языковой / стилистической / речеповеденческой / логической нормы или от нейтрального варианта нормы) использование языка, охватывающее все уровни языковой системы, вызывающее у читателя эстетический эффект (а в его пределах – создание остроумных высказываний, в том числе – комического характера).

Началом западноевропейской фантастической литературы можно считать «Одиссею» Гомера, в которой реализуются первые виды фантастической литературы: утопия и фантастическое путешествие. Собственно научная фантастика как самостоятельный вид литературы зародилась в творчестве Ж. Верна и Г. Уэллса в 19 веке. У них она принципиально обособляется от общеподобной традиции, рисуя реальный мир, преображаемый наукой (к худу или к добру) и по-новому открывающийся взгляду исследователя.

Наиболее полное определение научной фантастики содержится в «Литературной энциклопедии терминов и понятий». Научная фантастика – это «вид фантастической литературы (или литературы о необычном), основанный на единой сюжетной посылке (допущении) рационального характера, согласно которой необычное (небывалое, даже, казалось бы, невозможное) в произведениях создается с помощью законов природы, научных открытий или технических изобретений, в принципе не противоречащих естественнонаучным воззрениям, существующим в то время, когда создавалось научно-фантастическое произведение» [Литературная энциклопедия терминов и понятий 2001. С. 312].

Успешность языковой игры обеспечивается использованием всего богатства средств языка: фонетических, словообразовательных, лексических, семантических, грамматических, стилистических, направленных на разрушение стереотипных высказываний и порожденных ими ожиданий адресата. При трансформации фразеологизма изменения могут касаться как семантики, так и формального состава фразеологизма (как считают, например, С.Б. Донгак [Культура русской речи 2003. С. 372–374] и А.П. Сковородников [Эффективное речевое общение 2012. С. 20–21]).

Среди представленных ниже примеров есть случаи, относящиеся к изменению формального состава фразеологизма или прецедентного текста. При этом, как отмечает С.Б. Донгак, нарушения / изменения касаются лексической стороны фразеологизмов, не затрагивая грамматическую сторону. Трансформация фразеологизмов и прецедентных текстов происходит с помощью основных операциональных принципов: прибавления, убавления, замещения и перестановки. А.П. Сковородников выделяет 7 разных способов авторского обновления фразеологизмов [Эффективное речевое общение 2012. С. 20–21]:

1. Сокращение лексического состава фразеологизма или прецедентного текста при сохранении его основного значения;

2. Расширение лексического состава фразеологизма или прецедентного текста (иногда с частичной заменой его компонентов), как правило, с приданием ему нового, контекстуального смысла;

3. Замена компонента (компонентов) фразеологизма или прецедентного текста без сокращения или расширения его лексического состава;

4. Замена всего или почти всего лексического состава фразеологизма или прецедентного текста при сохранении модели, а иногда (в стихе) размера и ритма;

5. Изменение значения фразеологизма или прецедентного текста под влиянием контекста при сохранении лексического состава (в том числе приобретение переносного значения или, наоборот, буквализация тропа);

6. Контаминация (совмещение) в одном высказывании двух устойчивых оборотов (иногда с трансформацией их структуры);

7. Трансформация прецедентных имен собственных.

I. Трансформация фразеологизма или прецедентного текста осуществляется с помощью принципа замещения одного компонента другим (или нескольких компонентов другими) при сохранении его модели, а иногда ритма и размера, если речь идет о стихотворении или песне (пункт 4).

Исходные выражения приведены в скобках после примеров. Например:

1. – *Надо уважать чужие верования.*

– *Я уважаю, – возразил пилот, – кроме тех, которые противоречат моим.*

– *А они у тебя есть? – удивился капитан.*

– *Конечно, – и глазом не моргнул Теодор. – Я поклоняюсь **Пресвятой Троице: Светлому, Темному и Нефильтрованному.** А здесь их не только на вынос – даже на разлив почитать запрещено. (О. Громыко. Космоэколухи). (Ср.: **Пресвятая Троица: Отец, Сын и Святой Дух.**)*

2. – *Есть еще плазма в плазмомете, – пробормотал он, – осторожно ставя поднос в душевую кабину и прикрывая дверцу. (О. Громыко.*

Космоэколухи). (Ср.: – А что паны, – сказал Тарас, перекликнувшись с куренными, – **есть еще порох в пороховницах?** Н. Гоголь. Тарас Бульба).

3. – **Терпи, джигит, а то мертвым будешь**, – приговаривал Илья, нежно руки Кубатаю заламывая да кушаком связывая. – *Еще спасибо мне скажешь* (Ю. Буркин, С. Лукьяненко. *Остров Русь*). (Ср.: **Терпи, казак, атаман(ом) будешь!** (пословица))

4. *Некоторое время Золотарь сидел, глядя в окно. **Ночь, улица. Фонарь. Аптеки нет, зато есть «Second Hand»*** (Г.Л. Олди. *Золотарь, или...*). (Ср.: **Ночь, улица, фонарь, аптека**, / Бессмысленный и тусклый свет. / Живи еще хоть четверть века – / Все будет так. Исхода нет. А.А. Блок).

5. – *Сейчас. Он наш...*

– *Что-то долго молчит.*

– *Десять мудаков молчали-молчали, да не вымолчали... Ох, извините! Что-то меня колбасит.*

– *Меня тоже. Гнилая тут у вас атмосфера* (Г.Л. Олди. *Золотарь, или...*). (Ср.: **Корабли лавировали, лавировали, да не вылавировали**, скороговорка).

6. **Ты не вейся, Черный Блоггер, над моею головой! Черный Блоггер, я не твой** (Г.Л. Олди. *Золотарь, или...*). (Ср.: Черный ворон, Черный ворон, / Что ты вьешься надо мной? / Ты добычи не дождешься, / **Черный ворон, я не твой!** русская народная песня «Черный ворон»).

7. **Сидел за решеткой в темнице сырой, страдая с похмелья, дурак молодой. Ох и муторно же ему было!** (Ю. Буркин, С. Лукьяненко. *Остров Русь*). (Ср.: **Сижу за решеткой в темнице сырой**, / Вскормленный в неволе орел молодой. А.С. Пушкин. Узник).

8. **Одна снежинка еще не снег, одна дощечка – еще не гроб...** (А. Валентинов. «Даймон»). (Ср.: **Одна снежинка ещё не снег, ещё не снег.** / Одна дождинка ещё не дождь. – песня на слова Л. Дербенёва).

9. *Князь Владимир утешал вновь разрыдающуюся Несмеяну:*

– *Ничего-ничего, жили без мужа и дальше поживем. Не плачь, девчонка. Пройдут дожди. Дурак найдется. Ты только жди* (Ю. Буркин, С. Лукьяненко. Остров Русь). (Ср.: **Не плачь, девчонка, / Пройдут дожди, / Солдат вернется, / Ты только жди!** Э. Хиль. Не плачь, девчонка).

II. Также часто встречаются случаи, когда трансформация фразеологизма или прецедентного текста происходит с помощью замены компонента (компонентов) без сокращения или расширения лексического значения фразеологизма или прецедентного текста (пункт 3). В скобках приводим изначальное выражение, которое было в дальнейшем трансформировано. Например:

1. *И сам себя спрашиваю – а на кой байт мне эти посты руководящие?* (Л. Каганов. Харизма). (Ср.: **На кой ляд** (прост. бранное). Зачем, для какой надобности?)

2. – *Ай да мы, – прошептал Иван. – Богатыри, не мы...* (Ю. Буркин, С. Лукьяненко. Остров Русь). (Ср.: Да, были люди в наше время, / Не то, что нынешнее племя: / **Богатыри – не вы!** М.Ю. Лермонтов. Бородино).

3. *И, что самое потрясающее, помимо сериалов Эдит Назаровна ежедневно смотрит молодежные реалити-шоу. Теща по разуму* (Е. Лукин. С нами бот). (Ср.: **Братья по разуму**).

4. *А уж как автопилот обрабатывает внешнюю информацию... Знаем, видели. Так что грядущее, господа, одному боту известно. Кстати, о ботах...* (Е. Лукин. С нами бот). (Ср.: **Одному богу известно / одному только Богу известно**).

5. – *Бабки – ничто, понты – все. Ты дыши, дыши* (Г.Л. Олди. Золотарь, или...). (Ср.: Имидж – **ничто**, жажда – **все** (рекламный лозунг).

6. *Давнее мое предположение подтверждалось на глазах: пробки и впрямь перегорают по очереди. Дурачок умер – да здоровствует дурачок!* (Е. Лукин. Чичероне). (Ср.: **Король умер. Да здоровствует король!** (Le Roi est mort, vive le Roi! – традиционная французская фраза, впервые произнесенная при коронации Карла VII в 1422 г.).

7. – *Моя прекрасная зомби...* – молвил он со скорбной улыбкой <...>. – Ты, главное, не волнуйся. Вылечим... (Е. Лукин. Лечиться будем). (Ср.: «Моя прекрасная леди». Название фильма, снятого по пьесе Б. Шоу «Пигмалион»).

8. *Разгулялась демократия, не остановишь, не уймешь. Каравай, каравай, кого хочешь – убивай! Уже до адвокатов очередь дошла* (А. Валентинов. Даймон). Ср.: «Каравай, каравай, кого хочешь выбирай» (детская песня «Каравай»).

III. Не меньше распространен способ трансформации фразеологизма или прецедентного текста, при котором один компонент изменяет свою лексическую форму:

1. *На траурном фоне маленько серебрились корявые выстроившиеся по вертикали буквы: «Старые имперечницы!»* (Е. Лукин. Лечиться будем).

В данном случае при помощи морфологического способа словообразования (добавление префикса «им-») происходит изменение смысла фразеологизма на «старые последовательницы имперского строя» (вместо «сварливой и злой старухи» в просторечном бранном выражении «старая (чертова) перечница»).

2. *Тожже пойдет. «Белохалатное отношение». М-м... Так себе. Ну да ладно, если в общей подборке...* (Е. Лукин. Лечиться будем).

Ср.: «халатное отношение к работе» – «недобросовестное, небрежное».

3. *Опять же таранила нас слегка переделанная «десятка». Вот если бы джип с лебёдкой... Я бы на месте следователя перепихнул это дело гаишникам. Чисто ГИБДДдически* (Е. Лукин. С нами бот).

С помощью операционального принципа замены компонента образуется трансформированный фразеологизм «чисто ГИБДДдически» со значением «основанный на работе службы ГИБДД» (вместо «основанный на гипотезе, предположительный» в исходном выражении «чисто гипотетически»).

IV. Еще в текстах научной фантастики авторы часто используют такой способ трансформации фразеологизма или прецедентного текста, при котором происходит сокращение лексического состава фразеологизма при сохранении

его основного значения (пункт 1). Во всех приведенных ниже случаях используется операциональный принцип убавления:

1. – *А ты знаешь, что нежелание лечиться называется «негативизм»? И тоже лечится!*

– *Слышала звон... – несколько даже разочарованно хмыкнул Артем.* (Е. Лукин. Лечиться будем).

Происходит сокращение русской пословицы «слышал звон, да не знаешь (не знает), где он» с сохранением ее лексического значения «знать дело только частью, не совсем, смутно».

2. *Неужели бот все-таки прокололся? Хотя этого следовало ожидать. Сколько бы веревочке не виться. Ну нельзя же в самом деле постоянно выкидывать ответы наобум и ни разу не попасть в дурацкое положение!* (Е. Лукин. С нами бот).

Сокращается русская пословица «сколько веревку ни вить, а концу быть», ее лексическое значение после образования трансформированного фразеологизма сохраняется («все имеет свой конец»).

3. *Золотарь, или Просите и дано будет...* (Г.Л. Олди. Золотарь, или...).

В данном случае сокращается фраза из Евангелия: «**Просите и дастся вамъ**, ищите и обрящете, толщьте и отверзется вамъ» (Евангелие от Матфея. 7:7; Евангелие от Луки 11:9).

И, наконец, наименее частотными являются следующие случаи.

А) Когда возникает контаминация в одном высказывании двух устойчивых оборотов (пункт 6):

– *Не бзди, старик! Мы еще увидим небо в пороховницах! За мной!*

Подхватило, завертело (Г.Л. Олди. Золотарь, или...).

В данном примере происходит совмещение двух устойчивых выражений: «есть еще порох в пороховницах» и «мы увидим все небо в алмазах». Ср.: – А что паны, – сказал Тарас, перекликнувшись с куренными, – **есть еще порох в пороховницах?** (Н. Гоголь. Тарас Бульба). И второе выражение: – Мы отдохнем! Мы услышим ангелов, **мы увидим все небо в алмазах**, мы увидим,

как все зло земное, все наши страдания потонут в милосердии, которое наполнит собою весь мир, и наша жизнь станет тихую, нежною, сладкою, как ласка (А.П. Чехов. Дядя Ваня).

Б) Происходит трансформация фразеологизма при полном сохранении грамматической модели и полной замене лексического состава:

Дома (дома, ха!) – пыль, тишина и глюкавый компьютер, пельмени и те кончились. В кино на очередной «Вечерний Позор»? Увольте! (А. Валентинов. Даймон). (Ср.: фильм «Ночной дозор»).

Немаловажным является факт количественной соотнесенности трансформации фразеологизмов и прецедентных текстов. Среди найденных нами примеров преобладают трансформированные прецедентные тексты: 15 из 25 (60%). Трансформированные фразеологизмы составляют 40%, или 10 примеров. Характерно также то, что в текстах современной научной фантастики трансформации в первую очередь подвергаются тексты классической литературы (и прозы, и лирики), а во вторую очередь – песни (как русские народные, так и современные авторам). Это дает возможность предположить, что для авторов современной русскоязычной научной фантастики проще обращаться в своем творчестве к прецедентным текстам, чем к фразеологизмам.

Таким образом, наше исследование показало, что в текстах современной русскоязычной научной фантастики широко используется прием трансформации фразеологизмов и прецедентных текстов. Отметим, что нами не были обнаружены в текстах **научной фантастики** примеры, которые иллюстрировали бы такой способ трансформации фразеологизма (или прецедентного текста) как изменение значения фразеологизма под влиянием контекста при сохранении лексического состава (например, буквализация фразеологизма). Хотя данный случай часто встречается в публицистических текстах и других жанрах художественной литературы (в том числе в текстах **русскоязычного фэнтези**).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М., 2003. С. 372–374.
2. Научная фантастика // Литературная энциклопедия терминов и понятий / гл. ред. и сост. А.Н. Николюкин. М., 2001. С. 312–314.
3. Современный фразеологический словарь русского языка: ок. 1600 фразеологических единиц / А.В. Жуков, М.Е. Жукова. М., 2009. 443 с.
4. Фразеологический словарь русского языка / сост. М.И. Степанова. СПб., 2012. 608 с.
5. Эффективное речевое общение (базовые компетенции): словарь-справочник / под ред. А.П. Сковородникова. Красноярск, 2012. С. 20–21.

К. С. Гасникова³

ИНДИВИДУАЛЬНОЕ И ИНВАРИАНТНОЕ В УСТНОМ НАРРАТИВЕ О ПЕРЕСЕЛЕНИИ ПОЛЯКОВ В СИБИРЬ (НА ПРИМЕРЕ ОДНОГО РАССКАЗА)

В статье описываются индивидуальные особенности стиля рассказчика и ключевые концепты устного нарратива о переселении поляков в Сибирь.

This article describes specific features of the narrator's style and key concepts of the oral narrative about the resettlement of Poles to Siberia.

Ключевые слова: идиостиль, нарратив, концепт.

Keywords: idiostyle, narrative, concept.

Семейные рассказы помогают выявить представления современного человека о родстве, предках, «судьбе рода», условиях создания и распада семьи [Разумова, 2002].

³Научный руководитель – к. филол. наук доц. А.Н. Сперанская

В задачу нашего исследования входит сбор и анализ устных рассказов современных красноярцев (жителей края) на семейно-биографические темы, главной из которых является переселение семьи в Сибирь [Сперанская, 2010].

Сибирский субэтнос является многонациональным. Исторически Сибирь заселялась в том числе ссыльными поляками.

Как отмечает польский историк Анна Запалец, воспоминания, рассказы, мемуары депортированных очень важны для изучения процесса депортации, так как они часто являются основным источником для реконструкции хода депортации в данной местности.

Исследования в области нарративистики позволяют описать феномен «человека рассказывающего» и выявить некоторые константы культуры.

В статье анализируется речь рассказчика на предмет выявления индивидуальных черт и инвариантных формул, переданных рассказчику при неоднократном повторении семейной истории, на материале нарратива о переселении в Сибирь польской семьи Чинчива.

Запись текста осуществлялась в городе Красноярске, рассказчик – Ольга Григорьевна, юрист, 51 год (далее в настоящей статье – О.Г.) и записывающий знакомы, поэтому обстановка во время беседы была естественной.

Рассмотрим особенности идиостиля рассказчика. Образование и профессия О.Г. отражается в тексте на лексическом, грамматическом, синтаксическом, стилистическом уровнях языка.

Для речи О.Г. характерно:

наличие особого запаса лексики:

вот в частности мой дедушка Пётр Чинчива / ему предоставила Польша / польская сторона жильё в городе Вёнзове;

до выселения они проживали в деревне Юстиновка;

одна наша сестра Эмилия / вот она живет в Варшаве/ остальные проживают вот так более компактно;

никто в те времена не акцентировал внимание вот на своей строке национальности;

включение в текст аббревиатур, употребление отглагольных существительных, отыменных предлогов:

были сосланы в соответствии с постановлением ынкавэдэ;

там тоже бывали люди / которые были уполномочены совершать обряд крещения в отсутствие ксёндза;

которого не взяли на войну по причине инвалидности;

кто-то из родных вот моей мамы всё-таки в силу обстоятельств / кто проживал на территории центральной Польши / вот они не попали под эту ссылку;

использование различных устойчивых словосочетаний, служащих для связи частей сложного предложения:

польское имя мамы Франчишка / оно было сокращено в советских документах до имени Франя / и таким образом / установить родственные вот эти вот связи / приходилось устанавливать их очень долго;

прямой порядок слов в предложении как преобладающий принцип его конструирования;

тенденция к употреблению сложных предложений, отражающих логическое подчинение одних фактов другим:

Несмотря на то что им тогда было очень мало лет / моя мама две тысячи третьего ой две тысячи ой тысяча девятьсот двадцать третьего года рождения / ее сестра Янина двадцать первого года рождения / в общем две молодые девушки / не одетые должным образом / потому что выселяли в спешном порядке и мало вещей было с собой / вот они там работали на / лесозаготовках;

на уровне грамматики также можно отметить особенности, характерные для речи юриста:

мама тоже выехала из этой деревни Пискуновка / в которой она была обязана проживать вот по решению этих административных органов по выселении;

обучение-то она всё прошла на польской территории / на польском языке (конструкции глагол + существительное вместо простого глагольного сказуемого характерны для официально-делового стиля речи).

Таким образом, отметим влияние книжной речи на устное повествование.

Речь рассказчика богата историческими фактами:

... которая на тот момент была территорией Польши и в соответствии с пактом Молотова–Риббентрона / когда произошел раздел Польши / эта территория отходила к территории Западной Украины;

... но к сожалению она этим там практически ничем не успела воспользоваться потому что несмотря на то что закон о реабилитации вышел в девяносто втором году / это заняло тоже какое-то определенное время;

.... и вообще вы же знакомы с историей / никто в те времена не акцентировал внимание вот на своей строке национальности.

Историю переезда семьи из Польши в Красноярский край О.Г. слышала от матери, для которой русский язык не был родным. Поэтому контрастно выделяющиеся на фоне книжной речи фрагменты текста разговорного регистра мы считаем тем инвариантом, прецедентом, который воспроизводится О.Г. снова и снова. Исторические факты были самостоятельно добавлены к семейной истории о переселении в силу интереса О.Г. к этой теме.

Примеры смены речевых регистров:

... до этого / до выселения они проживали в деревне Юстиновка Подгайского района Тернопольской области / которая на тот момент была территорией Польши и в соответствии с пактом Молотова–Риббентрона / когда произошел раздел Польши / эта территория отходила к территории Западной Украины // Оче-нь сложно добирались в Сибирь / в товарных поездах / много поляков погибло;

Она поселилась в деревне Пискуновка Казачинского района и где все сразу были определены на работы.

История, рассказанная матерью, дополнена О.Г. культурологическими заметками – о прочитанной книге:

Вот история переселения и вообще заселения Сибири поляками этой категории / поляками осадниками / которые были выселены с приграничных районов / Польши и Советского Союза / она очень хорошо описана в книге Домино Сибириада / и я когда читала эту книгу ну эта книга была просто вот повторением рассказов моей мамы.

Заметим, что слово «осадник» – полонизм, зафиксировано с пометой «ист.», значение от польского *osadnik* – поселенец (вышедшие в отставку солдаты, офицеры польской армии, члены их семей, а также гражданские переселенцы-поляки, получившие после окончания советско-польской войны и позднее земельные наделы на территориях Западной Украины и Западной Белоруссии с целью активной колонизации территорий, отошедших Польше по Рижскому мирному договору (1921).

Или, например, упоминание города снабжено справкой о нём:

... ему предоставила Польша / польская сторона жильё в городе Вёнзове / это очень старый немецкий город / он по-моему насчитывает уже / его история насчитывает около восьмьсот лет.

Речь рассказчика относится к литературному типу (разговорная речь с элементами книжной). Переход между регистрами в основном плавный, они гармонично сочетаются в речи О.Г. Рассказчик таким образом как бы создает инвариантную семейную историю, свидетелем которой он не был.

Интересной является особенность повторения эмоциональных выражений, свойственных художественному стилю. Они идут как бы рефреном после информации о прочитанной книге, переезде, родном языке – тех событиях и фактах, которые наиболее сильно повлияли на рассказчика или его семью:

.. когда мы прочитали эту книгу / и книга произвела на нас большое впечатление / потому что еще раз уже литературным языком уже в подробностях узнали историю вот этого переселения;

Ну и всегда говорят об этом так осторожно и немногословно / ну потому что это вот такое конечно неизгладимое впечатление / вот такой переезд / который кардинально поменял жизнь не одного поколения поляков;

Но потом уже когда я позже начала сама изучать польский язык / я поняла / как много слов мама говорила вот на польский манер // Например слово Окно / она никогда не говорила окнО / она говорила Окно / но нас было непонятно почему она так говорила // Ну вот / польский язык он всё-таки оставил неизгладимое впечатление.

Второй рефрен вызван концептом «память»:

Все были настолько напуганы вот этой вот сибирской ссылкой / что добровольно поехать туда даже в гости / даже вот к своей сестре / никто не решался // Вот эта память а / о Сибири она живет в их сердцах;

Здесь живут наши семьи наши друзья наша работа / но память о Польше она всегда в наших сердцах.

Концепты – это ментальные образования, отмеченные этнокультурной спецификой и находящие языковое выражение [Воркачев, 2002].

Наряду с концептом «память» в рассказе О.Г. выделяются «время», «место», «вера», «язык», «война», «семья», «воля».

Они представлены следующими лексемами:

Память (живет в сердцах, назвать в память о).

Место (территория, Польша, Сибирь, Советский Союз, Балтика, Вроцлав, Пискуновка, здесь, там, местность).

Время (конкретные годы, тогда, даты католических праздников).

Язык (русский, польский, родной, знать, владеть, поговорить, общаться).

Война (не взяли, закончилась, шла).

Семья (отец, мать, сестра, дочь, родные, близкие, родственники).

Воля (чужая).

Наблюдается разделение мира на «свое» и «чужое», родное и навязанное.

Композиция рассказа цепочечного типа. Первая реплика большого объема, содержит следующие элементы: краткая информация о семье отца,

подробный рассказ о семье матери (приезд в Сибирь, определены на работу, болезни и смерти, возможность возвращения, поиск родных, установление родственных связей, поездка на родину на время, визитов из Польши не было, теплые воспоминания о сибиряках).

Далее темы были инициированы записывающим, ответы на вопросы раскрывают следующие сюжеты рассказа: родина для рассказчика – Красноярск, кто говорил в семье на польском языке, о русском языке, католическая вера и семейные праздники, традиции имянаречения.

Итак, рассказчик представляет собой тип повествователя, владеющего литературным языком книжного и разговорного регистров, испытывающего влияние профессии юриста, происхождения (использование полонизмов), книжной речи (устойчивые эмоциональные формулы). Для индивидуальной картины мира рассказчика характерно разделение пространства личного и территориального на «свое» и «чужое», навязанное извне, чужой волей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабин Д.М. Русско-польский и польско-русский словарь. М., 2012. 512 с.
2. Воркачев С.Г. Концепт счастья в русском языковом сознании: опыт лингвокультурологического анализа. Краснодар, 2002.
3. Разумова И.А. Потаенное знание современной русской семьи. Быт. Фольклор. История. М., 2002. 374 с.
4. Сперанская А.Н. Семейные рассказы о переселении в Сибирь как лингвокультурологический феномен // Приенисейская Сибирь как лингворегион : материалы I Межвузовской научно-практической конференции с международным участием, посвященной памяти В.Н. Роговой, Красноярск, 2–10 ноября 2009 г. Красноярск, 2010. С. 349–357.
5. Сперанская А.Н. Языковое воплощение идеи рода в устном семейном нарративе (на примере одного рассказа красноярца) // Язык и социальная

действительность: Доклады Междунар. научного семинара. Bydgoszcz, Polska, 28–29 апреля 2009 г. Красноярск, 2009. С. 117–124.

6. Шмелев А.Д. Можно ли понять русскую культуру через ключевые слова русского языка? 2010. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rodnoe-slovo.org/node/97>.

7. Zapalec A. Memoirs of Siberian deportees as a historical source in the research on the process of deporting Polish citizens deep into the USSR (1940–1941). 2012. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.history.pth.net.pl/article,11>.

Е. Е. Ермакович⁴

ПОДМЕНА ПОНЯТИЯ КАК ОДНА ИЗ ФОРМ АЛОГИЗМА

Статья посвящена алогизмам, основанным на подмене понятия как одном из видов отклонения от закона тождества. Главным критерием разграничения логических ошибок и паралогических приемов является интенция автора, которая может быть определена только по контексту, в том числе по жанру высказывания.

This article is devoted to alogisms, based on substitution of concept as a kind of deviation from the law of identity. The main criterion of differentiation of logical errors and paralogical stylistic devices is an author's intention, which can be recognized just in the context including speech genre.

Ключевые слова: алогизм, паралогический риторический прием, логическая ошибка, закон тождества, подмена понятия, отклонение.

Keywords: alogism, paralogical stylistic device, logical error, law of identity, substitution of concept, deviation.

Все алогизмы (приемы и ошибки) можно разделить на группы, в основе которых будет лежать отклонение от одного (иногда – нескольких) из основных законов формальной логики. В данной статье будет рассмотрен один из классов алогизмов, основанных на отклонении от закона тождества.

⁴ Научный руководитель – д. филол. наук проф. А.П. Сковородников

Закон тождества формулируется в логике следующим образом: «всякая мысль в процессе рассуждения должна быть тождественна самой себе. Это означает, что предмет мысли должен рассматриваться в одном и том же содержании своих признаков на всем протяжении рассуждения или доказательства» [Черняк, 2004: 7]. Существует также такая формулировка: «объем и содержание мысли о каком-либо предмете должны быть строго определены и оставаться постоянными в процессе рассуждения о нем» [Формальная логика, 1977: 77]. Этот закон выражается формулами «Если А, то А» и « $A=A$ ».

Из самой формулировки закона мы приходим к двум важным требованиям к содержанию речи: во-первых, нетождественное нельзя принимать за тождественное, во-вторых, не допускается многозначное толкование высказывания, т. е. мысль должна быть сформулирована таким образом, чтобы истолковать ее можно было бы только одним-единственным способом.

Стоит отметить, что, строго говоря, любое слово, использованное не в своем прямом, закреплённом в языке, кодифицированном или узусном значении будет являться алогизмом, и тогда под понятие алогизма попадают все тропы (метафоры, метонимии, эпитеты, олицетворения, гиперболы и т. д.), но в этом случае оказывается размытым понятие логической нормы в речи. Мы считаем, что такое широкое понимание алогизма допустимо, но в таких научных дисциплинах, как лингвокультурология или когнитивная лингвистика. Что касается стилистики, то, на наш взгляд, будет разумнее ограничить нарушения закона тождества по первому приведенному нами условию следующим образом: считать слова и словосочетания, использованные в речи в переносном значении, сохраняющими ситуативное тождество, поскольку одним из условий соблюдения закона тождества является сохранение тождества мысли самой себе в процессе рассуждения, т. е. считать переносные значения слов и словосочетаний в речи их собственными для данного

контекста. Иными словами, мы исключаем тропы из числа нарушений закона тождества.

Таким образом, мы получаем три класса алогизмов на основе отклонения от закона тождества: 1) алогизмы, построенные на подмене понятий; 2) алогизмы, построенные на неоднозначности (двусмысленности); 3) алогизмы, построенные на непоследовательности. Остановимся подробнее на первом из них.

Подменой понятий в логике и лингвистике называют такую логическую ошибку, которая заключается в неправомерной замене одного понятия в речи другим. Существует также сходное с ним понятие «подмена тезиса», имеющее аналогичный принцип действия, когда «доказывается не тот тезис, который был сформулирован вначале» [Черняк, 2004: 70]. «Часто такая подмена тезиса осуществляется на почве непонимания смысла тезиса, его нечеткой формулировки или как результат неверных преобразований тезиса с целью придать ему удобную для доказательства форму» [Формальная логика, 1977: 167]. Аналогично подмена понятия (в случае, если это ошибка, то есть совершена непреднамеренно) возникает из-за нечеткого понимания говорящим смысла используемого им понятия.

Однако, говоря об алогизмах, построенных на подмене понятий, мы имеем в виду не только вид ошибок, получивших данное название, но и группу стилистических фигур. В их число входят: паронимазия, ложная этимология, буквализация (реализация) метафоры. Таким образом эта группа алогизмов основана на механизме подмены, когда слово или словосочетание выступает в речи в не своем значении.

Для примера сравним следующие два высказывания:

- Гагарин был первым *проходимцем* в космосе. (Из сочинения)
- Древняя история есть такая история, которая произошла с римлянами, греками, ассирийцами, финикийцами и прочими народами, говорившими на *мертворожденных* языках. (Н. Тэффи «Древняя история»)

В первом случае мы видим логическую ошибку, заключающуюся в том, что абитуриент использует слово «проходимец», которое означает «мошенник, плут, пройдоха» [БТСРЯ, 2008. С. 1037], в значении «тот, кто побывал где-либо первым».

Во втором случае отклонение от закона тождества происходит по такому же принципу: слово «мертворожденный» не может относиться к языкам, которые когда-то существовали и полноценно функционировали, поскольку означает «рожденный мертвым; заведомо неосуществимый, непригодный для осуществления; нежизненный» [БТСРЯ, 2008. С. 535], и в данном контексте означает просто «мертвый», только здесь девиация совершается намеренно, нарочно, с целью создания комического эффекта, что следует из самого понятия жанра сатиры, в котором написано произведение Н. Тэффи.

Таким образом, сама жанровая форма, диктующая автору определенные условия, становится контекстом, помогающим определить авторскую интенцию и, в зависимости от этого, классифицировать наблюдаемые в тексте отклонения как намеренные или ненамеренные. Жанр сочинения, например, не предполагает наличия комических элементов. Тем не менее, первое из взятых нами высказываний в другом контексте (в том числе, в произведении писателя-сатирика) может оказаться вполне удачной шуткой, если автор при этом по каким-то причинам поставит перед собой задачу осмеять Ю. А. Гагарина или просто «поиграть словами».

Устраняются подобные алогизмы путем лексической замены. В приведенных выше примерах достаточно заменить слово «проходимцем», к примеру, на «первопроходцем» (убрав также определение «первым»), а «мертворожденных» – на «мертвых ныне», и тогда эффект пропадает.

Однако встречаются высказывания, которые трудно привести к нейтральному виду, совершив лишь одну механическую замену, поскольку нарушение логики кроется не столько в лексике, сколько в структуре самой мысли. Рассмотрим такие высказывания:

- *Так как Печорин – человек лишний, то и писать о нем – лишняя трата времени.* (Из сочинения)
- *Доказательство от **противного** – это когда доказывать **противно**, а приходится.* (ЛГ № 31. 2010)

«Лишний человек» в литературоведении – это «социально-психологический тип, запечатленный в русской литературе первой половины 19 в.; его главные черты: отчуждение от официальной России, от родной среды (обычно дворянской), чувство интеллектуального и нравственного превосходства над ней и в то же время – душевная усталость, глубокий скептицизм, разлад слова и дела» [Литературная энциклопедия терминов и понятий, 2001. Стб. 485], однако в контексте приведенного высказывания это понятие подменяется словарным значением слова «лишний»: «такой, без которого можно обойтись, ненужный» [БТСРЯ, 2008. С. 502], так как лишней тратой времени может быть разговор о ненужном человеке, но никак не о типе литературного персонажа, коим является Печорин, особенно если темой сочинения является произведение, в котором этот персонаж изображен. Следовательно, мы можем сделать вывод, что имеем в данном случае дело с ошибкой. Однако в разговоре школьников или студентов, не любящих произведение М. Ю. Лермонтова или его персонажа, подобная фраза ошибкой не окажется, поскольку отразит личное отношение говорящего к предмету разговора либо порадует собеседников остроумной игрой слов.

Аналогичный механизм создания мы наблюдаем во втором случае: понятие «доказательство от противного», т. е. от противоположного (ср.: «**ПРОТИВНЫЙ** <...> Книжн. То, что является обратным данному или требуемому. *Доказательство от противного*» [БТСРЯ, 2008. С. 1032]) подменяется за счет внешнего сходства с понятием «противный» как «очень неприятный, отвратительный» [Там же]. Такой механизм часто используется при создании ложной этимологии. Отметим, однако, что данная фраза, будучи шутливым определением на странице газеты, в учебнике по логике или

ораторскому искусству превратится в ошибку, поскольку исказит сущность термина.

Подмена может строиться и за счет нарушения соотношения понятий.

Например:

- *Несмотря на множество действующих лиц в романе, **главной и значимой** фигурой все-таки был и остается Родион Раскольников – Наполеон в душе и преступник в жизни.* (Из сочинения)
- *Мы настолько парадоксальны, что по праздникам желаем друг другу счастья в **семейной и личной** жизни...* (М. Задорнов, «Мы»)

В первом случае понятия «главный» и «значимый» соотносятся между собой по степени интенсивности: «значимый» - это «имеющий значение, вес, ценность, **важный**» [БТСРЯ, 2008. С. 368], а «главный» - «**самый важный, основной, центральный**» [БТСРЯ, 2008. С. 206]. Таким образом, второе по отношению к первому выступает как интенсив. Тем не менее, автор сочинения, ставя между ними союз «и», фактически отрицает эту иерархию, делая их однопорядковыми, что приводит к подмене не непосредственно понятия, но отношений между понятиями. Отметим также, что в данном случае значительную роль играет порядок слов, поскольку, если сказать «значимой и главной фигурой», смысл фразы несколько изменится и перестанет быть ненормативным, так как эти два определения, не будучи связанными строго иерархическими отношениями, разойдутся семантически, обретя каждое свой оттенок смысла.

Во втором высказывании мы наблюдаем также два определения, связанные между собой отношениями смыслового сходства: понятие личной жизни наряду с другими включает в себя и семейный аспект, но в данном контексте они предстают перед нами как контрарные, т. е. исключают друг друга. Стоит, однако, заметить, что в данном примере сатирик, иронизируя над национальным характером, использует в качестве шутки именно логическую ошибку, что мы видим по его характеристике «парадоксальны» по отношению

к русским, и таким образом придает ей статус приема создания комического эффекта, иронии.

В некоторых случаях подмена понятия может быть связана с нарушением лексической сочетаемости:

- *Сзади у поросят находится **кудрявый** хвостик, по которому их отличают от других домашних животных.* (Из сочинений)
- *Я высказал предположение, что ходьба по полу верхнего этажа может довести лампу до самого **легкомысленного** падения.* (А. Аверченко «Жалкое существо»)

Под «кудрявым хвостиком» автор, очевидно, подразумевал завитой хвостик, т. е. «имеющий вид спирали; закрученный» [БТСРЯ, 2008. С. 314], но по ошибке подменил одно слово другим, с поросячьим хвостиком не сочетающимся, поскольку вьется у поросят не шерсть на хвостике, а сам он имеет форму спирали.

Во втором случае мы имеем дело с гипаллагой, приемом, состоящем «в переносе элемента одной синтаксической группы в другую, с ней смежную» [Культура русской речи, 2003. С. 130]. То есть определение «легкомысленный», применимое только к людям и их поступкам, а не к событиям, происходящим с неодушевленными предметами, нормативно относится к ходьбе по полу верхнего этажа, но волей автора – с определенной целью – переносится в конец предложения и связывается с падением лампы. Таким образом, подменяется понятие, с которым связывается определение «легкомысленный».

Подмена понятия может также происходить с фразеологическими единицами при их трансформации или ненормативном употреблении. Рассмотрим такие примеры:

- *Она [А. Ахматова] видела, как совсем еще молодых мальчиков забирали на войну прямо со школьной скамьи. И здесь уже не было ни плохих, ни хороших, ни средних. Всех сровняла и погубила война. И, понимая горе матерей, чьих сыновей отправляют **в виде***

«пушечного мяса», по выражению Виктора Астафьева, она пишет <...> (Из сочинений)

- *А ну подать сюда эту мерзавку! Были мы добры молодцы, а теперь злые!* (О. Громыко, «Ведьмины байки»)

В обоих случаях мы видим реализацию (или буквализацию) метафоры, («стилистический прием, который состоит в том, что метафорическое выражение нарочито осмысляется и употребляется в прямом (буквальном, непереносном) значении» [Культура русской речи, 2003. С. 546]) заключенной во фразеологическом обороте, только в первом такая реализация связана с лексической ошибкой, а во втором – с намерением автора обыграть известное устойчивое выражение. Автор сочинения, употребляя «в виде» вместо «в качестве», невольно «превращает» юношей, отправленных на войну, в некую бесформенную кучу мяса (ср.: «Пушечное мясо. О множестве солдат, обреченных на бессмысленное уничтожение» [БТСРЯ, 2008. С. 1050]). В свою очередь, О. Громыко подменяет устойчивое выражение «добрый молодец», которое означает «молодого мужчину, юношу» в народно-поэтическом языке [БТСРЯ, 2008. С. 264], словосочетанием «добрый молодец», в котором «добрый» имеет самостоятельное значение («благожелательный, делающий добро другим, отзывчивый, готовый помочь людям (противоп.: злой)» [Там же]) за счет противопоставления («а теперь злые»).

В нашей статье мы сконцентрировали внимание не на функциональной стороне логических девиаций, а на проблеме техники образования алогизмов. Подводя итоги, можно сказать, что механизмы образования логических ошибок и паралогических приемов совпадают, а разграничение заключается в угадывании авторской интенции, которое возможно лишь при наличии достаточного контекста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
2. Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М.: Флинта: Наука, 2003. 840 с.
3. Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А.Н. Николюкина. М.: НПК «Интелвак», 2001. 1600 стб.
4. Формальная логика. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1977. 367 с.
5. Черняк Н.А. Логика: учебное пособие. Омск, 2004. 84 с.

М. И. Зверева⁵

ИМПЛИЦИТНАЯ ИНФОРМАЦИОННАЯ ВОЙНА В ТЕКСТАХ СОВРЕМЕННОЙ ПРЕССЫ

Статья обращена к проблеме разграничения имплицитной и эксплицитной информации, способам реализации имплицитных смыслов в текстах современной прессы, служащих целям информационной войны.

The article is devoted to the problem of differentiation of implicit and explicit information, methods by carrying out the implicit meanings in the texts of the modern press to serve the information war.

Ключевые слова: информационная война, эксплицитная информация, имплицитная информация, речевая манипуляция, подтекст, вертикальный контекст.

Keywords: information warfare, explicit information, implicit information, speech manipulation, implied sense, vertical context.

На современном этапе развития нашего общества можно отметить тенденцию усиления роли информации в каждой сфере жизни, однако, стратегически важное значение она приобретает в политике и экономике.

⁵ Научный руководитель – д. филол. наук проф. А.П. Сковородников

«Информация, став основным продуктом производства, соответственно, становится и мощным властным ресурсом» [Новейший философский словарь].

В настоящее время данной проблеме посвящены многочисленные работы исследователей из разных областей знания: *историко-политической* [Юлдашев 2004; Бедрицкий 2007 и др.], *философской* [Поликарпов 2000; Цымбал 2010 и др.], *социологической* [Меркулова 2005; Швец 2005 и др.], *военной* [Шийко 2001; Левин 2004 и др.], *научно-технической* [Кулаков 2005; Колбасов 2006 и др.], *психологической* [Старунский 1998; Почепцов 2000 и др.]. Учёт характера геополитической ситуации и осмысление информации как властного ресурса позволяют учёным и аналитикам утверждать о существовании войны особого типа — информационной войны, которая значительно отличается от традиционно вооружённой войны.

В социологическом словаре в качестве основных черт информационной войны выделяют следующие: «1) информационная война является самостоятельной формой конфликта и не может рассматриваться как разновидность его вооруженной составляющей; 2) она всегда бескомпромиссна; 3) роль информационной войны повышается по мере углубления информатизации общества <...> (в ходе информационной борьбы происходит постоянное увеличение числа косвенных участников конфликта, вовлекаемых в него по мере углубления информатизации общества); 4) следствия ведения информационной войны не всегда очевидны для тех, против кого она ведется» [Социологический словарь].

В целом же, информационную войну понимают как «открытые и скрытые целенаправленные информационные воздействия различных систем друг на друга с целью получения определённого выигрыша в материальной сфере. Под информационным воздействием, в свою очередь, понимается такое воздействие, которое осуществляется с применением информационных орудий, т. е. таких средств, которые позволяют осуществлять с передаваемой, обрабатываемой, создаваемой, уничтожаемой и воспринимаемой информацией задуманные действия. Информационная война — это целенаправленное

обучение врага тому, как эффективно избавляться от своей собственной защиты» [Политический словарь].

Из данного определения следует то, что информация одновременно является и оружием, и мишенью и может выражаться, воздействовать как эксплицитно, так и имплицитно. По этому поводу И. М. Кобозева пишет: «Информация, закодированная в высказывании с помощью языковых средств, неоднородна по степени легкости и осознанности ее декодирования. Часть информации в высказывании выражается эксплицитно, т.е. с помощью языковых средств, специально предназначенных для ее непосредственного выражения. Именно на этой части содержания высказывания, по замыслу его автора, должно сосредоточивается сознание адресата. Эксплицитная информация осознается адресатом как та мысль, ради выражения которой и было употреблено данное высказывание» [Кобозева].

Характеризуя имплицитную информацию, прежде всего, отметим то, что «под имплицитностью понимается наличие неявного, скрытого смысла высказывания, который выводится участниками коммуникативного акта из выраженного смысла с привлечением фоновых знаний» [Ситдикова, 2007]. Имплицитная информация тоже передается адресату, но «в отличие от эксплицитной она в меньшей степени контролируется его сознанием, сосредоточенным на эксплицитной информации. Это свойство имплицитной информации часто используется с целью манипулирования сознанием» [Кобозева].

В условиях информационной войны именно имплицитное информационное воздействие играет особую роль, и различные тактики речевой манипуляции активно используются современными СМИ.

Примером послужит отрывок из статьи «Назад, в СССР: есть ли желающие?» (здесь и далее жирный курсив наш – З. М.), в котором журналист приводит как позитивно, так и негативно окрашенные ответы известных людей на данный вопрос. В конце рассказывает историю о том, как в первых числах

октября 1993 года он, будучи офицером, из Мурманска направился защищать Белый дом, но его сняли с поезда. В завершение автор говорит:

«Словом, не повезло мне с "революционной деятельностью". Да и ладно — а то наломал бы тогда дров. И без того есть что вспомнить, да и дров, которые в жизни придется ломать, ещё навалом. И хорошо, что это крепенькие "дрова" новой России, а не сгнившие в труху затхлые поленья "той" страны» («Правда.ру». 2012. 3 декабря).

Манипулирование сознанием читателя начинается уже с заголовка, в котором посредством частицы «ли» реализуется тактика «выбор без выбора». В сильной позиции (с композиционной точки зрения – конец текста) с помощью тактики неаргументированного утверждения создаётся отрицательный образ СССР (разрушение исторического самосознания) и навязывается мысль о том, что революционные действия в новой России неизбежны и необходимы. Эмоциональный эффект усилен метафоричностью высказывания.

Помимо речевой манипуляции целям информационной войны служит и такое средство выражения имплицитного смысла, как подтекст.

Как пишет В. С. Виноградов в статье «Фоновые знания и имплицитная информация», подтекст – это «имплицитный, скрытый смысл, который сосуществует с явно выраженным, эксплицитным смыслом в одном и том же высказывании и который должен быть понят реципиентом. Подтекст раскрывается с помощью содержащихся в тексте материальных языковых индикаторов. Именно они открывают доступ к скрытой информации. Индикаторы могут относиться к разным языковым уровням:

- а) слов и словосочетаний, когда по этим указателям реципиент догадывается о скрытом содержании;
- б) предложения или части текста, когда выраженное сообщение вызывает у читателя или слушателя восприятие имплицитной информации;
- в) произведения в целом, когда весь текст ассоциируется со вторичным имплицитным смыслом или текстом» [Виноградов].

В качестве примера приведём отрывок из иностранной переводной прессы, в частности, авторитетной немецкой газеты «Tagesspiegel», издающейся в Берлине:

«Сам факт того, что на недавней пресс-конференции тон задавали журналисты, а не российский лидер, причем на критику не скупилась даже верные Кремлю представители прессы, стал дурным предзнаменованием для Путина. Вполне возможно, что это первая трещина, которую дала строго выстроенная вертикаль власти. А трещины, как известно, могут иметь самые губительные последствия даже для самых прочных сооружений» («Tagesspiegel», Германия. 2012. 24 декабря).

В данном случае автор статьи имплицитно, в подтексте доносит мысль о том, что выстроенный Президентом механизм реализации власти в скором времени может «слопаться», а значит, он нестабилен и неэффективен. Заявления подобного рода подрывают уверенность народа в действующей власти, что, несомненно, выгодно для враждебно настроенных сил в условиях информационной войны.

Имплицитные сведения содержатся и в вертикальном контексте, под которым понимается «не явно выраженная историко-филологическая информация, содержащаяся в тексте. Обычными категориями вертикального контекста являются аллюзии, символы, идиоматика, цитаты и т. п. Вертикальный контекст может заключать, во-первых, ту скрытую информацию, которая обусловлена самим языком и независимую от намерений отправителя текста. Во-вторых, вертикальный контекст может целиком зависеть от воли отправителя речи, формирующего текст таким образом, чтобы в нем содержался намек на какой-либо языковой, литературный, социальный и т. п. факт, отсылка ко вторичному тексту и вторичной ситуации.

Характерным приемом реализации подобного вертикального контекста является аллюзия. <...> Аллюзии первого типа основываются на прототексте, которым обычно являются тексты произведений отечественной и зарубежной литературы, мифологические и фольклорные источники, пословицы,

поговорки, афоризмы, различные цитаты (полные, сокращенные, пересказанные, деформированные и т. д.). Во втором случае основой является протореальность (протоситуация), связанная с событиями и фактами самой действительности.» [Виноградов].

Имплицитная информация, содержащаяся в вертикальном контексте, нередко служит целям противоборствующих сторон в ходе информационной войны. В пример приведём название статьи из мартовского номера «Новой газеты» о членах «Единой России» Абанского района Красноярского края:

«Бунт в медвежьем углу подавлен. 60 членов “Единой России” вернулись в берлогу» («Новая газета» №31. 2013. 22 марта).

Вертикальный контекст данного заголовка включает в себе различную имплицитную информацию: 1) отсылка к символике партии «Единая Россия»; 2) географическая соотнесённость с отдалённым, глухим местом, захолустьем; 3) аллюзия на криминальную драму «Медвежий угол» режиссёра В. Судова. Оттенок пренебрежительности добавляет подзаголовок *«60 членов “Единой России” вернулись в берлогу»*. Если рассматривать данный текст в ракурсе информационной войны, то стоит отметить, что он направлен, прежде всего, на формирование негативного отношения к партии власти. Причём, независимо от содержания статьи негативная установка сформирована уже до прочтения всей статьи.

Таким образом, имплицитная информация имеет большое значение в текстах, служащих целям информационной войны. На основании чего можно говорить о том, что в современном мире информационная война реализуется не только эксплицитно, но и имплицитно посредством использования тактик речевой манипуляции, передачи сведений и идей в подтексте, вертикальном контексте.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Виноградов В.С. Фоновые знания и имплицитная информация. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bibliofond.ru/view.aspx?id=124453>.

2. Информационная война // Политический словарь. [Эл. ресурс]. URL: <http://www.slovari-online.ru/word/политический-словарь/информационная-война.htm>.

3. Информационная война // Социологический словарь. [Эл. ресурс]. URL: <http://www.slovari-online.ru/word/социологический-словарь/информационная-война.htm>

3. Информационное общество // Новейший философский словарь. [Эл. ресурс]. URL: <http://www.philosophi-terms.ru/word/Информационное%20общество>.

4. Кобозева И.М. Лингво-прагматический аспект анализа языка СМИ. [Эл. ресурс]. URL: http://evartist.narod.ru/text12/08.htm#з_09.

5. Расторгуев С.П. Философия информационной войны. М., 2002. [Эл. ресурс]. URL: <http://www.pobeda.ru/cyberwars/infowar/>.

6. Ситдикова Ф.Б. Способы передачи имплицитной информации в татарском литературном языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2007. [Эл. ресурс]. URL: <http://do.gendocs.ru/docs/index234474.html>.

К. И. Киямова⁶

ПАРОДИЙНЫЕ ТЕХНИКИ В ГОБЛИНСКОМ ПЕРЕВОДЕ (НА МАТЕРИАЛЕ КИНОФИЛЬМА «ЗВЁЗДНЫЕ ВОЙНЫ. БУРЯ В СТАКАНЕ»)

Данная статья посвящена трём пародийным техникам в гоблинском переводе – новом жанре кинопародии. This article is focused on three parodic techniques in the goblin's translation - the new genre of parody.

Ключевые слова: пародия, гоблинский перевод, пародийная техника, травестия, стилизация, бурлеск.

Keywords: parody, the Goblin's translation, parody technique, travesty, stylization, burlesque.

⁶ Научный руководитель – д. филол. наук доц. И.Е. Ким

История жанра пародии насчитывает тысячи лет. Первые пародийные произведения появились ещё в античности и связаны с творчеством Аристофана. С самого момента появления пародия являлась способом осуществления дискуссии между деятелями искусства, обладающими разным мировоззрением. Пародия в кинематографе появилась менее, чем через 100 лет после появления кинематографа, в конце XX века. Кинопародии как правильно основываются на известных кинофильмах или целых жанрах кинематографа, в которых используется большое количество штампов. Именно умелое обыгрывание этих штампов делает кинопародию успешной, а прецедентный фильм узнаваемым в пародии. Как правило, произведения кинопародии строятся по тем же принципам, что и пародия на литературное произведение. Они представляют собой отдельно снятый кинофильм, в котором можно проследить основные приёмы литературной пародии: гиперболизацию, «переворачивание», смещение контекста и др.

В 2002 году появился первый образец гоблинского перевода – принципиально нового жанра кинематографа. Изначально он представлял собой пародийную переозвучку произведения кинематографа, выполненную Д.Ю. Пучковым, выступающим под псевдонимом «Гоблин» на студии «Божья искра». Гоблинский перевод – это пародийные дубляжи, сделанные посредством иронического переосмысления исходного сюжета. Произведение гоблинского перевода трансформирует оригинальный текст таким образом, что возникает комический эффект, то есть, по терминологии Ж. Женнета, является гипертекстом [Нестеров, 2009].

В настоящее время изобретатель данного жанра Д.Ю. Пучков больше не работает в этом направлении, но «перевод» имеет большое количество продолжателей. Причём подобным творчеством занимаются не только любители, но и профессиональные студии. Принцип создания произведения

гоблинского перевода (независимо от авторства) заключается в наложение нового аудиального ряда на исходный видеоряд.

Многие исследователи отмечают, что пародирование произведения является способом ведения полемики, а целью создания пародии считают разоблачение противника смехом. Успешность пародии определяется точностью выбора характерных и уязвимых черт враждебного стиля и умением противопоставить ему свой стиль. По словам М.М. Бахтина, пародия – это диалог, спор двух языков [Бахтин, 1975]. Однако учёный отмечает, что «пародийное слово может быть различно использовано автором: пародия может быть самоцелью (например, литературная пародия как жанр), но может служить и для достижения иных, положительных целей» [Бахтин, 1972].

А.А. Морозов говорил о трёх разновидностях пародии, не все из которых можно назвать средством ведения спора. Первая разновидность пародийных текстов представляет собой не лишённую критицизма, но в целом дружественную юмористическую пародию. Вторая разновидность сатирическая, то есть направленная против пародируемого текста, резко критическая к идейно-эстетическому комплексу пародируемого произведения. Последний тип – «пародийное использование», заимствование уникальных черт произведения во внелитературных целях [Морозов, 1960]. Как и большинство пародийных произведений, кинофильмы в гоблинском переводе связаны не только с исходным произведением, но с целым рядом однородных произведений. Гоблинский перевод основан на обыгрывании штампов клише, свойственных кинофильмам эпического жанра. И следует отметить «неагрессивный» характер пародирования в произведениях гоблинского перевода. То есть, обращаясь к классификации А.А. Морозова, гоблинский перевод принадлежит к первому типу пародийных произведений.

Выделяются три основные техники пародии: травестирование, стилизация и бурлеск («высокий» и «низкий»). Однако мнение учёных о соотношении этих техник и пародии различно. По одной из точек зрения, пародия противостит стилизации: «в противоположность стилизации,

подражающей чужому стилю, пародия своеобразно воспроизводя чужой стиль, дискредитирует, сатирически и комически разоблачает его» [Гальперина, 1929-1939]. Противоположной точки зрения придерживается А.А. Морозов, отмечая возможность стилизации в пародийной функции, но при этом противопоставляя травестирирование пародии по причине отсутствия основного, по мнению А.А. Морозова, фактора - «направленности на стиль пародируемого текста» [Морозов, 1960]. М.Л. Гаспаров не отделял травестирирование от пародии, считая бурлеск и травестию типами пародии [Гаспаров, 1987]. Ю.Н. Тынянов рассматривает пародию и стилизацию как явления однопорядковые и имеющие общие черты: «стилизация близка к пародии. И та и другая живут двойною жизнью: за планом произведения стоит другой план, стилизуемый или пародируемый. Но в пародии обязательна невязка обоих планов, смещение их; пародией трагедии будет комедия (все равно, через подчеркивание ли трагичности или через соответствующую подстановку комического), пародией комедии может быть трагедия. При стилизации этой невязки нет, есть, напротив, соответствие друг другу обоих планов: стилизующего и сквозящего в нем стилизуемого. Но все же от стилизации к пародии -- один шаг; стилизация, комически мотивированная или подчеркнутая, становится пародией» [Тынянов, 1977]. Использование «пародийной стилизации» и «пародийной травестирии» считал возможным М.М.Бахтин [Бахтин, 1975].

Травестию М.М. Бахтин определял как «перелицовку», или «выворачивание наизнанку» [Бахтин, 1975]. Основу для травестирии всегда представляет «высокий» стиль или «высокая» тема. По определению М.Л. Гаспарова, травестия - «высокий предмет, излагаемый низким стилем». При применении техники травестирирования действие оригинального произведения переносится в бытовую атмосферу, а герои подменяются низменными и простонародными персонажами.

Противоположной является техника бурлеска, то есть «низкий предмет, излагаемый высоким стилем» [Гаспаров, 1987]. Можно выделить две разновидности бурлеска: «высокий бурлеск, предполагающий ироническое

восхваление на основе приема антифрастической иронии <...>, и низкий бурлеск, подразумевающий гротескное столкновение в образе высокого и низкого начал» [Ермолаенко, 1999].

Стилизация представляет собой приём, существующий практически на уровне творческого метода. При таком понимании стилизация является намеренным, сознательным использованием художником форм, способов и приемов формообразования, ранее созданных в истории искусства. В.М. Фриче считал синонимом стилизации обнажённую и подчеркнутую «подделку» под оригинал. Стилизация - умышленная имитация характерных особенностей чужой речевой манеры, воспроизводящая основные черты какого-либо литературного стиля и позволяющую автору отражать особенности речи, характерные для лиц определённой социальной группы или национальности.

«Гоблинский» перевод, являясь текстом пародийным, обнаруживает почти все техники, свойственные литературной пародии.

Исходный сюжет кинофильма «Звёздные войны. Скрытая угроза» трансформируется таким образом, что в нём появляются тематика МВД. Новая ситуация, параллельная исходной, но кардинально от неё отличающаяся прописана в начальных титрах фильма. В нём появляется специфическая профессиональная и жаргонная лексика:

<i>Тёрмол покори Галактическую Республику. Идёт диспут о том, какую плату следует вносить за использование торговых путей к отдалённым звёздным системам. Надеюсь решить проблему путём блокады при помощи военных кораблей, алчная Торговая Федерация прекратила все рейсы на малую планету Набу. Пока в конгрессе Набу шли бесконечный дебаты об этих тревожных событиях, Верховный Канцлер тайно направил на эту планету двух</i>	<i>На бескрайних просторах Крайне-Северной галактики резко осложнилась оперативная обстановка. Лица непонятной национальности орудуют повсюду. На секретных планетах налажено производство левого алкоголя в галактических масштабах. Для проведения оперативно-розыскных мероприятия в адрес выдвигаются два матёрых сотрудника секты оперуполномоченных Кришны.</i>
--	---

рыцарей Джедай - хранителей мира и справедливости.

Исходный конфликт кинофильма (торговая блокада) снижен до «производства левого алкоголя в галактических масштабах»:

- Сенаторы Республики. Я прибыла к вам по весьма печальному поводу. Планета Набу захвачена...

- Всем известно, что всё, что у нас есть, это маленький заводит «Кристалл», месторождение галактической белки, космического песка и моржового уса. А без водки у нас очень холодно.

Вместо рыцарей джедай появляются два сотрудника МВД, чей нравственный облик восстанавливается из отдельных реплик:

- У меня дурное предчувствие.

*- Я пока ничего не вижу.
- Я говорю не о нашей миссии, мастер, это что-то неуловимое.
- Забудь о своих опасениях, Оби-Ван. Сконцентрируй своё внимание на более полезных вещах.*

- Я вот, что думаю. Никак замочить кого придётся.

*- Придётся замочить — замочим. Ты же оперуполномоченный.
- Да, но Чебуран велел думать о добром.
- Правильно, думать надо о добром, а мочить — кого прикажут.*

Сложная процедура приёма детей на обучение мастерству рыцарей Джедай травестируется до приёма в школу милиции:

- Я столкнулся с пределом Силы.

*- С пределом силы?
- Она сосредоточена вокруг человека?
- Это мальчик. В его клетках я обнаружил предельную концентрацию мидихлорианов. Мне показалось, что он буквально создан из них.*

- Вы взяли на себя смелость решать, что есть баланс силы? Вы полагаете, что это и есть тот мальчик?

- Говорят, ты мальчика привёз. Мальчиками делиться надо.

*- Да я его учиться привёз. Толковый пацан. Шибко умный. В уме запросто делит и умножает.
- Дели-умножает. А может у него калькулятор был? Может просто хитрит твой мальчик.
- Не думаю.
- А ты подумай. Может понравится.
- За меня начальство думает. Давай мальца вместе посмотрим.*

<p>- Я бы не решился...</p> <p>- Но вы так сказали. Поясните вашу точку зрения.</p> <p>- К этому мальчику нужно присмотреться.</p> <p>- Сам Джедай просит за него?</p> <p>- Это Силы пожелали, чтобы я нашёл его. В этом я не сомневаюсь.</p> <p>- Представьте его нам.</p>	<p>- А логарифмы в уме берёт?</p> <p>- А вот это я не пробовал. Да вряд ли. Он ещё маленький.</p> <p>- Приводи мальчика.</p>
---	--

Присутствующая в исходном фильме семейная тематика в гоблинском переводе приобретает вульгарно-бытовую окраску:

<p>- Сынок, здесь моё место, мне пора отпустить тебя.</p> <p>- Но я не хочу, чтобы всё изменилось.</p> <p>- Но ты не можешь остановить перемены, так же, как не можешь остановить закат солнца. Я люблю тебя. Поспеши. Спасибо вам.</p>	<p>- Сынок! Я в карты неплохо играю!</p> <p>- Знаю, конечно, потому и живём в таком сарае.</p> <p>- Да ладно! Подумаешь, один раз тебя проиграла! Просто карта не пошла. А теперь я в напёрстки попробую, у меня рука лёгкая. Спасибо.</p>
---	--

Также снижению подверглась любовная тематика:

<p>- Ты ангел?</p> <p>- Что?</p> <p>- Я слышал, как космические пилоты говорили об ангелах. Это самые красивые существа во всей вселенной. Я думаю, они живут на далёких планетах.</p>	<p>- А ты в «Playboy» часом не снималась?</p> <p>- Чего?</p> <p>- «Playboy». Журнал такой. Космонавты с собой привозят. Там и Памелла Андерсон снималась, и Аня Курникова — самые красивые девушки галактики.</p>
--	---

Как правило, кинофильм в гоблинском переводе содержит лишь те сюжетные линии, что были в исходном тексте. Но в данном образце появляется новая сериально-мелодраматическая сюжетная линия, связанная с поиском отца ребёнка:

<p>- Оби-Ван, дай мне слово, что ты будешь учить мальчика.</p> <p>- Да, мастер.</p> <p>- Он избранный. Он принесёт мир. Научи его.</p>	<p>- Павлиан, а ведь Аникей — сынок мой единоутробный.</p> <p>- Иди ты!</p> <p>- Ошибка юности. Пристрой его поближе к кухне.</p>
--	---

Значительное место как в исходном фильме, так и в образце гоблинского перевода уделено политике. Однако политические стратегии в кинофильмах представлены по-разному. Гоблинский перевод демонстрирует стереотипное русское представление о политических стратегиях:

<p>- Добро пожаловать, Ваше Величество. Для меня большая честь приветствовать вас.</p> <p>- Благодарю вас, канслер.</p> <p>- Хочу сообщить, что мы все обеспокоены развитием событий. Я созвал специальную сессию сената, чтобы выслушать вас.</p> <p>- Благодарю вас, канслер.</p> <p>- Это вопрос времени. Я уверен, что мы всё уладим.</p>	<p>- Здравствуйте. Отдыхайте с дорожки. Ну а вечером ко мне на дачу: банька, водочка...</p> <p>- Не откажусь, стикер.</p> <p>- Смею вас заверить, охота у нас отменная: сидишь себе на дереве, а кабаны да лоси мимо так и снуют.</p> <p>- Благодарю, я больше по рыбалке.</p> <p>- Никаких проблем, только скажу, чтобы свежих карасей в бассейн запустили.</p>
---	--

Таким образом, в кинофильме «Звёздные войны. Буря в стакане» посредством техники травестирования моделируется новая реальность на основе ситуаций исходного кинофильма «Звёздные войны. Скрытая угроза». Снижению подвергаются темы политики, семьи и войны.

Новая кинокартина представляет собой стилизацию под российские сериалы на криминальную тематику по типу «Улицы разбитых фонарей» (саундтрек из сериала нередко используется в фильме). Также можно наблюдать элементы стилизации под любовные мелодрамы, ориентированные на женскую аудиторию. Отсюда сюжетная линия о потерянном отце.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1972. 330с.
2. Бахтин М.М. Слово в романе // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. 504с.
3. Гальперина Е.М. Пародия // Фундаментальная электронная библиотека. Русская литература и фольклор. [Эл. ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/>.
4. Гаспаров М.Л. Пародия // ЛЭС. М., 1987. 752с.
5. Ермолаенко Г.Н. Поэма Вольтера «Орлеанская девственница» как гипертекст // Русский филологический портал [Эл. ресурс]. URL: <http://www.philology.ru/>.
6. Морозов А.А. Пародия как литературный жанр // Русская литература, 1960. №1. С.48–78
7. Нестеров Д.В. Пародийный текст в сфере интертекстуальных отношений // Учебные материалы [Электронный ресурс]. URL: <http://pravmisl.ru/>.
8. Тынянов Ю.Н. Достоевский и Гоголь (к теории пародии) // Ю.Н. Тынянов. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. 574с.

Е. В. Кулик⁷

РЕЧЕВЫЕ ПРИЕМЫ ГАРМОНИЗАЦИИ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБЩЕНИЯ В «СИТУАЦИЯХ БЫСТРОГО РЕАГИРОВАНИЯ»

В статье представлен риторический анализ речевых ситуаций, которые возникают на школьном уроке и требуют от учителя быстрых реакций на провоцирующее поведение ученика. На примере конкретного урока показаны необходимость и значимость речевых приемов гармонизации общения как условий эффективного процесса обучения.

⁷ Научный руководитель – д. филол. наук доц. Г.А. Копнина

The article presents a rhetorical analysis of different types of speech communication in the school classroom situations requiring quick reactions from the teacher to the student's provocative behavior. On the example of a particular lesson the necessity and importance of verbal techniques of harmonization of conditions of effective communication as a process of learning are shown.

Ключевые слова: дискурс; педагогический дискурс; гармонизация педагогического дискурса; педагогическая риторика; речевой прием (речевая тактика).

Keywords: discourse, educational discourse, harmonization of pedagogical discourse, teaching rhetoric, speech reception (verbal tactics).

Существует большое количество работ, в которых педагогический дискурс рассмотрен в разных аспектах: представлены идеи педагогики ненасилия (В.А. Ситаров, В.Г. Маралов, С.Н. Юревич и др.); выдвинута и обоснована теория педагогического проектирования (Т.В. Ежова, Е.Г. Кабаченко, В.А. Сластенин и др.); выявлены ключевые идеи методики преподавания речеведческих дисциплин (Н.А. Ипполитова, Т.А. Ладыженская, С.А. Минеева, А.А. Мурашов, И.А. Стернин и др.); представлены риторические портреты учителей-предметников (в работах Н.А. Антонова, Б. Бернстейн, В.Д. Калинина, О.В. Коротеева, А.И. Кузнецов, Д.В. Макарова, Ж.В. Милованова, Е.Г. Сахновская, П.В. Токарева и др.); рассмотрены правила гармонизации педагогического диалога (Ю.В. Щербинина). Приемы гармонизации педагогического общения в идеале должны быть известны каждому педагогу. С их помощью можно «обрести желаемую реакцию собеседника-школьника, призвать его действовать нужным способом» [Мурашов 1996: 3]. Изначально профессиональной речевой подготовкой российских педагогов занимались в ряде таких дисциплин, как педагогика, психология, методика преподавания. И только на рубеже 80–90-х гг. XX в в отечественном языкознании возникла педагогическая риторика (термин предложен в 1993 г. А.К. Михальской) как частная теоретическая и учебная риторическая дисциплина. Предмет педагогической риторики – это оптимизация речевого общения в сфере профессиональной педагогической деятельности; её объект – педагогический дискурс.

Предметом нашего исследования является речевое поведение учителя в «ситуации быстрого реагирования», которые А.А. Мурашов определяет как «нестандартные моменты, когда от учителя требуется немедленное реагирование» [Мурашов 1996: 3]. Эти ситуации можно назвать также «коммуникативно опасными», поскольку один из участников провоцирует другого на конфликт вербальными и невербальными способами.

Поворот к субъект-субъектным отношениям в учебной деятельности способствует более свободному общению ученика с учителем, однако недостаточная сформированность у субъектов педагогического общения таких коммуникативно-речевых умений, как способность адекватно оценить речевую ситуацию, умение грамотно выразить несогласие, правильно выбрать речевой жанр, приводит к коммуникативным неудачам и конфликтным ситуациям. Учитель в силу ведущей роли в коммуникации зачастую сам выступает инициатором конфликтного развития спора, не зная, как сгладить назревающий конфликт или действуя по «педагогическим стереотипам» (напр., «*А голову ты не забыл?*» и др. непедагогические высказывания). Недостаточная подготовка будущих педагогов к конструктивному разрешению конфликтов с учениками (в том числе возникающих во время споров) приводит к межличностной конфронтации. Как следствие, педагогическое общение становится неэффективным и учитель не достигает цели урока. В таком случае участники коммуникации переходят к «выяснению отношений» с изменением и социальных ролей, и цели общения: учитель теряет превосходство. Существуют примеры, когда на спор учителя и ученика уходит 15 минут рабочего времени, остальные учащиеся при этом чувствуют себя подавленными, снижается их работоспособность. «Обратиться к целому классу с упреком, унижить учащегося, отреагировав неправильно и не учитывая причины его поведения — заведомо восстановить против себя большинство, а начать выяснять отношения с получившим «двойку» - погубить и урок, отношения с классом», — пишет А.А. Мурашов [Мурашов 1996: 3].

Возможные причины возникновения конфликта на уроках достаточно полно выявлены и описаны в ряде исследований по лингвистике, психологии и социологии. Так, Журавлев В.И., Рыбакова М.М., Митюк В.И., Лобанов А.А., Симонова Л.В. и др. выделяют *две группы причин конфликтных споров, порождаемых действиями учителя – дидактическую и этическую. Дидактическую группу причин образуют «непрофессиональные действия учителя, связанные с процессом обучения»* [Журавлев 1995: 24]. Другие, *этические*, причины споров конфликтного характера связаны с нарушением учителем норм педагогической этики и, к сожалению, встречаются все чаще, а проблема корректного поведения учителей на сегодняшний день становится общественно значимой и открыто обсуждается в СМИ.

Изучение особенностей речевого поведения учителя в «ситуациях быстрого реагирования» представляет значимость для развития педагогической риторики, направленной на решение практических задач эффективного общения. Особую ценность представляет выявление и описание средств гармонизации диалога в названных ситуациях, поскольку, как замечает А.К. Михальская, «эффективность речевого общения рассматривается как мера гармонизирующего взаимодействия между его участниками в равной мере активными и полноправными, вне зависимости от той роли, какую они на данный момент выполняют» [Михальская А. К. 1998].

Проведенный нами анализ уроков русского языка в 5-ом классе показывает, что одной из причин возникновения «ситуации быстрого реагирования» является использование учеником тактики подмены тезиса, которая может выражаться в форме вопроса:

У-к. (разложив принадлежности после опоздания на урок) А когда нам дипломы за конкурс дадут?

У-ль. Что ж, Владимир, спасибо, что ты напомнил про наши грамоты. Останься после урока, и я тебе все поясню. Сейчас урок.

У-к. Да ну, я занят буду. Скажите сейчас?

У-ль. Не буду я сейчас об этом говорить. Занят он! И мы сейчас заняты должны быть. Идет урок, перемены дождись и спросишь! (продолжает опрос учеников)...

Учитель, используя тактику возврата к теме, не принимает навязанную учеником стратегию поведения. Педагог «расставляет точки над и», выражает недовольство настойчивостью ученика, используя антифразис (*Занят он!*), и делает замечание с помощью императивных форм глаголов *дождись* и *спросишь*.

Чтобы избежать ответа, ученики используют тактику просьбы выйти из класса:

У-ль. (в продолжении урока) Дайте, пожалуйста, определение имени существительного? Вова?

У-к. Да не... Можно выйти?

У-ль. Да что такое? Ты и так опоздал, а теперь еще и отпрашиваешься? Нет, нужно уметь планировать свое время. Делаю тебе замечание. И достань дневник..

У-к. Да за что? Севу вон пустили! Несправедливо! Мне тоже надо!

У-ль. (молчит некоторое время, внимательно глядя на ученика. Тот поеживается и затихает). А Сева пришел вовремя, уже тридцать минут работает и написал упражнение. Несправедливо ничего не делать на уроке. Ты меня расстраиваешь своим поведением, и вот я твоими поступками совсем сегодня недовольна. Соберись уже и начни работу! (У-к замолкает, пишет упражнение).

Просьба учителя в ответ «*Дождись перемены и спросишь...*» и тактика рационального объяснения: «... а Сева уже написал упражнение...» помогают вернуть диалог в нужное русло, не поддаваться на провокации учащегося, логично пояснив действия. Учитель старается пристыдить ученика с помощью вопроса «*Да что такое?*», используя также тактику **молчание как реакцию на действие**. «С помощью молчания можно выражать одобрение или порицание какого-либо действия собеседника или отношение к нему (равнодушие, безразличие, страх, смущение и др.)» [Ефимова 2006: 32]. Этот тип гармонизации при правильном

использовании помогает избежать речевой агрессии и гармонизировать общение. Мы видим, что при некорректном поведении ученика учитель останавливается, давая сигнал «что-то не так» и помогая ученику осознать нарушение нормы общения.

Тактика подмены тезиса с переходом на обсуждение личных тем также требует быстрого реагирования со стороны учителя, например, в такой ситуации:

У-ль. Хорошо, теперь запишите задание на дом. Упражнения 326,327 и выучить правило. Правило я спрошу на оценку. Вова, тебя спрошу, так что готовься.

У-к. Да что Вы так стараетесь? Вам же все проверять потом надо будет. А платят мало. Тысяч десять, да, не больше? Вот мама говорит, вам замуж надо!

У-ль. А тебя не моя зарплата интересоваться должна, а твои оценки и поведение. И с мамой твоей побеседую вот об этом отдельно. Уже две двойки есть за неготовность к уроку, так не усложняй ситуацию. Пиши задание.

У-к. Да пишу, пишу. А правда у Вас муж есть? Он какой?

У-ль. Да что ты, нету, я тебя подожду. (в классе смеются). Ладно, умозаключения свои побереги давай. По теме урока вопросы есть? (звонок). Хорошо, можете отдыхать.

Как видим, одна из тактик реагирования на подмену темы - «уместный юмор». Эта тактика используется учителем и в следующем диалоге с учениками: «Где твое домашнее задание? - Меня не было. - Можно было спросить. И на сайте есть. Теперь говорите, что хотите, хоть, что на Марсе были! Хотя уверена, что и на Марсе Интернет есть (произносит с улыбкой)».

Особая ценность педагогического юмора как одного из приемов косвенного воспитательного воздействия заключается в том, что при уместном его использовании можно избежать назидательности, «раздражающей» нравоучительности; внушить что-либо ученику, не принижая его человеческого достоинства. Из всех приемов гармонизации, на наш взгляд, наиболее универсальным являются юмор и уместное использование вежливых формул

«Сядь, пожалуйста; Спасибо», обращения по имени и апелляция к чувствам *«Ты меня расстроил, недовольна твоим поведением»*.

Таким образом, умения учителя правильно среагировать в «опасной» ситуации», гармонизировать общение и противостоять провокации учеников способствуют формированию и поддержанию дружеской атмосферы во время урока. А.А. Мурашов сказал: «Риторика помогает учителю в общении с самыми трудными классами, когда диалог спотыкается о непреодолимую стену НЕжелания, НЕвозможности, НЕподготовленности, а иногда и НЕспособности к общению как со стороны учителя, так и со стороны ученика» [А.А. Мурашов 1996: 3].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ефимова О.Ю. Молчание в педагогическом общении // Мы учимся... Мы учим... Современная коммуникативная культура в лингвометодическом аспекте: сб. научных трудов / под ред. Т.Ю. Зотовой, Т.А. Федосеевой. Новокузнецк: РИО КузГПА, 2006. С. 28–34.

2. Журавлёв В.И. Основы педагогической конфликтологии. М., 1995 184 с.

3. Зотова Т.Ю. Причины возникновения педагогических споров и способы предупреждения и нейтрализации их конфликтного развития // Мы учимся... Мы учим... Современная коммуникативная культура в лингвометодическом аспекте: сб. научных трудов / под ред. Т.Ю. Зотовой, Т.А. Федосеевой. Новокузнецк: РИО КузГПА, 2006. С. 36–43.

4. Михальская А.К. Педагогическая риторика: история и теория: учеб. пособие для студ. пед. университетов и институтов. М.: Издательский центр «Академия», 1998. 380 с.

5. Мурашов А.А. Основы педагогической риторики. М., 1996. 196 с.

6. Сковородников А.П. О необходимости разграничения понятий «риторический прием», «стилистическая фигура», «речевая тактика», «речевой жанр» в практике терминологической лексикографии // Риторика –

Лингвистика. Вып. 5: сб. статей. Смоленск: СГПУ, 2004. С. 5–11.

7. Суркова А.П. Педагогически уместный юмор в типичных учебно-речевых ситуациях общения учителя // Мы учимся... Мы учим... Современная коммуникативная культура в лингвометодическом аспекте: сб. научных трудов / под ред. Т.Ю. Зотовой, Т.А. Федосеевой. Новокузнецк: РИО КузГПА, 2006. С. 99–109.

А. Э. Мезит⁸

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ РЕЧЬ ГИДРОЭНЕРГЕТИКОВ В СВЕТЕ ТЕОРИИ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ

В статье рассматриваются приемы языковой игры на материале устной профессиональной речи гидроэнергетиков.

Article is devoted to the word play of oral speech of hydroelectric power station staff.

Ключевые слова: LSP, профессионализмы, профессиональные жаргонизмы, языковая игра.

Keywords: LSP, professionalism, professional jargons, word play.

Цивилизационная парадигма постмодернизма оказывает большое влияние на духовную, материальную культуру и язык как средство ее бытования и реализации. Для современного состояния русского языка характерно расширение сфер употребления разговорной речи: «эра разговорности» затрагивает почти все социальные сферы, в том числе, профессиональные.

Профессиональная речь в ее устной форме является предметом исследования нескольких лингвистических дисциплин – социолингвистики, стилистики, теории и практики LSP. В последние годы на отдельные элементы разговорного стиля подязыков стали обращать внимание и терминологии. В.А. Татаринов указывает, что в настоящее время «налицо тенденция замены стандартизированной терминологии профессионализмами, и это говорит о том,

⁸ Научный руководитель – д. филол. наук проф. О.В. Фельде

что ряд стандартизованных терминов, созданных учеными с ортологическим подходом к терминологии, не соответствует условиям речевого обихода» [Татаринов, 2006. С. 236]. Некодифицированная часть профессионального языка представляет собой богатый материал для лингвистических исследований, чем нормированные термины. Устная профессиональная речь, а также ее отдельные элементы анализируются в самых разных аспектах: в статификационном [Солнышкина 2005, Галимова 2008], контрастивном [Коровушкин 2005], лингвокультурологическом [Кудинова 2011] и т. д. В этом большом перечне работ, посвященных устной профессиональной ненормированной речи, не достает исследований, выполненных в коммуникативном аспекте. В частности, представляет большой интерес исследование языковой игры в устной профессиональной речи.

Феномен языковой игры находится в центре внимания многих ученых в различных областях знания: философии, культурологи, психологии, литературоведении, лингвистике (В.З. Санников, А.П. Сковородников, Т.А. Гридина) и т.д. Языковая игра – определенный тип речевого поведения говорящих, основанный на преднамеренном (сознательном, продуманном) нарушении системных отношений языка [Данилевская, 2003]. По общему мнению, языковая игра является одной из самых заметных черт современных письменных и устных текстов, в том числе, как показывают исследования О.В. Фельде, и профессиональных. Людическая (игровая) функция особенно ярко проявляется в жаргонизированной речи работников, труд которых сопряжен с повышенной мерой социальной ответственности. [Фельде, 2011. С. 140–145].

В задачи статьи входит анализ явления языковой игры в устной профессиональной речи гидроэнергетиков. Материалом исследования послужили данные, полученные в результате структурированных интервью и анкетирования сотрудников ОАО «Красноярская ГЭС» зимой 2012–2013 гг. В основу легла картотека, насчитывающая 408 единиц, из них 89 единиц зафиксировано в устной сфере профессионально речи.

Гидроэлектростанция – режимный объект, имеющий ряд предписаний о поведении на территории ГЭС, в том числе в ряде подразделений регламентировано речевое поведение. Несмотря на это, речь сотрудников полна профессионализмов и профессиональных жаргонизмов, которых характеризуются образностью, остроумностью за счет использования различных языковых приемов. Приемы языковой игры нами выявлены на фонетическом, словообразовательном и лексическом уровнях языка.

Примером языковой игры, основанном на сходстве звучания, является профессиональный жаргонизм *амбулатория* в значении «электротехническая лаборатория». Повторы созвучных сегментов издавна используются как средство шутки. Шутливая рифмовка в разговорной речи может порождать и целые «стихотворные строки» и отдельные парные созвучия [Земская, 1983. С. 176]. Смех говорящего направлен на саму форму речи, значит, перед нами пример балагурства.

О.В. Фельде отмечает, что «в профессиональных жаргонах оценивается несмешной объект, действие или какое-либо явление, свойство, которое обычно представляется в незлобиво насмешливой форме» [Фельде, 2011. С. 141]. Наши примеры подтверждают это наблюдение. Ручной ударный инструмент кувалда сотрудники ГЭС в шутку называют *кувалдометр*. Терминоэлемент -метр- в данном случае «работает» на создание ассоциации со сложным прибором, поскольку регулярно воспроизводимый формант -метр- в терминологиях участвует в создании номинаций сложных технических устройств (гидрометр, гигрометр, термометр.). Прием иронического переосмысления лексического значения слова наблюдаем также в профессиональном наименовании *осциллограф* – «гаечный ключ». Сравнение технически сложного прибора, который предназначен для визуального наблюдения или записи (фотографирования) электрических процессов, с довольно простым инструментом, создает эффект скрытой насмешки, «взрывная сила которой замаскирована внешне серьезной формой» [Краткий словарь по эстетике]. Стоит заметить, что *осциллограф* – термин, относящийся к подязыку

энергетиков, то есть всем сотрудникам ГЭС знакомый. Это и обеспечивает «дешифровку» иронии, адекватность восприятия неофициального профессионального наименования.

В речи гидроэнергетиков используется приём замены нарицательного именем собственным (прономинации). В одном цехе Красноярской ГЭС 16-килограммовая кувалда называется *Машкой*, в это же время в другом цехе, без уточнения веса, самую большую кувалду называют *Настенькой*; Обозначение инструмента женским именем традиционно для русского профессионального просторечия. Например, в армейском жаргоне *Машкой* называют «Устройство обтянутый шинелью и набитый кирпичами ящик с длинной ручкой для натирки полов в казарме» («Сейчас берешь машку и вперед! Полы в казарме драить!»). Кувалду называют *Машкой* в жаргоне шахтеров, дальнобойщиков, а также в молодежном сленге [<http://jargon.ru/>]. Такое распространение можно объяснить тем, что *Машка* вызывает ассоциации со звучанием глагола «махать», «тот, кто работает кувалдой, ею машет». Кувалду двигают в воздухе попеременно в разные стороны, то есть делают махи.

Напряжение свыше 400 вольт в профессиональном жаргоне именуется *кондратом*. Это связано с шутливым разговорным выражением *Кондратий схватил* в значении «кто-нибудь скоропостижно умер, скончался». В случае попадания под напряжение на ГЭС говорят: «*Кондрат поздоровался*». В русском этикете среди мужчин принято здороваться рукопожатием. Иногда такое сжатие сопровождается небольшим покачиванием соединённых рук, что нашло отражение в английском наименовании рукопожатия — англ. *handshake* в буквальном смысле «встряхивание рук». Субъективными ощущениями при электротравме в Медицинской энциклопедии указываются легкий толчок, жгучая боль, судорожное сокращение мышц и др [http://dic.academic.ru/contents.nsf/enc_medicine/]. В качестве гипотезы можно предположить, что замена понятия «судорога мышц» при поражении электрическим током на слово «поздороваться» является реализацией эвфемистической функции прономинатов. Подобные явления прономинации

замечены во многих профессиональных жаргонах и свидетельствуют об антропоцентричности их семантико-стилистических систем.

На лексическом уровне самым распространенным приемом является использование метонимии и «смеховых метафор». Защитную каску называют *головой*. Перед нами пример метонимии – перенос с обозначения части тела на головной убор. Слово используется в таких фразах как *голову забыл* – «забыл каску», *снял голову* – «снял защитную каску».

Языковая игра наблюдается также на материале названий бригад: *бобры* – «бригада, под руководством мастера по фамилии Бобров», *маслята* – «бригада, под руководством мастера по фамилии Маслов», *черенки* – «бригада, под руководством мастера по фамилии Черенков». Русские по происхождению фамилии, образованные от предметов домашнего обихода (черенок, масло) и названия животных (бобер), выступают в качестве предмета метонимического переноса от фамилии руководителя на весь коллектив.

Метафорические переносы осуществляется на основе разных ассоциативных связей. Приведем несколько примеров. Ассоциативные связи на сходстве производимого впечатления: газосварщика на ГЭС принято называть *Змей Горыныч*. Фольклорный персонаж Змей Горыныч представляет собой огнедышащего дракона. Процесс сварки сопряжен с активным распространением брызг расплавленного металла, напоминающих потоки огня, которые дракон извергает в случае нападения. Выражение *неженатый генератор*, обозначающее холостой ход генератора, построено на синонимической замене образного терминологизированного сочетания «холостой ход». Экспрессивно-образное метафорическое выражение *пойдем кишки собирать* обозначает призыв пойти скручивать растянутые сварочные кабели. В основе образования метафорический перенос по сходству внешнего вида кабелей с кишками. Сотрудников генерального участка между собой называют *лимонами*. Сленговое слово *лимон* в значении «миллион» является общеизвестным и используется с целью насмешки – подчеркнуть крупные суммы зарплат сотрудников генерального участка.

Своеобразие устной профессиональной речи гидроэнергетиков отчасти объясняется закрытостью организации. Как правило, жаргон выполняет сигнификативно-маркирующую, парольную функцию, в основе которой лежит внутригрупповой конформизм, сплоченность группы. Процесс узнавания своих и скрытия определенной информации от посторонних наблюдателей (например, отношения врачей и пациентов в медицинском профессиональном жаргонизме). На гидроэлектростанции таких «сторонних наблюдателей» нет, все участники коммуникации являются носителями профессионального просторечия. Определенные особенности могут быть только в речи сотрудников разных подразделений ГЭС, но их изучение – предмет отдельного исследования.

Рассмотренные слова и выражения свидетельствуют о том, что людическая функция является одной из доминирующих в устной форме подъязыка гидроэнергетиков. Эти слова используются в речи сотрудников ГЭС, вне зависимости их образования и квалификации. Профессионализмы и профессиональные жаргонизмы, порожденные языковой игрой, экономят речевые и когнитивные усилия, помогают укрепить профессиональные и человеческие связи работников ГЭС и шире – отрасли.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Галимова Х.Н. Асимметрия профессионально маркированной лексики: на материале русского и английского вариантов профессионального подъязыка железнодорожного транспорта: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2008. 19 с.

2. Данилевская Н.В. Языковая игра // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под редакцией М.Н. Кожинной. М., 2003. [Эл. ресурс]. URL: <http://enc-dic.com/stylistic/Jazkovaja-igra-160/>.

3. Коровушкин В.П. Основы контрастивной социолектологии: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Пятигорск, 2005. 53 с.

4. Краткий словарь по эстетике. [Эл. ресурс]. URL: <http://esthetik.narod.ru/>.

5. Кудинова Т.А. Языковой субстандарт: социолингвистические, лингвокультурологические и лингвопрагматические аспекты интерпретации: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Нальчик, 2011. 45 с.

6. Медицинский энциклопедический словарь. [Эл. ресурс]. URL: http://dic.academic.ru/contents.nsf/enc_medicine/.

7. Солнышкина М.И. Асимметрия структуры языковой личности в русском и английском вариантах морского профессионального языка: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Казань, 2005. 53 с.

8. Татаринов В.А. Общее терминоведение: энциклопедический словарь. М., 2006.

9. Фельде О.В. Комическое в профессиональном дискурсе // Вестник Новосибирского государственного университета, 2011. Том 11. Вып. 9: Филология. С. 140–145.

10. Электронный словарь жаргона. [Эл. ресурс]. URL: <http://jargon.ru/>.

Ю. Н. Пшеницина⁹

ЭКСПЕРТ В ТЕЛЕВИЗИОННОЙ РЕКЛАМЕ: ТИПОЛОГИЯ КОММУНИКАТИВНЫХ РОЛЕЙ

В данной статье анализируется коммуникативная роль эксперта в телевизионной рекламе, предложена типология коммуникативных ролей эксперта.

This paper analyzes the communicative role of the expert in television advertising, the typology of communicative roles of the expert is proposed here.

Ключевые слова: эксперт, профессионал, экспертная деятельность, телевизионная реклама, рекламный текст,

коммуникативные роли.

Keywords: expert, professional, expert activity, television advertising, advertising text, communicative roles.

⁹ Научный руководитель – д. филол. наук проф. Е.В. Осетрова

Главная ценность современного «информационного общества», в основе которого лежит множество инновационных технологий – это знания – их получение, селекция, обработка и дальнейшее распространение. Именно знания являются самым дорогим товаром XXI века. И этот факт определяет то обстоятельство, что в современном обществе роль эксперта и экспертизы неуклонно растет. Некоторые исследователи говорят даже о появлении нового облика властвующей элиты – экспертократии, а данную эпоху называют «экспертократической» [Ашкеров 2009].

А.И. Черных в своей работе «Экспертное знание и публичная экспертиза» определяет эксперта как профессионала, получившего специальное образование, а потому являющегося специалистом в какой-либо области знаний, имеющим право на экспертизу (например, судебный эксперт). В свою очередь, экспертиза – это «исследование какого-либо вопроса, требующее специальных знаний завершающееся представлением мотивированного заключения. <...> Такой тип специализированной экспертной деятельности можно обозначить как отраслевую, или предметную, экспертизу, выполнение которой требует осуществления фиксированных процедур с помощью известных инструментов, подчинённых жесткому алгоритму вполне конкретной узкой специальности» [Черных 2010. С.3].

Следует признать, однако, что сегодня мы наблюдаем существенную трансформацию процедуры, характеристик, да и самого содержания экспертной деятельности. Связано это, в частности, с тем, что Пьер Бурдьё в одной из своих работ назвал феноменом «медиатизации науки». Современные журналисты получают возможность активно влиять на науку, решать, какие темы являются важными и актуальными, а какие нет, определять, кто является экспертом, а кто – нет. Автор отмечает, что поле журналистики оказывает значительное влияние на другие сферы культурного производства и что «постоянно возрастающее влияние журналистского поля способствует ослаблению независимости других полей и уменьшению возможности

представителей данных сфер «прибегать к компетенции своих экспертов или авторитету хранителей общественных ценностей» [Бурдые 2002. С.78].

Экспертный модус используется не только в авторских журналистских материалах. Все чаще к мнению экспертов прибегают и в других типах медиа-текстов. Особенно распространенным стал образ эксперта в телевизионной рекламе, поскольку это, по мнению ее создателей, повышает степень доверия к предмету рекламы. Потребитель склонен доверять тому, что говорят эксперты, в особенности, если он оценивает их как авторитетных – известных, узнаваемых, значимых – фигур.

Материалом наблюдений автора данной статьи стали 23 рекламных ролика, «продвигающих» средства косметического и гигиенического ухода, лекарственные препараты, чистящие средства и продукты питания.

Прежде всего, обращает на себя внимание факт, что само слово *эксперт* становится ключевым в подобных текстах, входя в слоган рекламируемого продукта. В качестве примеров приведем рекламу стирального порошка «Persil» и чистящего средства «Clin»:

Текст рекламы «Persil»

Моя мама – она настоящий эксперт. Но иногда ей самой нужна помощь эксперта. Ваше желание вдохновило нас на создание нового «Persil - Эксперт» с капсулами пятновыводителя. Мощная формула для безупречной чистоты. Экспертам - от экспертов. Новый «Persil Expert».

Текст рекламы «Clin»

А вы знаете, как легко и быстро вымыть грязные окна? Мытье окон средствами для посуды утомляет. Обычные средства для окон не спасают от длительной полировки. Попробуйте «Clin» с содержанием спирта. Его активная пена обволакивает грязь и легко удаляет ее. Сияние без полировки! «Clin» – эксперт в блеске окон без разводов!

В соответствии с этой «экспертной» идеей медиа-реклама разрабатывает новую коммуникативную роль – роль эксперта, активно эксплуатируя ее в сценариях видео-роликов. (В нашем случае его функции, как правило,

приписываются стоматологу, гинекологу и стилисту). Проанализируем подробнее несколько конкретных примеров, которые помогут выявить типологию данной роли.

Создатели телевизионных роликов «Oral-b» используют роль опосредованно – через ссылку на экспертное мнение:

Текст рекламы «Oral-B»

*Бактерии нашли убежище на вашей зубной щетке! Эксперты «Oral-B» разработали зубную щетку «Эксперт-Антибактериальную». Щетинки с ионами серебра помогают сдерживать рост бактерий до 3-х месяцев и удаляют до 90 % зубного налета. Новая зубная щетка «Expert Антибактериальная». Oral-B. **Рекомендация стоматологов № 1 в России.***

Авторы рекламы «Sunsilk» идут намного дальше, повышая коммуникативный статус роли и включая экспертов как прямых речедеятелей в формат диалога; ср. с предыдущим текстом:

Текст рекламы «Sunsilk»

Томас Тоу, эксперт по уходу за поврежденными волосами:

*- Структура поврежденных волос становится пористой и они тонут в воде. Вместе с «Sunsilk» мы разработали новую линию средств для восстановления волос. Волосы выглядят полностью восстановленными. Видите? Здоровые волосы не тонут. Откройте новый Sunsilk! **Программа восстановления волос от Томаса Тоу.***

Еще раз акцентируем внимание на том, что создатели рекламной продукции используют не только ссылку на обобщенный и неопределенный экспертный образ (*Эксперты Oral-B*), но эксплуатируют авторитет вполне конкретных профессионалов, публикуя их имена, фамилии, данные о месте работы.

В том случае, когда для исполнения экспертной роли привлекают известных медийных лиц (актеров, телеведущих, шоу-менов, певцов и т.п.), дополнительно указывают известные проекты с их участием: фильмы, рекламные компании и т.п. Ко всем прочим параметрам, стандартно

усиливающим доверие массового адресата рекламы, здесь добавляются еще параметры престижности занятий, популярности, а во многих случаях симпатии к «звезде»-эксперту и/или даже «любимцу»-эксперту. Примером использования медийного лица в описываемом качестве может служить рекламный ролик с Мариной Голуб:

Текст рекламы «Comet»

7 дней чистоты с Мариной Голуб.

[Сцена диалога ведущего с актрисой Мариной Голуб]:

- *Новость! Комет для туалета. До 7 дней чистоты! Неужели? А давайте спросим экспертов.*

- *Чистота до 7 дней? Проверим.*

- *Проверьте! А я приду через 7 дней.*

[Текст за кадром]

Тесты показали – «Comet» удаляет известковый налет и ржавчину, дезинфицирует и образует защитный слой. Поэтому чистота сохраняется до 7 дней.

[Сцена диалога ведущего с актрисой Мариной Голуб]:

- *Прошло 7 дней.*

- *Тест пройден блестяще! Чистота до 7 дней подтверждена Научно-исследовательским центром бытовой химии.*

[Текст за кадром]:

Попробуй и ты «Comet - 7 дней чистоты».

[Марина Голуб]:

- *А ты теперь будешь жить у меня!*

В рекламе товаров широкого потребления экспертами выступают обыватели, то есть обычные люди похожие на нас и наших соседей, что привлекает внимание и усиливает доверие потенциальных потребителей. Примером может стать реклама стирального порошка «Persil» см. выше или рекламный ролик компании «Avon». Героями данного ролика выступают

обычные женщины, которые и являются целевой аудиторией рекламируемой косметической фирмы.

[Текст за кадром]:

Мечтаешь о лучшей жизни и новых интересных знакомствах?

Стань представителем Avon. Экспертом по красоте вместе с одной из ведущих косметических компаний. Тебя ждёт команда единомышленниц и дополнительный доход.

Зайди на сайт avon.ru, стань представителем Avon сегодня. Получи скидку 31%, элегантный браслет в подарок и собери всю коллекцию украшений.

Ты будешь лучшей вместе с Avon.

Еще один популярный тип рекламного эксперта – это искусственно созданные графические персонажи либо олицетворенные физические сущности (предметы / элементы предметов), которым создатели роликов приписывают функции профессионалов. Понятно, что рекламный сценарий основан здесь на очевидной для всех коммуникативной игре, что добавляет сюжету особую живость. Таких экспертов следует называть «квази-экспертами».

Их присутствие в рекламном хронотопе вполне оправдано, поскольку в целом ряде случаев описать полезное действие вещества довольно сложно. Наглядный же образ (например, чистящие бактерии-человечки или лекарство как друг больного) помогает зрителю быстро понять, как работает данное средство. Именно этот прием воздействия использован в рекламном ролике «ТераФлю», где квази-экспертами выступают «взрыватели» – лечебные компоненты рекламируемого продукта. Микроскопические человечки точно знают причину болезни и готовы прийти на помощь человеку, избавляя его от простуды:

[Диалог «взрывателей»]:

- Жар? Головная боль?

- У меня все. Насморк готов! Взрывай!

[Текст за кадром]:

«ТераФлю-Экстра» – взрывная мощь против гриппа. «ТераФлю» – эксперт в борьбе с гриппом и простудой.

«ТераФлю». Некогда болеть!

В результате проведенных аналитических наблюдений мы пришли к выводу, что коммуникативная роль эксперта в телевизионной рекламе должна быть представлена в границах следующей типологии:

- **«Эксперт-профессионал»** в статусе обобщенного группового субъекта в 3-м лице (*Эксперты «Oral-B»*).
- **«Эксперт-профессионал»** в статусе прямого речедеятеля (Томас Тоу – стилист).
- **«Эксперт – медийное лицо»** (Марина Голуб – актриса).
- **«Эксперт–обыватель»** (Моя мама – настоящий эксперт (Persil); эксперты по красоте – обычные женщины (Avon)).
- **«Квази–эксперт»** («взрыватели ТераФлю»).

Возможно сочетание нескольких видов экспертов в коммуникативном пространстве одного рекламного ролика, что позволяет усилить воздействующий эффект рекламного текста.

Типология, представленная выше и фактически представляющая один их коммуникативных механизмов рекламного текста, должна быть дополнена двумя замечаниями, смещающего рассуждения в сторону языкового поля.

Первое из них касается работы в данном пространстве семантической категории достоверности / недостоверности, которая прямо связывает текстовую часть рекламы (в совокупности с ее визуальными образами) с эффектом воздействия на массового адресата. Для усиления достоверности сюжета, воспроизводимого на экране, в рекламных роликах данного типа сымитирована объективная действительность, окружающая человека: зубные щетки, тюбики с зубной пастой, инструменты стоматологов, тампоны, шампуни, мыло и т.п. Очевидно, что чем реалистичней изображен предмет, тем выше степень доверия покупателя к рекламируемому товару. Подобные предметы составляют часть жизни потребителя и использование их в

рекламном ролике вызывает эффект узнавания «своего» мира, «своей» обстановки. На уровне восприятия текста из совокупности подобных рекламных образов формируется модусная «рамка доверия», в которую вставлен 1) сам эксперт с его характеристиками, мнением, профессиональной оценкой, а главное – 2) предлагаемый им товар.

Второе замечание выводит на лингвопрагматический уровень. По наблюдениям М. Медковой, для его обеспечения в рекламных текстах используется целый спектр различных языковых средств и речевых актов.

Применительно к нашему материалу в качестве языковых средств, дающих возможность опознать предметную область рекламы, используются медицинские термины, а также термины косметологии и гигиены. Понятно, что все эти термины выступают в функции ключевых слов:

- Медицинские - *зубной камень, кариес, остеохондроз, варикоз вен, сердечно-сосудистые, иммуномоделирующие средства, лечение геморроя, нервная система, болеутоляющие средства, антисептические средства, витамины, и мн.др.;*
- Косметические - *акне, аллергены, аммиак, питательный крем, микродерма, эпидермис, антицеллюлитные крем, ароматерапия, бальзам-ополаскиватель, вакуумный массаж и мн.др.;*
- Гигиенические - *санитарная экспертиза, интимная гигиена, уход за телом, прокладки, тампоны, и мн.др..*

Самым же распространенными речевыми актами, которые используют в рекламных роликах, являются комиссивы, а также ассертивные обещания, описывающие некоторое положение дел как реальное, очевидное, но фактически реализующие функцию обещания. В нашем случае это «дежурное» обещание того, что при использовании данного товара улучшится общее состояние индивида.

Так, в рекламном ролике зубной пасты «*Blend-a-med*» стоматолог говорит следующее: *Известно, что профилактика лучше лечения. Правильно подобранная зубная паста помогает избежать проблем с деснами,*

чувствительностью и зубным камнем. Гигиенические зубные пасты защищают лишь по некоторым признакам. «Blend-a-med PRO-EXPERT ВСЕ в ОДНОМ» защищает по всем признакам, которые чаще всего проверяют стоматологи. Вот почему она одобрена Российской Ассоциацией Стоматологов. Предотвратите проблему до ее появления. «Blend-a-med PRO-EXPERT ВСЕ в ОДНОМ». Выбор российских стоматологов в 2011 году».

В данной рекламе языковая формула *защищает по всем признакам...* является скрытым комиссивом, выраженным как ассертивное высказывание. Таким образом стоматолог-эксперт убеждает зрителя и дает ему ни к чему не обязывающее обещание того, что зубная паста избавит его от наиболее распространенных проблем, связанных с заболеваниями полости рта.

В заключение отметим, что степень влияния рекламных текстов на сознание массового потребителя в значительной степени зависит от того, кто их активизирует: статус истинных, правдивых, правильных закрепляется за теми высказываниями, которые вкладываются в уста лиц, вызывающих доверие большинства. В рекламных сообщениях эта функция все чаще отводится эксперту. Коммуникативную роль эксперта играют

- профессионалы – по традиции,
- медийные лица – хорошо узнаваемые и любимые публикой,
- простые люди – «свои» для большинства, которые в обычной обстановке и в окружении привычных вещей рассказывают о всем знакомых проблемах,
- мультипликационные рекламные герои – усиливающие живость, образность и понятность сюжета.

Эксперт в рекламе помогает увидеть то, что нельзя увидеть невооруженным взглядом, познать «суть» рекламируемого товара. Рекламная коммуникация заставляет его использовать свои профессиональные характеристики для обоюдной пользы производителя и потребителя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ашкеров А. Экспертотократия. Управление знаниями: производство и обращение информации в эпоху ультракапитализма. М.: Европа, 2009.

2. Бурдые П. О телевидении и журналистике / Пер. с фр. Т.В. Анисимовой и Ю.В. Марковой. Отв. ред. и предисл. Н.А. Шматко. М.: Фонд научных исследований «Прагматика культуры», Институт экспериментальной социологии, 2002. 89 с.

3. Черных А.И. Экспертное знание и публичная экспертиза. М., 2010. 30 с.

С. В. Серова¹⁰

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПАМФЛЕТ: МОДЕЛЬ ЖАНРА И ЕЕ МОДИФИКАЦИИ

Статья посвящена описанию модели речевого жанра современного политического памфлета и его модификаций, а также содержит изложение методики ее исследования.

The paper is devoted to the description of a speech genre model of contemporary political pamphlet, its modifications, and provides methods for its investigation.

Ключевые слова: речевой жанр памфлета, жанровая модель политического памфлета, жанровые модификации, гибридные жанровые формы.

Keywords: speech pamphlet genre, genre modification of political pamphlet, genre modification, hybrid genre forms.

Процессы интерференции, трансформации и модификации системы журналистских жанров, особенно активно развивающиеся последние тридцать лет, выдвинули в центр внимания ученых вопросы типологии жанровых единиц. В этой связи возобновилась полемика о жизнеспособности памфлета, обнаружив сложность и неоднозначность идентификации традиционного остро

¹⁰ Научный руководитель – д. филол. наук проф. А.П. Сковородников

сатирического жанра. Для решения этой проблемы, на наш взгляд, следует построить инвариантную жанровую модель, которая должна включать столько признаков, сколько необходимо для ее однозначного и непротиворечивого определения. Это позволит отличать ее от других единиц общения, выявить специфику гибридных жанровых форм и генерировать тексты требуемого жанра. Отсутствие в теоретической научной базе лингвистики (стилистики) специальных работ, описывающих модель этого речевого жанра памфлета, побуждает к исследованию данной проблемы. В тезисах [Серова, 2013. С.458-459] нами была предложена его рабочая модель, обозначены ее регулярные реализации, поэтому целью настоящей статьи является уточнение параметризации обозначенной модели и определение методов ее изучения.

Вопрос построения речевой модели жанра в лингвистике ученые решают на протяжении полувека, выделяя от двух до двенадцати жанрообразующих признаков (Т.В. Шмелева, В.А. Салимовский, А. Вежбицка, М.Ю. Федосюк, С. Гайда, Т.В. Анисимова, В.В. Дементьев и др.). Анализируя сложившуюся ситуацию, Е.В. Осетрова справедливо отмечает, что, несмотря на существование множества подробных и точных описаний жанровых моделей исследователь при изучении высказывания каждый раз «сталкивается с необходимостью корректировки его модели с учетом бесконечно меняющихся условий общения» [Осетрова, 2012. С. 449].

Чтобы исследовать памфлет с лингвистической точки зрения, мы на основании изученной теоретической литературы и анализа упоминаемых в ней текстов, а также современных текстов, вышедших за период с 2009 по 2012 гг., построили его речевую модель, положив в основу отличительные жанрообразующие признаки, которыми являются:

- 1) цель (функция) — морально уничтожить объект;
- 2) тематика — политическая;
- 3) масштаб объекта — безусловная социальная значимость;
- 4) специфика оценочности — предельность;
- 5) виды комического: преимущественно сатира и сарказм;

- б) композиционно-стилистические приемы: гротеск, абсурдизация, сравнение, повтор, гипербола, антитеза и др.;
- 7) способ изложения — рассуждение;
- 8) специфика художественно-образной конкретизации — фактическая реальность;
- 9) объем — небольшой.

Сформированная модель представляет собой идеальный образец памфлетной формы, соответствующие ему образцы текста в настоящее время встречаются сравнительно редко (В. Шурыгин «Орден Иуды», А.А. Проханов «Канал Лужкова и туннель Абрамовича» и др.), а отклонения от него следует считать жанровыми модификациями. По нашему мнению, существование модифицированных форм вызвано слиянием памфлета с другой жанровой единицей, сообщающей ему ряд новых свойств. Это дало нам основание классифицировать отклонения от жанрового образца в зависимости от того, с каким из жанров взаимодействует памфлет. В результате на данном этапе исследования мы выделили следующие разновидности памфлетной формы, функционирующей в политическом дискурсе.

а) Памфлет – аналитическая статья

Это модификация, в которой цель уничтожения зла сочетается с целью обстоятельного анализа сложившейся политической ситуации. В таком тексте предельная оценочность, выраженная публицистом с помощью сарказма, гротеска и абсурда, сопрягается с высокой аналитичностью (А.А. Проханов «Как мыши Лужка хоронили», В.А. Шендерович «Неправительственная телеграмма», В.И. Новодворская «Неотрубленные головы» и др.). При этом текст значительно увеличивается в объеме.

Ночная ваза российской политики разбилась. Её пользователь Юрий Михайлович Лужков по неосторожности или умышленно сдвинул её, и она превратилась в фаянсовые осколки. Стабильность, на которую уповали в Кремле, кончилась, начался острый политический процесс.

Лужков вмешался в конфликт по поводу Химкинского леса, где неявно схлестнулись две точки зрения: Путина и Медведева. И в этом неявном зашифрованном конфликте выбрал Путина, отвергнув Медведева, что похоронило миф о двух лидерах-братьях, сшитых из одной кожи.

Поступок Лужкова поставил под сомнение весомость и значительность президента Медведева, укрепил у элиты представление, что эта фигура временная и непродолжительная, как рекламная пауза. Ответный удар Медведева по Лужкову последовал незамедлительно.<...>

Есть несколько вариантов поведения мэра Лужкова в этих условиях. Первое: Путин и Медведев по-братски договариваются и отпускают Лужкова на свободу, предоставляя ему весь набор гарантий, сохраняя за ним его несметные состояния, позволяя ему безбедно перекочевать из Москвы в окрестности Лондона, где ожидает его безбедная комфортная старость.

Второй вариант: Лужков не смиряется и показывает свои вставные, но очень острые легированные клыки (А.А. Проханов Как мыши Лужка хоронили // Завтра. №38. 2010).

б) Pamфлет – аналитический обзор-комментарий

модификация, выделяющаяся тем, что цель уничтожения зла объединяется с целью дать краткий аналитический комментарий происходящих в обществе социально-политических процессов, подвести общий итог. Ее тексту свойственны аналитизм и предельная оценочность, для воплощения которой автор использует иронию, сарказм и абсурд. (Е. Александрова-Зорина «Народ, которого нет», В.М. Коклюшкин «Спешите видеть» и др.). Объем модификации варьируется в диапазоне от небольшого текста до значительного произведения.

В этом году Россия отметит юбилей реанимации. 20 лет она ни жива, ни мертва, а её состояние стабильно тяжёлое. Оппозиция борется не с властью, а за место во власти, народ разобщён, зато "элита" сжалась в кулак, установив в стране олигархический фашизм. В "верхах" один за всех — и все против народа.

А в "низах" — все против всех?

Соотечественники живут сериалами, а борются — с перхотью. Большого и не нужно! Идеологию сменила биология, общество потребления плодит самоуверенных недоучек, бездушных трудоголиков и невротичных потребителей с кошельком вместо сердца. Акции протеста собирают сотни активистов, а концерты поп-звёзд — многотысячные стадионы. Вымирать — так с музыкой! (Е. Александрова-Зорина Народ, которого нет // Завтра. № 5. 2011).

в) Особого внимания заслуживает **модификация памфлет-фельетон**, поскольку в ней взаимодействие жанровых форм реализуется с максимальной активностью, и сегодня в большинстве случаев один жанр невозможно отличить от другого. Так, для данной модификации характерно переплетение целей обличения и уничтожения зла. Объект разоблачения, обладая высоким социальным статусом, действует в маломасштабных локальных общественно-политических ситуациях. Предельная оценочностью, выраженная с помощью сатиры, иронии и сарказма, является текстовой доминантой (А.А. Пионтковский «Медвежья болезнь», Л. Флорентьев «Ихтиандра на царство!» и др.).

Владимир Путин вновь подтвердил свой мачоиспускательный имидж.

Нырнув в Таманский залив, премьер-министр РФ сразу нашел две амфоры, которые ждали его с VI века н.э. на двухметровой глубине, лишь слегка присыпанные песочком. Ему повезло: на этом самом месте археологам-подводникам Фанагорийской экспедиции Российской академии наук за два года удалось обнаружить только несколько черепков.

Таким образом, наш общенациональный раб, расклепав оковы и прыгнув с галеры в воду, не только повторил самоотверженный поступок русских подвижников Садко и Муму, но и внес неоценимый вклад в Музей изобразительных искусств им. Пушкина. Хотя скептики утверждают, что амфоры своими гибкими, но ухватистыми руками ваял любимый ученик Фидия

и друг Перикла Сурков (Л. Флорентьев Ихтиандра на царство! // Новая газета. № 88. 2011).

Следует заметить, что жанр памфлета активен не только на страницах печатных СМИ, но и освоил пространство Интернета. Присутствующие в виртуальной среде модификации жанровых единиц делятся на две группы. К первой принадлежат формы, которые являются интернет-версией текста какого-либо печатного издания. От своего аналога они отличаются главным образом технологическими характеристиками, например, наличием, гиперссылок, интерактивностью (Е.В. Осетрова, Н.Б. Мечковская, Т.Л. Каминская и др.). Ко второй группе относятся модификации, в которых памфлет взаимодействует с жанрами интернет-сферы, приобретая, кроме технологических характеристик, новые жанрообразующие свойства. Одним из примеров такого слияния стал **памфлет-инвектива-пост**. Цель данной модификации заключается в том, чтобы в резкой, грубой форме высказать авторское мнение, мгновенно поделиться точкой зрения на события. Текст отличается предельностью оценочности, реализующаяся посредством сарказма, гротеска и абсурда (Т.Н. Толстая «Кремлевские сценарии», А.В. Мальгин).

Почитала про инаугурационный прием; ну что, скущица и гламурный официоз. <...> Поели и разошлись, ну что это за событие. И людям скучно, и государю. Инаугураций-то больше не будет, теперь это навсегда.

А ведь можно было приготовить по-настоящему здоровский сценарий, театрализованное представление. Вариантов куча.

Допустим: только сели, вилку в руку, потянулись ткнуть в рыбную нарезку - вдруг шум за дверями, крики, чей-то долгий болезненный вопль. Свет, допустим, гаснет. Двери Георгиевского и Андреевского зала распахиваются, врывается ОМОН. Крушит столы, шибают с ног испуганных, повскакавших с кресел гостей, с громким чпоканьем лупит по ребрам банкиров, депутатов, олигархов там, или, например, работников поп-глам-культуры: Марину Юденич, Стаса Михайлова, – зубы в крошку, силиконы полопались, потеха!

Доктор Елена Малышева визжит как резаная – это же любо-дорого послушать.

Хорошо отвалтузив гостей, ОМОН рассыпается и улечучивается. Свет зажигается, входят смеющиеся хозяева: Президент и Премьер, с бокалами, с бутербродиками типа канане на тарелочках. Это шутка была! Сейчас отсмеемся и снова за еду! Прибегают официанты, быстро перестилают скатерти, вносят новые блюда. Гости оценивают юмор, облегченно вздыхают, приглаживают волосы и поломанные ребра, тоже заразительно, громко смеются. Вытирают кровь с разбитых лиц салфетками с российским гербом. Ничего такого не произошло, а некоторые сразу же говорят, что даже и не заметили, все как обычно. Ну, или Прохоров, к примеру, громко заявит, что даже приятно было косточки размять (Т.Н. Толстая Кремлевские сценарии // http://tanyant.livejournal.com/#entry_94852).

Следует заметить, что перечисленные жанрообразующие признаки памфлета проявляются в тексте с разной степенью интенсивности. Так, широко варьируется насыщенность текста сарказмом, сатирой, гротеском или абсурдом. В разной степени может быть выражена и предельность аксиологической оценочности, дифференцированы уровни художественно-образной конкретизации, многообразны виды рассуждений, состав стилистических приемов и др. Представленные нами характеристики модификаций схематичны, поскольку подробное их описание не является целью настоящей статьи.

Вариативность жанровых характеристик делает плодотворной для изучения памфлета идею поля. Тогда этот обличительный жанр можно представить в виде структуры, состоящей из ядра и периферии. Ядро будет содержать максимум перечисленных выше признаков памфлета, а те его варианты, которые содержат неполный набор этих свойств, в том числе и по причине гибридизации с другими жанрами, займут периферийное положение. При этом под воздействием разнообразных коммуникативных условий одни жанрообразующие свойства будут модифицированы, трансформированы или

подвергнутся процессу интерференции. Необходимо обратить внимание и на процесс креолизации текстов особенно бурно развивающийся в интернет-среде (блог А. Мальгина, Т.Н. Толстой, А.А. Проханова и мн. др.), который также сообщает жанру памфлета новые свойства, например, мультимедийность.

Параметризация жанровой модели памфлета, на наш взгляд, может быть уточнена с помощью методов сравнительно-сопоставительного, стилистического, статистического анализа и эксперимента.

Таким образом, жанровая модель памфлета содержит 9 признаков и имеет полевую структуру, согласно которой жанрообразующие свойства убывают от ядра к периферии, что обусловлено составом коммуникативной ситуации. Степень и характер вариативности признаков мы предполагаем уточнить посредством использования указных в статье методов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анисимова Т.В. Типология жанров деловой речи: Риторический аспект: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Краснодар, 2000. 45 с.
2. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Собр. соч. в 5 т. М. 1996. Т.5. С.159-206.
3. Вежбицка А. Речевые жанры // Жанры речи. Саратов. 1997. Вып. 1. С. 99-112.
4. Гайда С. Жанры разговорных высказываний // Жанры речи. Саратов. 1997. Вып. 1. С. 107-116.
5. Дементьев В.В. Теория речевых жанров. М., 2010. 600 с.
6. Долинин А.К. Речевые жанры как средство организации социального взаимодействия // Жанры речи. Саратов. 1997. Вып. 1. С. 8-14.
7. Дускаева Л.Р. Принципы типологии газетных публицистических жанров // Язык современной публицистики. М., 2008. С. 115-143.
8. Истомина А.Е. Фельетон как жанр политического дискурса: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2008. 23 с.

9. Кайда Л.Г. Стилистический облик современного памфлета // Поэтика публицистики. М., 1990. С. 146-159.
10. Мечковская Н.Б. История языка и история коммуникации: от клинописи до Интернета: курс лекций по общему языкознанию. М. 2009. 584 с.
11. Осетрова Е.В. О «речевой жизни» жанра: некоторые наблюдения и идеи // Коммуникация. Мышление. Личность: Мат-лы междунар. науч. конф., посвященной памяти профессоров И.Н. Горелова и К.Ф. Седова. Саратов. 2012. С. 448–456.
12. Пастухов А.Г. Политический памфлет: (не)умирающий жанр? // Жанры речи. Жанр и язык. 2009. Вып. 6. С.388-399.
13. Салимовский В.А. Жанры речи в функционально-стилистическом освещении (русский научный академический текст): Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Екатеринбург, 2002. 29 с.
14. Салимовский В.А. Речевой жанр // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М., 2006. С. 352-354.
15. Серова С.В. Лингвостилистические параметры памфлета как социально значимого (востребованного) жанра журналистики // Журналистика в 2012: социальная миссия и профессия. Сб. мат-лов междунар. науч.-практ. конф. М. 2013. С. 458-459.
16. Сковородников А.П. О необходимости разграничения понятий «риторический прием», стилистическая фигура, речевая тактика, речевой жанр в практике терминологической лексикографии // Риторика – Лингвистика. Вып. 5. 2004. С. 5-12.
17. Тепляшина А.Н. Творческая природа комического: жанровая парадигма современной журналистики: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. СПб, 2007. 38 с.
18. Федосюк М.Ю. Нерешенные вопросы теории речевых жанров // Вопросы языкознания. 1997. №5. С. 102-120
19. Шмелева Т.В. Модель речевого жанра // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. М., 2007. С. 81-89.

20. Щербаков А.В. О системном представлении жанрового поля языка/речи (на материале газетно-публицистических жанров) // Речевое общение. Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. Вып. 8-9 (16-17). 2006. С. 128-134 [Эл. ресурс]. URL: <http://old.lib.sfu-kras.ru/resources.php3?menu1=socspeach&menu2=2006-16-17>.

Н. А. Сысоева¹¹

**МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ КОНЦЕПТЫ В ТВОРЧЕСТВЕ
В.П. АСТАФЬЕВА
(НА МАТЕРИАЛЕ КОНЦЕПТА «БОГ»)**

Статья посвящена анализу мировоззренческого концепта «Бог» и его лексической репрезентации в индивидуальной языковой картине мира В.П. Астафьева.

This article is devoted to the analysis of the worldviews concept «God» and its lexical representation in Astafiev's world's picture.

Ключевые слова: мировоззренческий концепт, индивидуально-авторская картина мира, духовная эволюция, когнитивное пространство, религиозные взгляды, мировоззренческий идеал.

Keywords: worldviews concept, individual author's view of the world picture, spiritual evolution, cognitive space, religious views, worldviews ideal.

В задачи настоящей статьи входит анализ репрезентации мировоззренческого концепта «Бог» в творчестве В.П. Астафьева. Выбор в качестве объекта исследования именно этого концепта не случаен. Формирование личности будущего писателя проходило в условиях сильного

¹¹ Научный руководитель – д. филол. наук проф. О.В. Фельде

влияния двух противоборствующих культурных традиций: с одной стороны, традицией патриархальной крестьянской среды с её ориентацией на православие (семья бабушки, в которой Астафьев воспитывался в раннем детстве), с другой – традицией воинствующего атеизма, которую навязывали школа и интернат. Как это отразилось на мировоззрении писателя, его творческой языковой личности? Отвечая на этот вопрос, попробуем сформулировать и доказать рабочую гипотезу исследования: Концепт «Бог» представляет собою ядро индивидуально-авторской языковой картины мира писателя и определяет православное мировидение писателя.

Вслед за Д.С. Лихачёвым мы полагаем, что концепт – результат столкновения словесного значения с опытом человека, концепт тем шире, чем богаче опыт (См. об этом: [Лихачёв, 1997. С. 29]). Мы присоединяемся также к мнению многих ученых о том, что концепт представляет собою многослойное ментально-вербальное образование полевой структуры, включающее в себя понятийную, образную, оценочную, индивидуально-психологическую и этнокультурную составляющие [Воркачев, 2003. С.5].

О значимости понятия «Бог» для В.П. Астафьева свидетельствует частотность использования имен концепта (Бог, Господь, а также его местоименного синонима Он) в текстах его прозаических и публицистических произведений. Имя концепта – лексема *Бог* – используется в текстах 986 раз. Слово *Господь* – 567, *Он* (*Его*, *Ему*) – 58 раз.

В современном русской лингвокультуре концепт «Бог» проявляет несколько когнитивных признаков, которые определяют особенности его понятийного слоя: творец неба и земли, всего сущего; всеведущий высший разум, управляющий миром; всеобщее мировое начало (имеет множество имён: Творец, Создатель, Всевышний, Вседержитель, Всемогущий и др.; в христианстве един в трёх лицах: Бог Отец, Бог Сын, Бог Дух Святой). 2. При политеизме: одно из сверхъестественных существ, управляющих какой-л. частью мирового целого, покровительствующих кому-, чему-л. (обычно какому-л. роду деятельности). 3. О человеке могущественном, наделённом

властью над другими людьми. *(Я бог, я червь, я раб, я царь. (Державин); 4. О предмете поклонения, восхищения (обычно одарённом человеке, гении). [БТС – URL: <http://www.gramota.ru/slovari/dic/?word=%E1%EE%E3&all=x>].*

В текстах произведений В.П. Астафьева нами выявлены также такие когнитивные признаки концепта Бог, как *«Бог как творец человека», «Бог как источник жизни», «Бог как всевидящая и всеслышающая сущность», «Бог как защитник и заступник», «Бог как объект моды».*

1. Создатель и творец мира: *«А Бог иногда создает красоту, чтобы на нее смотреть и отдыхать от ратных подвигов. Не разучился еще Создатель творить»* [«Прокляты и убиты», с. 519].

2. Творец человека, источник жизни: *«... и только сердце, маленькое и ни в чем не виноватое, честно работающее человеческое сердце, еще слышит, еще внимает жизни, оно еще способно болеть и страдать, еще не разорвалось, не лопнуло, оно пока вмещает в себя весь мир, все бури его и потрясения – какой дивный, какой могучий, какой необходимый инструмент вложил Господь в человека!»* [«Прокляты и убиты», с. 392]; *«Как хочется благодарить Бога и силы небесные за эти минуты слияния с вечным и прекрасным даром любить и плакать!»* [«Весёлый солдат», с. 242].

3. Всевидящая и всеслышающая сущность: *«...Бог услышал его и успокоит горе русского человека»* [«Прокляты и убиты», с. 44]; *«...Господь-то все равно все ведает и молитву слышит...»* [«Прокляты и убиты», с. 30]; *«Я говорил и говорю, что Бог был за нас, все еще бросал всевидящий взор и на нашу нескладную семью, но уже начинал уставать, потому как много нас, жаждущих Его милостей, накопилось на русской земле»* [«Весёлый солдат», с. 213].

4. Защитник, заступник: *«...Бог – защитник всех страждущих...»* [«Прокляты и убиты», с. 419]; *«За младенцев Бог первый заступник, не гневите Его!»* [«Последний поклон», с. 348]; *«Но Всемиловитейший Господь всегда был моим заступником и спасителем, не оставляет Он меня без догляда до сих пор»* [«Весёлый солдат», с. 212].

5. Объект моды: *«... не виднелось ни богомольцев, ни юродивых, которые ныне там толпами шляются, форсят золотыми крестами на молодецких грудях, потряхивают кудрями на пустых головах, предаваясь ленивой вере в Бога. Мода на Бога пошла! [«Весёлый солдат», с. 138].*

Бог представляется В.П. Астафьевым как сущность, воспринимаемая человеческим разумом и чувствами. С ним можно говорить, к нему можно обращаться с молитвой, его можно просить, призывать и – в самых крайних случаях – беспокоить.

С одной стороны, Бог – вседобрая и всемилостивейшая сила, которая одаривает хороших людей счастьем: *«Долго они были неподвижны, ничего не говорили, еще не зная, не ведая, что это были самые великие, самые светлые минуты, те самые минуты, которыми Господь изредка одаривает добрых людей, не подбирая для этого подходящего места и времени» [«Прокляты и убиты», с. 119], помнит добрые дела: «Господь не только помнит добрые дела, но и отмечает места, где они сделаны» [«Прокляты и убиты», с. 562].*

С другой стороны, Бог может отвернуться от человека: *«Вот здесь наша последняя пристань, здесь мы все, Богом забытые, и погибнем» [«Прокляты и убиты», с. 71].*

Писатель акцентирует мысль на том, что действия Бога не всегда понятны человеку: *«Боже милостивый! Зачем ты дал неразумному существу в руки такую страшную силу? Зачем сунул ему в руки огонь? Зачем ты наделил его такой волей? Зачем ты научил его убивать, но не дал возможности воскресать?» [«Прокляты и убиты», с. 602].*

По мнению В.П. Астафьева ощущение гармонии внешнего мира и Бога в душе возможно только в атмосфере любви, в окружении близких людей: *«Никогда-никогда более я не был так близок к небесам, к Богу, как тогда, в те минуты соприкосновения двух светлых половинок дня, и никакая тайна не вселяла в меня столь устойчивого успокоения» [«Последний поклон», с. 323].* После того, как герой вынужден был уйти от бабушки, он лишился этой любви и узнал мир, полный бед и страданий, чужой и лишенный гармонии.

Воспоминания о юности героя «Последнего поклона» сейчас прочитываются нами как покаяние писателя: *«Но я же не просто второгодник, я еще и атеист-безбожник. Трепет, умиление и всякая подобная чепуха неведомы мне. Вместо этих чувств из моего черного нутра поднималось злорадное торжество и ярость, ненасытная ярость»* [«Последний поклон», с. 350]. Писатель передаёт «смещённое сознание» своего поколения, которое привело к трагедии безверия. *«Встретимся ли мы на том высоком берегу, безбожники, утратившие веру не только в высшую силу, но и в свой народ, в его дальнейшее существование? Кто-то мудро сказал: "Надежда исчезнет последней". Но на что нам надеяться? Где отыскивать ее, эту надежду? Успеем ли воскреснуть? Хватит ли сил и мужества? Крут он и труден, путь к надежде»* [«Последний поклон», с. 421].

Образный слой концепта представлен **перифразами и синонимами**: *«Пусть **Главный Утешитель** этим займется, он Его попросит: «Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его...»* [«Прокляты и убиты», с. 44]; *«На этом Он, **Милостивец**, не остановится, как совершенно верно сказано в Божьем Писании, бросит еще всех в гиену огненную, и комиссаров не забудет, их-то, главных строителей-безбожников, пожалуй что, погонит в ад первой колонной, первым строем... И поделом, поделом – не колебайте воздуху, не сбивайте народ с панталыку, не поганьте веру и чистое имя Господне ...»* [«Прокляты и убиты», с. 90];

эпитетами: *«Будто **новоявленный Бог утомленный грехами земноводных тварей**, смотрел он на эту двуногую козявку, посмешистую занимать его внимание, отвлекать от важнейших государственных дел и вообще маячить перед глазами»* [«Так хочется жить», с. 27].

Для исследования ценностной составляющей концепта «Бог» большое значение имеет анализ прецедентных текстов: *«...осуществляя отбор прецедентных текстов, языковая личность тем самым манифестирует свои предпочтения, свою картину мира и иерархию жизненных ценностей»* [Караулов 1987: 235].

Нами выявлены следующие прецедентные тексты (*«Не говори, что нет спасенья, / Что ты в печалях изнемог. // Чем ночь темней, тем ярче звезды, / Чем глубже скорбь, тем ближе Бог!»* [«Царь-рыба», с. 372]) и прямые цитаты из Библии: *«Святой Боже, святой крепкий, святой бессмертный, помилуй нас...»* [«Последний поклон», с. 413]; из православных молитв: *«Да воскреснет Бог, растачатся врази его, и да бежит от лица его ненавидящие его, яко исчезает дым, яко исчезает дым, яко тает воск от лица огня, тако да погибнут беси...»* «Прокляты и убиты», [с. 44]; из Псалтири: *«И да будет благодать твоя на мне, Господи, яко огонь попадай нечистые во мне силы... И да будет благодать твоя на мне...»* [«Прокляты и убиты», с. 37].

О значимости концепта «Бог» в ИЯКМ В.П. Астафьева говорит тот факт, что в его текстах используются **паремии**: *«Бог не выдаст, свинья не съест»* [«Прокляты и убиты», с. 221]; *«За Богом молитва, за царем служба не пропадет»* [«Прокляты и убиты», с. 205]; *«Тот, кто рано встает, тому Бог дает»* [«Заступник», с. 347]; *«Кто сырых питает, того Бог знает»* [«Последний поклон», с. 449]; *«Но куда богатого конь везёт, туда бедного Бог несёт»* [«Так хочется жить», с. 10]; *«Дурак стреляет, Бог пули носит»* [«Обертон», с. 262]; *«Бог наплат, никто не видал»* [«Царь-рыба», с. 51]; прецедентные высказывания: *«Унес Бог добычика перышком, залег он в дёбрях сибирских камешком»* [«Прокляты и убиты», с. 48]; *«Но Богу Богово, а мужику завсегда мужиково»* [«Жизнь по-новому», с. 338]; *«Говорят, что трезвого и умного Бог бережет, а пьяницу и дурного охотника - черт»* [«Ягодка», с. 172]; *«Положи, Господи, камешком, подыми перышком!»* [«Последний поклон», с. 354]; *«Коли принес Бог гостя, стало быть, и хозяевам пир»* [«Последний поклон», с. 330]; *«Богу молись, а к берегу гребись»* [«Последний поклон», с. 330]; *«До Бога с плоского Приобья высоко, до прокуратуры далеко»* [«Царь-рыба», с. 125]; *«Бог создал любовь и дружбу, а чёрт – железнодорожную службу!»* [«Последний поклон», с. 199].

Таким образом, лингвокультурологическое исследование репрезентации концепта «Бог» в прозе В.П. Астафьева позволяет с уверенностью говорить о значимости для него идеи Бога и православной веры. В ИЯКМ писателя отразились основные когнитивные признаки концепта, характерные для национальной культуры; в то же время выявлены

Перспективой дальнейшего исследования является анализ мировоззренческой эволюции писателя, который потребует привлечения новых, в том числе и автобиографических данных.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Астафьев В.П. Собрание сочинений в 15 т. Красноярск, 1997.
2. Астафьев В.П. Избранное: Прокляты и убиты: Роман: В 2 кн. М., 1999. 640 с.
3. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. Первое издание: СПб.: Норинт, 1998. Публикуется в авторской редакции 2009 года. [Эл. ресурс:] - URL: <http://www.gramota.ru/slovari/dic/?word=%E1%EE%E3&all=x>
3. Воркачев С. Г. Концепт как «зонтиковый термин» // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 24. М., 2003. С. 5 – 12.
3. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987. 168 с.
4. Лихачёв Д.С. Концептосфера русского языка // Русская словесность: Антология. М., 1997. С. 28 – 37.

СПЕЦИАЛЬНЫЕ ПОДЪЯЗЫКИ В ТЕРМИНОВЕДЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Статья посвящена основным аспектам исследования специальных подъязыков в русистике.

The article is focused on the main aspects and approaches to the study of special lexical in the terms of special LSP theory.

Ключевые слова: язык для специальных целей, подъязык, специальная лексика.

Keywords: language for specific purposes, sublanguage, special lexical.

В настоящее время исследование профессиональных подъязыков (языков для специальных целей, LSP) является одним из самых плодотворных направлений в современной русистике. Об этом свидетельствует большое число научной литературы, в различных аспектах освещающей данный социокультурный и лингвистический феномен.

В своей работе мы опираемся на достижения исследователей-терминологов, разрабатывающих теорию LSP. Не останавливаясь подробно на научной полемике относительно сущности этого, несомненно, многомерного понятия, возьмем за основу определение Т.Н. Хомутовой. Обобщив существующие в науке точки зрения, она определила LSP как «функциональную разновидность естественного языка, в которой аккумулировано и сохранено специальное знание и которая призвана обеспечить адекватное и эффективное общение специалистов в определенной предметной области» [Хомутова, 2008: 105].

Подобное понимание языка для специальных целей уже потенциально содержит в себе возможные подходы к его исследованию. Остановимся подробнее на некоторых из них.

¹² Научный руководитель – д. филол. наук проф. О.В. Фельде

Обращает на себя внимание тот факт, что довольно часто описание подъязыков носит комплексный характер, ибо именно многоаспектное исследование позволяет более подробно изучить данный феномен. Так, например, специальная лексика компьютерного подъязыка исследована в структурно-семантическом [Кармызова, 2003; Бабалова, 2009], ономазиологическом [Гончарова, 2000; Князев, 2006], лингвокогнитивном [Турко, 2007] и др. аспектах.

Большая часть исследований выполнена в контрастивном аспекте. В них рассматриваются особенности различных профессиональных подъязыков в русском и английском, русско-немецком и др. Подобным образом исследованы, в частности, подъязыки авиации [Казачкова, 2010; Латыпов, 2007], экономики [Зяблова, 2005 и др.], компьютерных технологий [Лушникова, 2003] и мн. др. В перечисленных диссертационных исследованиях выявляются социокультурная, этнокультурная, лингвокультурологическая специфика исследуемых подъязыков, обнаруживаются и анализируются сходства и различия в профессиональных картинах мира работников той или иной отрасли. Многие исследования в данной области носят комплексный характер, используют методологию различных научных парадигм (см., например: [Холодилова, 2009]). Материалы, полученные в ходе анализа специальных подъязыков, используются для составления двуязычных словарей, которые, в свою очередь, служат дидактическим материалам в процессе обучения специалистов: например, переводчиков в сфере профессиональной коммуникации. В этом случае можно говорить об актуальности лексикографического, лингводидактического и методического аспектов в исследовании LSP.

Одно из самых перспективных аспектов в изучении подъязыков – это когнитивное направление, рассматривающее языковые аспекты мышления и познания на материале специальной лексики. Большинство исследователей исходят из того, что подъязык есть средство передачи и хранения специального профессионального знания [Борхвальдт, 2000. С. 69; Лейчик, 2011. С. 29]. В

русле когнитивно-дискурсивного подхода рассмотрена специальная лексика экономики в диссертационной работе О.А. Зябловой, в которой исследуется функционирование терминологической лексики как в разных стратах и текстах, так и экономическом дискурсе в целом [Зяблова, 2005]. В рамках того же подхода Ю.Б. Мотро исследовала реализацию специальных значений правовых, юридических и медицинских специальных лексических единиц в разных типах дискурса. Особый интерес представляет собой реализованный в данном исследовании прагматический аспект: автор предлагает когнитивно-прагматическую модель прототипа специальной коммуникации — коммуникативного события «обмен экспертными знаниями», на основе анализа данных русского и английского корпусов текстов [Мотро, 2010].

Важнейшим направлением теории и практики LSP является изучение профессиональных подязыков в функционально-стилистическом аспекте. В настоящее время в центре внимания ученых находится не только устная и письменная речь, но и тексты, созданные в процессе профессиональной коммуникации. Так, во многих работах отмечается высокая степень неоднородности языка для специальных целей, существование нескольких его функционально-стилистических разновидностей (См., например: [Комарова, 2011: 12] и мн.др.). В исследованиях, выполненных с позиции функционально-стилистического подхода, в центре внимания оказывается некодифицированная профессиональная лексика. Так, в диссертационном исследовании Е.Н. Сердобинцевой подробно рассматриваются причины существования профессионализмов в языковой системе и в устной профессиональной речи. Ею проанализированы профессионализмы, бытующие в устной речи работников 8 отраслевых сфер и диалектах русского языка. На этом основании автор делает следующий вывод: «Профессионализмы современного русского языка ярко отражают креативность мыслительной деятельности, с которой связан такой психический процесс, как воображение – переработка материала, полученного в предшествующем опыте для создания новых образов» [Сердобинцева, 2012: 35].

Таким образом, изучение языков для специальных целей относится к актуальным задачам отечественного терминоведения, которое творчески заимствует методы стилистики, семантики, социолингвистики, контрастивной и когнитивной лингвистики. Комплексный анализ структуры, состава и функций языков для специальных целей способствует решению таких проблем теоретической лингвистики, как иконизм специального слова, функционально-семиотическая неоднородность национального языка, сущность и стилистическая неоднородность языков для специальных целей. Привлечение в лингвистический оборот новых эмпирических данных ранее не изучавшихся подязыков имеет важное значение для развития теории LSP в русистике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабалова Г.Г. Системно-аспектуальное функционирование компьютерной терминологии: Автореф. дис. ... д-ра. филол. наук. М., 2009.
2. Борхвальдт О.В. Лексика русской золотопромышленности в историческом освещении. Красноярск, 2000. 401 с.
3. Голованова Е.И. Введение в когнитивное терминоведение. М., 2011. 222 с.
4. Гончарова Н.Н. Особенности формирования лексического фонда подязыка информатики и вычислительной техники: на материале кодифицированной и некодифицированной лексики: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тула, 2000. 21 с.
5. Зяблова О.А. Принципы исследования языка для специальных целей: на примере языка экономики: Автореф. дис. ... д-ра. филол. наук. М., 2005. 40 с.
6. Калугин В.В. Лексика переплётного дела в Древней Руси // Русская речь. 1983. Вып. № 5.
7. Казачкова М.Б. Профессиональный язык как отражение профессиональной культуры: на материале русского и английского вариантов

профессионального языка авиации: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2008. 28 с.

8. Кармызова О.А. Компьютерная лексика: структура и развитие: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2003. 23 с.

9. Князев Н.А. Английские лексические новообразования в сфере компьютерных технологий: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2006. 18 с.

10. Комарова А.И. Функциональная стилистика: научная речь. Язык для специальных целей (LSP). Изд. 3-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2010. 192 с.

11. Латыпов Н.Р. Особенности межъязыкового изоморфизма метафорической номинации: на материале русского и английского вариантов профессионального подъязыка авиации: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2007. 20 с.

12. Лейчик В.М. Профессиональная и непрофессиональная лексика в профессиональных и непрофессиональных LSP // Вестник Челябинского госуд. ун-та. 2011. Вып. №24. С.29-32.

13. Лушникова Е.В. Экстра- и интралингвистические факторы формирования компьютерного жаргона: на материале русского, английского и французского языков: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2003. 23 с.

14. Мотро Ю.Б. Когнитивно-прагматические факторы реализации специальных лексических значений в дискурсе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2010. 20 с.

15. Рожнова И.А. Неологизмы в английской терминологии полиграфического производства: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2005. 23 с.

16. Сердобинцева Е.Н. Профессиональная лексика русского языка: структурно-семантический, функционально-стилистический и когнитивный аспекты: Автореф. дис. ... д-ра. филол. наук. М., 2011. 40 с.

17. Турко У.И. Лингвокогнитивный анализ компьютерной терминологии русского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Елец, 2007. 23 с.
18. Фельде О.В. Русское профессиональное просторечие в свете теории LSP // Вестник Читинского госуд. ун-та. 2010. Вып. №9. С. 48-52.
19. Филатова М.А. Стратификация подъязыка современного русского книгоиздательского дела. // Диалог культур в аспекте языка и текста: Материалы Международной научно-практической конференции молодых исследователей, Красноярск, 16-17 апреля 2012 г. / Отв. ред. О.В. Фельде; Сибирский федеральный университет. – Красноярск, 2012. – с. 196-198.
20. Холодилова М.В. Лексика русской лесопильной промышленности: полипарадигмальный подход: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 2009. 18 с.
21. Хомутова Т.Н. Язык для специальных целей (LSP): лингвистический аспект // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2008. Вып. №71. С. 96-106.

М. С. Шелковская¹³

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА В ПОЭТИЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ В.А. ПАВЛОВОЙ (МОРФОЛОГО-СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ, СИНТАКСИЧЕСКИЙ И СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ)

В статье рассматриваются приемы языковой игры в поэзии В. Павловой, выраженные грамматическими средствами и стилистической организации текста, определяется их роль в поэтических текстах данного автора.

The article discusses methods of language in poetry of V. Pavlova, expressed by grammatical means and stylistic organization of the text and their role in the poetic texts of this author is determined

Ключевые слова: языковая игра, Вера Павлова, поэтический текст, стилистический прием, морфология, словообразование, синтаксис, стилистика

¹³ Научный руководитель – д. филол. наук проф. Т.М. Григорьева

В настоящее время актуальным стало изучение современных художественных текстов, в которых автор использует большое количество стилистических приемов и активно обращается к явлению языковой игры.

Цель данного исследования – выявить случаи языковой игры, выраженные средствами грамматики и стилистической организацией текста, и определить их роль в поэтических текстах В.А. Павловой.

Материалом исследования послужили ее книги (*стихотворения за 1983-2008 год*): «Небесное животное», «Второй язык», «Линия отрыва», «Четвертый сон», «Везде», «По обе стороны поцелуя», «Ручная кладь», «На том берегу речи», «Мудрая дура», «Однофамилица», «Письма в соседнюю комнату. Тысяча и одно объяснение в любви», «Совершеннолетие».

Заметим, что полагается разграничивать понятия «прием» и «языковая игра», но в соответствии с определением А.П. Сковородникова, мы считаем, что языковая игра тождественна стилистическому приему (фигуре или тропу) на том основании, что «стилистический прием используется в игровой функции – функции создания нестандартного остроумного высказывания» [Сковородников, 2004. С. 87].

В традициях современного отечественного языкознания данный лингвистический феномен всегда связывали с отклонением от нормы. Свой вклад в изучение языковой игры внесли такие ученые, как: А.А. Потебня, Л.В. Щерба, Н.Д. Арутюнова, Ю.Д. Апресян, И.Н. Горелов, К.Ф. Седов, Т.А. Гридина, А.П. Сковородников, Е.А. Земская, М.В. Китайгородская, Н.Н. Розанова, В.З. Санников, Н.А. Николина, Е.А. Агеева, Б.Ю. Норман и др., - всегда связывая его с отклонением от нормы.

Различные точки зрения на данный феномен представил А.П. Сковородников [Сковородников, 1990. С. 796-802] Наиболее близкой нам является точка зрения Т.А. Гридиной, которая при изучении игровой стороны языка отмечала, что «языковая игра – креативная речедеятельностная активность языковой личности (носителя языка). Это особая форма лингвокреативного мышления, имеющего ассоциативную природу. Языковая

игра всегда нацелена на использование лингвистических приемов, подчеркивающих парадокс между стандартной формой и/или значением знака (а также принятым алгоритмом его образования и использования) и новой ассоциативной «обработкой того или иного вида языкового знания» [Гридина, 2002 : 26].

Так, опираясь на разработанную В.З. Санниковым [Санников, 1999] классификацию языковой игры для каждого уровня языка, рассмотрим наиболее часто употребляемые автором приемы.

Прежде всего, языковая игра проявляется в экспериментах автора с морфемами.

Стоит отметить большое количество существительных (исключение составляют единичные случаи), употребляемых в И. п. ед. ч. с окончанием **-ЬЕ (-ЬЯ) вместо -ИЕ (-ИЯ)**:

Бороться с пошлостью – пошлейшее занятье.

И вышесказанное тоже пошлость

И нижеподсказанное пошлость.

И рассужденья о молчанье пошлость.

И само молчанье.

«На севере диком...» - Сапфо, а не Гейне.

Ты - пальма. И юг твой, как север мой, дик.

А если из Гейне, то пенье на Рейне,

дуэт Лорелей, а сплочая сплетенье –

Наталья, идем в хоровод эвредик,

которым орфеи и лели – до фени:

с нездешнюю нежностью, без сожаленья

покажем им розовый острый язык!

Доча, твое поколенья

в земле уже по колено,

мое – уже по пояс.

Давай жить не ссорясь!

Функция такой формы – имитация разговорной речи.

Она также **экспериментирует с парадигмой**, создавая новые слова:

Летом всякий ветер с моря.

Зимой всякий снег с горю

*Душу свою до предела **просторя**,*

выяснишь: безграничен простор.

О, какая это роскошь –

Бывшие мужья!

Как без них? Свои же в доску ж!

И кому же я

расскажу, какой ты бедный,

*как тебе **хужей**,*

и о женатости беспросветной

будущих мужей.

Поэзия – музей

закопанных богов,

слоновых их костей,

бараньих их рогов,

*в которые **дудю**,*

***дудею и дужу**,*

когда молюсь дождю,

когда огню служу.

Приемы такого рода ведут к переосмыслению уже понятных слов, а также созданию новых. Следующие словообразовательные трансформации выполняют ту же самую роль, придавая словам новые оттеночные значения, изменяя одну часть речи в другую или даже рождая новое слово. Автор играет со словами, то складывая, то раскладывая их, используя такие приемы как:

- словосложение:

Владыко дней моих!

Дух праздности без уныния,

уныния без празднословия,

празднословия без любоначала

даждь ми.

Дух же целомудрия без смиренномудрия,

смиренномудрия без терпения,

терпения без любви

не даждь ми.

И – зрети.

И – не осуждати.

Всех стоматогинекологий

Мазох де Сад – в одной груди...

Не стой на болевом пороге –

входи.

Я в курсе своих ракурсов.

Я фотогигиенична.

Улыбку сырную? – Накося!

К себе изнутри привычная,

Хозяйка своих мускулов, ваяю себя снаружи

И прячу свою музыку,

тоску, одиночество, ужас.

- сложение русских и иностранных элементов:

О чем? – О выживанье после смерти

За счет инстинкта самосохраненья,

О мягкости, о снисхожденье тверди

небесной напиши стихотворенье.

SOSреализм – вот метод: каждой твари

По паре крыльев – рифм – воздушных вёсел.,

*Чтоб не пропали, чтобы подгребали, чтоб им дежурный голубь ветку
бросил*

Небесной яблони, сиречь, оливы,

Цветущей, вечнопахнущей, вечновесенней... -

О том, что цмиране счастливым

заметно облегчает воскресенье.

- разложение слова:

спаси Бо

Спас ибо

Правда:

прав, да,

да прав нет

объятия:

оба – я, ты, я,

собой объя-

тыя.

Лирика: Лир и К^o

дар – удар

дару – дар

Нужные Павловой «вычурные» слова со своими новыми смыслами рождаются и из экспериментов с морфемами: многочисленны случаи суффиксации (вдов-ушк-е (14 – (здесь и далее) номер страницы сб. стихотворений «Совершеннолетие»), мат-ушк-е (14), медсестр-ичк-а (17)

печаль-ник (102), обызвестк-ова-л-а-сь (145), верить – вер-ова-ть (200)) и префиксаций (не-любовь - любовь (24) по-казалось – о-казалось (28) ниже-не-до-сказанное (34) аэро-гений (49), от-падение (57), гадко – пре-гадко (58), с-творяживать (101), под-ветренно (108), наи-нежнейшее (204)).

Встречается в единичные случаи «отпредложенческих» образований:

и божемой

и ятебялюблю

сжимать губами

как портной булавки

ныряльщик трубку

а ворона сыр

сплюсплюсплюсплюс

плюсплюсплюсплюсплю

вечером влюблюсь

утром полюблю

только взять бы в толк

сердцем что толку

ктоктоктоктокто

кто там на току

Такой прием используется для стилизации под разговорную речь.

Языковая игра на синтаксическом уровне текста находит свое выражение в форме экспрессивных синтаксических конструкций и оформления самого текста стихотворения в целом. Почвой для языковой игры здесь служит оформление предложения.

Часто встречается прием **синтаксического параллелизма** в сочетании с **повтором**. Важной функцией параллелизма является установление разных точек соприкосновения между различными сферами изображения, смысла. Текстовые повторы служат развитию мысли и, соответственно, развитию

семантического пространства текста. Повторы не только скрепляют текст, но и делают его динамичным. Например:

*Об этом – только грудному младенцу,
об этом – только глухому другу,
об этом – только в письме анонимном
в редакцию малотиражной газеты,
об этом – второй в старушечьем хоре,
среди эмигрантов небесного царства:
верую.*

*послали друг друга на фиг
и снова встретились там
и послали друг друга на фиг,
и шли туда по пятам
друг за другом, и встретились снова,
и послали, и за руку шли,
и в обнимку...
да что там нафиг!
Я с тобой хоть на край земли.*

Ритмообразующая роль повтора приобретает особую значимость в поэтическом тексте. Как верно подметил еще В.М. Жирмунский, повтор создает в лирике «впечатление эмоционального нагнетения, лирического сгущения переживаний» [Жирмунский, 1977. С. 199].

Далее следует отметить такой прием, как **нагромождение синтаксических конструкций**. Игровой (экспрессивный) эффект возникает за счет отклонения от нормативных размеров предложения. Наличие синтаксической ормы Б.Ю. Норман объясняет тем, что «в сознании каждого человека заложено интуитивное представление о естественном (и оптимальном) размере предложения и степени его синтаксической сложности.

Это представление опирается на предыдущий речевой опыт носителя языка...»
[Норман, 2006. С. 169]. В качестве примеров можно отметить такие:

*тише едешь – дольше будешь
ехать, дальше будешь видеть,
больше повидаешь видов,
нежели лихач, который
видит только ветер, только
ветер*

*Знак ударенья вздрогнувшее сердце
поставило над именем забытым,
и стало ясно: имя не забыто,
но скрыто в сердце,
в сердцевине сердца,
там, где сердечный механизм заводят.*

Соединение множества простых предложений в одном сложном, отсутствие между ними продолжительных интонационных пауз, создают впечатление стремительного непрерывного речевого потока, идущего из уст лирического героя.

Наиболее распространенной экспрессивным приемом, построенным за счет сокращения объема предложения, является в стихотворениях В. Павловой **компрессия**. Под компрессией традиционно понимается пропуск элемента высказывания, легко восстанавливаемого в данном контексте. Игровой эффект, порождаемый компрессией, строится на контрасте синтаксиса и семантики. Структурная неполнота синтаксической конструкции побуждает реципиента домыслить ее возможное семантическое наполнение. Например:

Отпусти!

Отпускаю.

Не жду и не плачу. И тоже –

люблю.

За дверью крики ничейной кошки.

Похоже, правда,

что уезжаешь.

Писать-то будешь?

Писать-то буду.

Уходят люди.

Приходят кошки.

В сборнике можно обнаружить частое **нарушение пунктуационных правил**. Заключается оно в том, что в некоторых стихотворениях знаки препинания вовсе отсутствуют. Например:

голос в себе носила

святой водой в сосуде

полном до самого края

голос в себе носила

блокадной баландой в кастрюльке

полной едва ли на четверть

голос в себе носила

чашка

на столе

на клеенке

на лужайке

на солнце

после дождя

и не рифмовать.

Есть случаи **обратного порядка слов**:

*Перед темным зеркальным стеклом в позолоченной раме
Поправляя прическу, руками к вискам прикоснись.
За стеклом черноглазая дева разводит руками.
Рахитичный младенец замедленно падает из.*

Кроме того, в стихотворениях В. Павловой встречаются случаи разнообразного **оформление текста**. Оно может иметь свой вид:

- вид конспекта:

Ревную:

- 1) *К моей подружке Катечке –
мила. Но не умна.*
- 2) *К забытой фотокарточке –
она тебе нужна?*
- 3) *К твоей веселой вдовушке –
забуди, забудь, забудь!*
- 4) *И к матушке свекровушке –
ты целовал ей грудь.*

Лучше всего поется:

- a) *в метро, в грохоте подъезжающего подъезда;*
- б) *под подушкой;*
- в) *когда пылесосишь.*

- вид задачи:

*Дано: скорость слова = скорости звука,
 скорость любви = скорости света.*

Вопрос: какова скорость летящего вокруг света слова любви?

Ответ: и я.

- вид уравнения:

Оцененный = уцененный.

И только недооцененный

поэт вполне оценен.

А значит, и он уценен.

- стихотворение с изображением:

Бабочка раскрывает крылья: X

Бабочка складывает крылья: V

Бабочка взлетает: XB, XB

Бабочка улетает.

- вид справочника:

С.И. Гальперин, А.М. Васюточкин. М.:

Учпедгиз, 1950. Курс анатомии и физиологии человека.

Верхняя челюсть и скуловая кость

Вместе с лобной и клиновидной костями

А также слезной и решетчатой костями

Образуют глазницу, представляющую костное

Вместилище для глаза.

Таким образом, можно заключить, что синтаксические фигуры в приемах уровня являются намеренным отступлением от языковой нормы, призванным выполнять различные функции, ключевой из которых является функция усиления выразительности.

Что касается стилистического аспекта, здесь автор также использует свои специфические приемы.

В стихотворениях можно встретить обращение к такому приему языковой игры как **противопоставление «низкого» и «высокого»**. Подобный прием возникает в связи с несоответствием стилей. Например:

*Вопрос ребра
всегда ребром.
Но на хера
Адаму дом?
Адаму – путь,
Адаму сев, Адаму вздуть
двенадцать Ев.
Не надо про
любовь и грех,
когда ребро
одно на всех.*

*Мне-то что, что ты мудак?
Я люблю тебя и так.
нежно, верно и давно.
Мне то что, что ты говно,
хрен моржовый, конь в пальто?
Я люблю. Тебе-то что?*

Многочисленно использование стилистически окрашенных слов. В. Павлову несколько не смущает употребление **грубых слов и просторечий**: *не падать же ей-богу на колени! (28), стыдоба! (35), лихач (40), лифчик (41), природой-дурой (57), ка-ка-какая поэтесса! (54), дрянь! (57), скоты (58), кокнуть (84), щас (84), жрать (96), орать (96), срать (96), вали отсюда, уматывай! (120), житуху (121), пыжиться (122), засос (122), черт знает что! (129), жлобы, (133), холуи (133), накося! (135), потроха (139), дребени (145), сблюет (156), бухой (157), рожей (162), матерок (162)); **эвфемизмов**: блин*

(77), *черт* (164), *хрен* (164), *скотина* (194)); и даже **жаргонов**: *хватит блядства, но не хватит братства* (97), *дура* (149), *на хера* (164), *на фиг* (179), *гребанной* (200), *до фени* (145), *ублюдки* (133) и др.

Поэтесса обыгрывает употребления **иноязычной** (*Аллилуйя* (22), *счастье всегда секунд хенд/ и не новей мытарства/ будет и нам хеппи энд/ или небесное царство* (89), *о май гад!* (117), *оглушительными аллилуями* (149), *sorry* (154), *Ave тебе, матерок* (162), *альтино* (194)) и **архаичной** лексики (*Блажен бывший муж, иже не/ иде к своей блаженной бывшей жене* (22), *ежели* (47), *паче* (48), *сих* (51), *не даждь ми* (78), *и – зрети* (78), *и – не осуждати* (78), *Я по-славянски ИХ* (88), *житие* (121), *чело* (193), *лети на небеси* (336)). И присутствия таких примеров в стихотворениях очень много.

Итак, уже можно отметить, что языковая игра является тенденцией развития русского языка и современного динамического языкового сознания. Часто поэтические произведения уже не представляют красивого стройного текста высокого стиля и все больше напоминают просто высказывание, но высказывание это по-своему «заумно». Действительно, интерес к языковой игре проявился благодаря обращению к разговорной речи и напрямую зависит от нее. Но удачная языковая игра невозможна без совместного взаимодействия всех уровней, поэтому в одном маленьком стихотворении можно встретить сразу несколько видов игры.

На строительном уровне (словообразование, морфология) многочисленные эксперименты поэта с преобразованиями слов (что часто ведет к их переосмыслению или же созданию новых), показывают, что автор, как типичный представитель постмодерна, отходит от привычного выражения мыслей в тексте.

Что касается уровня предложения, то нагромождение синтаксических конструкций, повторы, отсутствие знаков препинания, необычное графическое оформление и т. д. также способствуют стилизации текста под разговорную речь, а еще помогают находить новый «философский» смысл в, казалось бы, обычном стихотворении.

Многочисленные употребления при «высоких» темах низких «средств» и наоборот, вкрапления просторечия, жаргонов, эвфемизмов, архаизмов и иноязычной лексики, которые В.А. Павлова вводит без всякого стеснения, свидетельствуют о том, что на уровне стиля также часты отступления от нормы, такие свойственные течению постмодернизма.

Все приемы языковой игры в текстах также служат усилению выразительности и эмоций.

Из вышперечисленного видим, что автор всячески стилизует свои произведения под спонтанную разговорную речь. А современная разговорная русская речь «настоящая» и представляет собой раскованность, раскрепощенность, смысловую неоднозначность, усиление личностного начала, которые пришли на смену серости и стандартам. Таким образом, Павлова создает собственный поэтический язык в своих «странных» стихотворениях. Но в настоящее время чем текст необычнее, тем он интереснее.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Жирмунский В.М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л., 1977. 408 с.
2. Норман Б.Ю. Игра на гранях языка. М., 2006. 342 с.
3. Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. М., 1999. 544 с.
4. Сковородников А.П. Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник. Красноярск, 1990. 116 с.
5. Сковородников А.П. О понятии и термине «языковая игра» // Филол. науки. М., 2004. N 2. С. 79 - 87.

II ЛИНГВИСТИКА И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Т. В. Волуйко¹⁴

К ПОНЯТИЮ «АВТОРИТАРНОСТЬ» В АКАДЕМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В данной статье рассматривается относительно новое для лингвистики понятие «авторитарность» в коммуникативной перспективе и ее проявления в академическом устном дискурсе.

This article describes the concept «authoritarianism», which is relatively new for linguistics, in a communicative perspective and its manifestation in the academic speech.

Ключевые слова: коммуникация, дискурс, институциональный дискурс, академический дискурс,

авторитарность.

Keywords: communication, discourse, institutional discourse, academic discourse, authoritarianism.

Взаимодействие людей в процессе их познавательно-трудовой деятельности называется коммуникацией. Коммуникация в свою очередь складывается из коммуникативных актов, в которых участвуют коммуниканты, порождающие высказывания (или тексты) и интерпретирующие их. Одной из форм такой коммуникации является дискурс, наглядно демонстрирующий степень сложности социальных процессов.

Четкого и общепризнанного термина «дискурс», охватывающего все случаи его употребления, не существует. За последние десятилетия термин приобрел широкую популярность, и ученые из разных областей науки вкладывают свою понятийную составляющую в данный термин, впервые

¹⁴ Научный руководитель – д. филол. наук проф. Л.В. Куликова

использованный в названии статьи «Дискурс-анализ» американского лингвиста З.Харриса в 1952 году [Harris, 1952].

На сегодняшний день существуют различные понимания, которые удачно удовлетворяют различные понятийные потребности, модифицируя более традиционные представления о речи, тексте, диалоге, стиле и даже языке. Мы исходим из предложенного Э.Бенвенистом во второй половине XX века рассмотрения дискурса как «функционирования языка в живом общении». Одним из первых Э.Бенвенист придал слову дискурс терминологическое значение и определил его как «речь, присваиваемую говорящим» [Бенвенист, 2009. С. 296]. А также, опираясь на определение социолингвиста В.И.Карасика, уточненно понимаем под дискурсом «общение людей, рассматриваемое с позиций их принадлежности к той или иной социальной группе или применительно к той или иной типичной речеповеденческой ситуации» [Карасик, 2002. С. 193], что позволяет акцентировать и специально исследовать его институциональный аспект.

Институциональность дискурса заключается в специализированных клишированных нормах общения между людьми, которые могут не знать друг друга лично, но должны общаться в соответствии с правилами данного социума. Таким образом, существует интуитивно ощущаемая участниками общения граница, выход за которую подрывает основы существования того или иного социального института. Такое общение носит многомерный характер, и его типы выделяются с известной степенью условности. Как отмечает Р.Водак, институциональный дискурс не сводится только к одному типу дискурса, но представляет собой сложную совокупность различных взаимосвязанных конфликтующих между собой дискурсов в рамках заданной обстановки [Wodak, 1996].

Применительно к современному обществу выделяют политический, административный, юридический, военный, педагогический, религиозный, мистический и другие виды институционального дискурса. Нас интересует академический дискурс, ставший на фоне демократических изменений в

российском социуме последних десятилетий неким синтезом научно-популярного и разговорно-бытового стилей. Под «академическим дискурсом» мы будем понимать «нормативно организованное речевое взаимодействие, обладающее как лингвистическим, так и экстралингвистическим планами, использующее определённую систему профессионально-ориентированных знаков, учитывающее статусно-ролевые характеристики основных участников общения» [Куликова, 2006. С. 298]. В нашем исследовании актантами будут учёные, преподаватели, аспиранты, магистранты, а также студенты в сфере университетского образования. В свою очередь академический дискурс дает нам возможность рассмотреть заимствованное из психологии понятие «авторитарность» в коммуникативной перспективе.

В нашей статье мы выделяем «авторитарный стиль коммуникации» в академическом дискурсе, когда взаимодействие коммуникантов происходит по вертикальной схеме «я отдаю распоряжение, ты подчиняешься», что уже свидетельствует о неравноправии взаимодействующих. При этом мы дифференцируем понятия «авторитарность», «авторитетность» и «власть».

Если мы говорим об авторитетном ученом, то предполагается, что он заслуживает безусловного, полного доверия, чье мнение не допускает возражений. При этом авторитет можно как завоевать, так и потерять [Кашкин, 2008. С. 12–13]. Концепт «власть» в коммуникации оказывается весьма значимым для политического дискурса, так как согласно «Словарю индоевропейских социальных терминов» Э.Бенвениста, семантическое зерно ключевых слов, связанных с понятием «власть» в индоевропейских языках, сформировалось на базе таких генетически исходных смыслов как «сила», «магическая сущность власти», «превосходство», «говорение» [Бенвенист, 1995] и несет основные функции именно политической речи: создание конфликта и достижение консенсуса, манипуляция сознанием и контроль за действиями. При этом ключевым словом нашей статьи является понятие «авторитарность», а именно, властность, не допускающая обсуждений, не терпящая возражений, основанная на слепом подчинении. По разным источникам понятие

«авторитарная личность» было введено Т. Адорно, который с его помощью пытался истолковать истоки психологических антисемитских и профашистских настроений. По мнению ученого авторитарность личности характеризует комплекс личностных характеристик, включающий, с одной стороны, переменные когнитивного стиля (ригидность, нетерпимость к неопределенности и когнитивной сложности, догматизм) и социально-политические установки – с другой (конформизм, консерватизм, этноцентризм, антидемократизм, предубеждения к меньшинствам, расистские взгляды) [Адорно, 2001].

В нашей статье мы рассматриваем речевые особенности людей, задействованных в академическом дискурсе, где авторитарность проявляется как механизм оказания социального и коммуникативного давления. Таким образом, если использовать язык как инструмент, позволяющий адресанту воздействовать на существующую в сознании адресата картину мира, то авторитарность выступает как категория, связанная со стратегиями манипуляции, когда язык сознательно используется как средство воздействия для достижения определенного перлокутивного эффекта, как вербальными, так и невербальными средствами выражения.

Выявленные нами вербальные характерные черты авторитарности в академическом дискурсе – это обильное использование профессиональной терминологии, жаргона в общении с непосвященными, обращение к усложненным синтаксическим структурам, затрудняющим понимание, интенсивное использование повелительных конструкций в языке. Получаемое вследствие этого коммуникативное преимущество позволяет поддерживать властный дистанцирующий барьер между коммуникантами из разных академических субкультур. Еще раз подчеркнем, что авторитарность тесно связана с категорией социального статуса и выступает как проявление в общении социальной власти участника коммуникации с более высоким социальным статусом.

К невербальным проявлениям авторитарности в академической речи мы относим просодические средства, например, интонацию (командная), взгляд (прямой, в глаза слушающего), внешний вид как некий семиотический код (офисно-деловой стиль, зачастую с броскими аксессуарами), тональность высказывания (закончить разговор распоряжением, заданием или просьбой), стиль (директивный, наставничество, партнерство и делегирование), академический миф.

В нашей статье мы наметили подходы понятию «авторитарность» в пространстве институциональной коммуникации, попытались соотнести категории «язык – авторитетность», «язык – власть» и «язык – авторитарность», а также выделили проявления авторитарности в академическом устном дискурсе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Harris Z.S. Discourse analysis // Language. 1952. Vol. 28.
2. Wodak R. Disorders of discourse // L.; N.Y.: Longman, 1996.
3. Авторитетность и коммуникация: коллективная монография; серия «Аспекты языка и коммуникации»; Вып. 4 / под общ. ред. В.Б. Кашкина. Воронеж: Воронежский государственный университет; Издательский дом Алейниковых, 2008. 216 с.
4. Адорно Т. Исследование авторитарной личности. Под общ. ред. д. филос. наук В.П. Култыгина. М.; Серебряные нити, 2001. 416 с.
5. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Эдиториал УРСС, 2009. 448 с.
6. Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М.: Прогресс–Универс, 1995. 456 с.
7. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 447 с.
8. Куликова Л.В. Коммуникативный стиль в межкультурной парадигме: монография / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2006. 392 с.

К ПРОБЛЕМЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЮРИДИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Юридический дискурс является междисциплинарным феноменом и исследуется как юристами, так и лингвистами. Цель данной статьи описать основные подходы к изучению юридического дискурса в лингвистике.

Legal discourse is an interdisciplinary phenomenon. It is examined not only by lawyers, but also by linguists. The purpose of this article is to describe the main approaches to legal discourse research in linguistics.

Ключевые слова: лингвистика, юридическая лингвистика, юридический дискурс, юридический текст, жанр.

Keywords: linguistics, legal linguistics, legal discourse, legal text, genre.

В современной науке проблемы становления и интерпретации юридического дискурса исследуются как учеными-филологами (Т.В. Губаева, Н.Д. Голев, Е.И. Галяшина, Т.В. Дубровская, О.А. Прохорова), так и юристами (Н.Н. Вопленко, А.К. Соболева, Е.В. Горбачева, Ю.Г. Ткаченко, А.Ф. Черданцев). Несмотря на интенсивные исследования данного вида дискурса, многое в нем остается до сих пор малоизученным, а результаты недостаточно обобщены и не систематизированы.

В юриспруденции исследование юридического дискурса сводится главным образом к проблеме понимания права как элемента правовой культуры общества. В рамках данного подхода А.В. Поляков определяет право как интересубъективное явление, результат непрерывной человеческой коммуникации, получающей правовое значение при интерпретации институционализированных правовых текстов как устанавливающих права и обязанности субъектов социального взаимодействия [Поляков, 2000. С. 1].

Особое место в данных исследованиях занимает рассмотрение юридического дискурса на стыке лингвистики и юриспруденции, что привело к

¹⁵ Научный руководитель – к. филол. наук доц. О.А. Прохорова

появлению довольно новой области языкознания – юридической лингвистики (юрислингвистики).

Крупный российский исследователь в области юрислингвистики Н.Д. Голев объясняет появление данной области языкознания тем фактом, что «в сфере пересечения законов и закономерностей языка и права накопилось немало актуальных зон (социальных, научных, образовательных), требующих выхода в область научных исследований как фундаментального, так и прикладного характера. Потребность и интерес к развитию юрислингвистики в России и в мире очень велик, широк и разнообразен» [Голев, 2007. С. 10].

Основными направлениями юрислингвистики являются исследования в области юридического языка, юридической риторики, манипулятивной коммуникации, правовой лингводидактики, экспертной лингвистической практики, лингвоконфликтологии и т. д.

Изучение юридического дискурса в лингвистике, прежде всего, должно рассматриваться с точки зрения исследовательских традиций определения самого понятия «дискурс».

Согласно В.Е. Чернявской можно выделить, по крайней мере, три основных научных школы дискурсивного анализа: англо-американская, французская, немецко-австрийская.

В соответствии с англо-американской лингвистической традицией дискурс определяется как связная речь и отождествляется с диалогом [Чернявская, 2009. С. 136]. В рамках данного подхода (Т.В. Дубровская, Н.К. Пригарина, В.И. Воропаев и др.) юридический дискурс исследуется как коммуникативный феномен, посвященный общению в официальной институциональной обстановке с присущими ему ограничениями в речевом поведении участников коммуникации.

Французская лингвистическая традиция трактует дискурс не только как лингвистический, но и как социально-исторический и психологический феномен [Чернявская, 2009. С.140-141]. При данном подходе (Е.А. Кожемякин, Л.В. Колесникова, В.Ю. Сморгунова и др.) под юридическим дискурсом

понимается смыслообразующая и воспроизводящая деятельность, направленная на формулирование норм, правовое закрепление, регулирование и контроль общественных отношений, регламентируемая определенными историческими и социокультурными кодами [Кожемякин, 2001. С. 131]. Таким образом, юридический дискурс исследуется на уровне элементов его структуры – целей, предметной области, языковых средств, когнитивных стратегий, текстов, контекстов и коммуникативных условий реализации.

Австрийско-немецкая школа трактует дискурс как социально-историческое понятие, где любой текст является частью и выражением общественной практики, которая уже определяет массу других возможных текстов [Чернявская, 2009. С. 141].

В рамках данного подхода (Т.Ю. Виноградов, О.В. Короткова, О.А. Прохорова и др.) юридический дискурс может трактоваться как комплексная взаимосвязь юридических текстов, функционирующих в пределах правовой сферы общения. Тематика текстов юридического дискурса достаточно широка, и прежде всего он соотносится с законодательной и судебной сферами общения, которые представлены разнообразными текстами: законами, судебными решениями, договорами, заявлениями, жалобами, уставами, контрактами и т. д. Большинство исследователей полагают, что юридический дискурс конституируется только текстами законодательной и судебной сферы общения, обосновывая это тем, что данный дискурс направлен на формулирование норм, правовое регулирование и контроль общественных отношений. Рассматривая юридический дискурс, можно поделить его на несколько видов текстов, функционирующих в пределах одной коммуникативной сферы: 1) судебный, 2) законодательный; 3) правоустанавливающий; 4) педагогический, 5) академический [Прохорова, 2011. С. 116-119]

В ряде современных отечественных исследований по лингвистике дискурс исследуется как речевая деятельность (В.В. Богданов, М.Л. Макаров, В.И. Карасик и др.). Дискурс – это все, что говорится и пишется, иными

словами, речевая деятельность, которая является в то же самое время и языковым материалом в любой его репрезентации – графической или устной [Богданов, 1993. С. 5-6]. В рамках данного подхода дискурс может также определяться как комплексная взаимосвязь речевых жанров. Жанр – форма социального взаимодействия или диалога, помещенного в условия конкретной ситуации общения [Седов, 1998. С. 9].

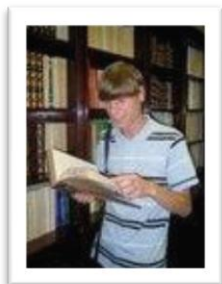
И.В. Палашевская выделяет определённые жанры юридического дискурса по статусу его участника и его коммуникативным целям. Следовательно пользуется такими формами жанров, как допрос, запрос, постановление, поручение, повестка, ходатайство. По процессуальным вопросам суд принимает решения в жанровой форме определения или постановления и т. д. При этом одни действия являются поводом для других. Так, поводом для постановления о возбуждении уголовного дела является сообщение о готовящемся или совершенном деянии в жанровых формах заявления о преступлении, явки с повинной и иных жанрах. Выделяются жанровые формы, привязанные к действиям строго определённых субъектов. При данном подходе применять право могут только специальные (компетентные) участники дискурса (в пределах своей компетенции, установленной процессуальным законодательством и иными федеральными нормативными актами), к которым в уголовном процессе относится суд (судья, судебная коллегия, суд присяжных), прокурор, следователь, дознаватель. К жанровым формам правоприменительных актов относятся решения суда в форме постановлений, определений, приговора, судебные приказы, постановления следствия и дознания [Палашевская, 2012. С. 146, 148].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что исследование юридического дискурса является актуальным и изучается с позиций различных наук. В лингвистике изучение данного феномена возможно с точки зрения разнообразных подходов к определению самого понятия «дискурс», каждый из которых является уникальным и позволяет выявить наиболее яркие особенности юридического дискурса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богданов В.В. Текст и текстовое общение. СПб.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та. 1993. С . 5-6.
2. Голев Н.Д. Самоопределение юридической лингвистики в России // Юрислингвистика–8: Русский язык и современное российское право: межвузовский сборник научных трудов / под ред. Н.Д. Голева. Кемерово–Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. С. 10-14.
3. Кожемякин Е.А. Юридический дискурс как культурный феномен: структура и смыслообразование // Юрислингвистика–11: Право как дискурс, текст и слово: межвузовский сборник научных трудов / под ред. Н.Д. Голева и К.И. Бринева. Кемерово: Изд-во Кем. гос. ун-та, 2011. С. 131-145.
4. Палашевская И.В. Жанровая организация юридического дискурса: социолингвистический подход // Вестник Удмуртского университета. Серия 5: История и филология, 2012. Вып 2. С. 146-151.
5. Поляков А.В. Российский правовой дискурс и идея коммуникации: учеб. пособие. СПб., 2006. 60с.
6. Прохорова О.А. Юридический дискурс: перспективы исследования // Актуальные проблемы теории и методологии науки о языке: материалы Междунар. науч.-практ. конф. 18 марта 2011 СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2011. С. 116-119.
7. Седов К.Ф. Анатомия жанров бытового общения // Вопросы стилистики, 1998. Вып. 27. С. 9-20.

РЕЧЕВОЙ АКТ ОТКАЗА В БЫТОВОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

В данной статье рассматривается речевой акт отказа и его основные характерные особенности: структура, типология и функционирование в бытовом дискурсе на материале современного английского языка.

This article considers the concept of the speech act of refusal and its main features: structure, classification and functioning in the English everyday discourse.

Ключевые слова: речевой акт отказа, прямые (эксплицитные) речевые акты отказа, косвенные (имплицитные) речевые акты отказа.

Keywords: speech act of refusal, direct (explicit) speech acts of refusal, indirect (implicit) speech acts of refusal.

Одно из положений «теории речевых актов» состоит в том, что минимальной единицей человеческой коммуникации является не предложение или высказывание, а «осуществление определенного вида актов, таких, как констатация, вопрос, приказание, описание, объяснение, извинение, благодарность, поздравление и т.д.» [Демьянков 1986. С. 225], т. е. произнося предложение в ситуации общения, его участники совершают некоторое действие, которое всегда обусловлено намерением или интенцией говорящего [Макаров 2003. С. 163].

Различают прямые и непрямые (косвенные) речевые акты, разработанные Дж. Серлем. Под прямыми речевыми актами понимаются такие высказывания, в котором однозначно выражается его иллокутивная сила. Под косвенным речевым актом понимается имплицитное выражение истинного коммуникативного намерения говорящего [Маслова 2010. С. 61-62].

На сегодняшний день различными исследователями разработано множество классификаций речевых актов, самые известные были представлены Дж. Остином, Дж. Серлем, Д. Вундерлихом, Дж. Линчем, Г.Г. Почепцовым,

¹⁶ Научный руководитель – к. филол. наук доц. Е.А. Кругликова

К. Бахом и Р. Харнишем, Б. Фрайзером, В.В. Богдановым и др. [Сусов, 2003; Богданов, 1989], но данные типологии не включают речевой акт отказа, т. к. определяют реплики инициального характера и основаны, большей частью, на иллокутивной функции речевых актов, а речевые акты отказа являются перлокутивными, то есть формируют реплики-реакции, перлокутивная типология еще пока не разработана [Симонова, 2011]. Речевой акт отказа представлен в классификации А.А. Романова (1988), в которой он отнесен к подтипу экспозитивов (возражения, протесты, разъяснения) и входит в декларативно-экспрессивный иллокутивный тип. Отказы являются контактивами (поддержание уровня отношений между партнерами) в классификации С.А. Сухих (2004), и контрадиктивами в классификации Е.И. Григорьева (1997) (выражения решительного протеста против утверждаемого факта, нежелательного для говорящего). Высказывания отказа – это отрицательная реакция и может рассматриваться как акт непринятия интенции адресата, представленной чаще всего в речевых актах просьбы, требования, предложения [Симонова 2011]. Чаще всего речевой акт отказа включали в категории негативной реакции (несогласие, возражение, опровержение, запрещения) [Бычихина, 1998, 2002; Симонова, 2011; Боргер, 2004, Оразалинова, 2012]. Отказ может быть выражен многообразными языковыми средствами, выбор которых зависит от причины его возникновения и от характера стимульной реплики [Боргер, 2004. С. 9-20].

В работе О.В. Бычихиной, исследующей речевой акт отказа как речевой жанр, представлена типология выражения отказа, которая включает в себя: а) прямой / косвенный отказ; б) отказ на реальную / прогнозируемую реплику; в) отказ себе / отказ другим; г) коммуникативно оправданный / коммуникативно неоправданный отказ; д) категоричный/ некатегоричный отказ; е) полный / частичный отказ; ж) мотивированный / немотивированный отказ. Все выделенные типы не являются изолированными, а пересекаются и взаимодействуют друг с другом, следовательно, одно и то же высказывание может быть охарактеризовано по нескольким параметрам.

При прямом способе выражения интенции иллокутивная цель (собственно отказ) эксплицитована говорящим, и в намерения субъекта речи входит, чтобы эта цель была ясно прочитана адресатом. При косвенных способах выражения иллокутивная цель «присутствует имплицитно и выводится адресатом благодаря его коммуникативной компетенции» (ЛЭС 1990). Косвенный речевой отказ представлен в двух разновидностях: с частичной имплицитностью интенций отказа и с полной имплицитности интенций речевого жанра) [Бычихина, 2004] и могут быть поняты при определенных условиях и обстоятельствах на основе пресуппозиции (фоновых знаний) коммуникантов. Именно это является основой данного исследования, в котором рассматриваются речевые акты отказа, выраженные эксплицитно (прямые речевые акты) и имплицитно (косвенные речевые акты) в английском языке.

Как уже было упомянуто выше, речевой акт отказа может выражаться в речи эксплицитно (однозначное выражение иллокутивной силы, прямые речевые акты). Напр.:

- *Take a seat. We have a lots of food.*
- *No, I'm ok. Really. Thank you, though* [Super 8, 2011].

И могут быть выражены имплицитно (скрытие коммуникативного намерения, то есть иллокутивный эффект не соответствует прямому значению высказывания, но обуславливается фоновыми знаниями – пресуппозицией - говорящих и условиями общения [Гак 1982: 7-11], косвенные речевые акты). Напр.:

- *Want to tell me where you were? Or should I tell you? Sit down.*
- *I should go to bed* [Super 8, 2011].

Данное исследование речевых актов отказа проводится в рамках бытового дискурса на материале американских художественных фильмов и телесериалов конца XX и XXI столетий с целью выявления лексико-грамматических, функциональных и прагматических особенностей данного типа речевого акта. Выбор средств реализации акта отказа явно зависит от того,

в какой сфере коммуникации осуществляется общение. Бытовое общение происходит между хорошо знакомыми людьми, оно сводится к поддержанию контакта и решению обиходных проблем. Его особенность состоит в том, что это общение диалогично по своей сути, протекает пунктирно, участники общения хорошо знают друг друга и поэтому общаются на сокращенной дистанции, не проговаривая детально того, о чем идет речь. Это разговор об очевидном и легко понимаемом [Карасик 2000. С. 5-20]. Главная цель использования отказа – ответить отрицательно на просьбу, предложение, приказ, требования говорящего:

- *I want to talk to you. I said sit down.*

- *I don't want to sit down!* [Super 8, 2011].

Эксплицитное языковое выражение отказа включает в себя использование слов (частиц, местоимений) с отрицательным значением: *no, not, do not, no way, never, nothing, nobody, no one, not...anyone/anybody, not..anything* (прямой коммуникативно неоправданный, категоричный, полный, немотивированный отказ) [Бычихина, 2004]:

1. - *So who's gonna play the wife? Jen?*

- *No way. I told you what she did with my top hat* [Super 8, 2011].

2. - *Hey, look, if you wanna be the best, you gonna take out the best.*

- *I don't wanna be the best* [Never Back Down, 2008].

3. - *Give me the speed ketchup leaves the bottle.*

- *Not right now, Charlie* [Never Back Down, 2008].

4. - *Want a ride?*

- *No, I'm cool* [Never Back Down, 2008].

5. - *We have to call the police.*

- *No way* [Never Back Down, 2008].

6. - *What is going on with you? Is everything all right? What is happening?*

- *Nothing is happening.*

- *Tell me what's going on.*

- *Nothing.*

- *Tell me what's happening.*

- *Nothing's happening* [The Five-Year Engagement, 2012].

7. - *I need this film developed as soon as possible. Can you do overnight?*

- *Asshole, no one can do overnight* [Super 8, 2011].

Из данных примеров можно сделать вывод, что отказ используется здесь как реплика – реакция на приказ (говорящий не имеет достаточного авторитета); отказ как ответная реплика на просьбу (слушающий считает необходимым отказаться от просьбы говорящего по различным причинам, которые он может объяснить или оставить без объяснения, если считает это необходимым; отказ как реактивная реплика на предложение (если слушающий не видит для себя никакой пользы или возможности выполнения данного типа действия) [Боргер, 2004. С. 9-20]. Использование прямого речевого акта отказа нарушает принципы вежливости Дж. Линча, который рекомендует использовать максимум согласия (уменьшения разногласия и увеличение согласия между собеседниками [Leech 1983. С. 16]. Если же, по какой-то причине, эксплицитный акт отказа был использован, то рекомендуется использовать тактику смягчения, то есть это дополнительный текст, содержащий речевые формулы извинения, объяснения причин отказа или предложения [Симонова, 2011], то есть, т.н. коммуникативно оправданный, некатегоричный, мотивированный, частичный отказ, отказ-альтернатива с использованием средств смягчения средств категоричности, переубеждения и переадресации волеизъявления [Бычихина, 2004]:

1. - *Mr Somner?*

- *Yeah?*

- *Do you want to come hunting with us? The whitetails really run this time of year. It'll be fun.*

- *No, thanks. I got to work* [Straw Dogs, 2011].

2. - *You want to buy some pot?*

- *No, no, thank you* [Super 8, 2011].

Эмоциональное состояние говорящего влияет на выбор средств оформления речевого акта отказа. Раздражение, душевное волнение, ненависть, презрение, страх и т.д. способствует использованию крайне негативных реакций-выражений на инициальные реплики (категоричный отказ, немотивированный, коммуникативно неоправданный отказ) [Бычихина 2004]:

1. - *I can help you.*

- *No, it's all right. Get out, both of you* [Never Back Down, 2008] (ответ матери на просьбу сына после небольшой ссоры, произошедшей между ними).

2. - *What do you care what I think about Alice anyway?*

- *Because I like her. That's why I asked her to do this thing in the first place, so I could get to know her. Not you!*

- *You like Alice Dainard?*

- *You're such an idiot!*

- *I do like her. Sorry about that.*

- *Shut up!* [Super 8, 2011].

3. - *If it's the Air force, what would the Air force have on the train?*

- *Jesus, shut up about it. You heard what old Man Woodward said, we can't talk about this* [Super 8, 2011] (в данном случае страх перед опасностью повлиял на героя для выбора данного речевого акта).

Косвенные и имплицитные речевые акты отказа непосредственно соотносятся с интенциями говорящего. Главная причина их использования – отказать таким образом, чтобы не обидеть адресата, не доставить ему неудобство, не огорчить. Существуют отказы с полной и частичной имплицитностью [Симонова 2011]:

- *Sheriff, I think you need to go to check it out.*

- *And I think you need to take a break. Go home, take your uniform off, go fishing, give a hug to your son* [Super 8, 2011].

Как пишет С.О. Симонова, косвенный и имплицитный речевой акт отказа являются частью диалога, являющиеся репликой-реакцией (реагирующее высказывание) на инициальную реплику-стимул (инициирующее

высказывание), поэтому не могут рассматриваться изолированно, иначе они будут пониматься как перлокутивный потенциал. Они могут быть исследованы лишь в последовательности речевых актов в диалогическом дискурсе [Симонова, 2011].

- *It's a six week programme. Hands-on training with college coaches. You'd like it. I know I did.*

- *I thought I was gonna have the summer for myself.*

- *Well, things have obviously changed for us. And it would be good for you to spend some time with kids who don't run around with cameras and monster make-up.*

- *I have to help Charles finish this movie* [Super 8, 2011] (главная причина отказа сына на требование отца не помощь другу снять до конца фильм, а не желание уезжать из-за первой любви к девочки, которая принимает активное участие в его съемках).

Таким образом, огромную роль играет контекст. Только с помощью него мы можем точно понять смысл употребления речевого акта отказа, его причину появления и выбор определенных лексико-грамматических средств его формирования.

При косвенном речевом акте отказа не используются лексические средства с прямой негативной реакцией, но он легко распознается слушающим в ситуации общения.

- *What about the roof? And your work?*

- *It can wait* [Straw Dogs, 2011] (Попытка жены отговорить своих друзей ехать на охоту с ее мужем, так как видит в этом опасность. Друзья были наняты ими для помощи с ремонтом в их новом доме. Чтобы не показаться трусом, муж отвечает отказом на требование жены).

Таким образом, неуместность, неправильное оформление речевого акта отказа, не распознавание интенции говорящего могут привести к коммуникативному сбою или конфликтной ситуации между коммуникантами. Его использование зависит от многих факторов как лингвистических (эксплицитность/имплицитность, лексико-грамматические средства,

синтаксическое построение), так и внеязыковых (межличностные отношения, эмоционально-психическое состояние общающихся, экстра- и паралингвистические факторы).

Анализ речевых актов отказа в современном бытовом дискурсе (на примерах американских художественных фильмов) поможет показать, каким образом происходит употребление данной коммуникативной единицы в ситуации непосредственного общения между коммуникантами современного английского языка и выявить основные способы их функционирования в языке под влиянием как чисто языковых, так и внеязыковых факторов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Боргер Я.В. Комплексный анализ речевых актов негативной реакции (на материале современных драматических произведений): Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Тюмень, 2004. 22 с.
2. Бычихина О.В. Высказывания со значением отказа (семантико-прагматический и когнитивный аспекты): Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Новосибирск, 2004. 21 с.
3. Демьянков В.З. Теория речевых актов в контексте современной лингвистической литературы (обзор направлений) // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17: Теория речевых актов. М., 1986. С. 223—235.
4. Гак В.Г. Языковые преобразования: Виды языковых преобразований. Факторы и сферы реализации языковых преобразований. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 408 с.
5. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
6. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М.: Гнозис, 2003. 280 с.
7. Маслова А.Ю. Введение в прагмалингвистику: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2010. 152 с.

8. Симонова С.О. Коммуникативно-когнитивные особенности выражения косвенных и имплицитных речевых актов отказа в диалогическом дискурсе: Дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19. Тамбов, 2011. 207 с.

9. Leech G.N. Principles of pragmatics. L.; N. Y.: Longman, 1983. 190 p.

А. А. Лесков¹⁷

ЛИНГВОКОММУНИКАТИВНЫЕ СТРУКТУРЫ ТРАНСЛЯЦИИ ОПЫТА В УСТНОМ НАРРАТИВЕ

В статье предлагается модель формализации опыта, сформированная на основе анализа корпуса интервью со студентами СФУ, прошедшими обучение в партнерских университетах Испании. Проанализированы коммуникативные стратегии и формы трансляции опыта в устном нарративе. Теоретической основой исследования является предположение о том, что знание помогает решать проблемы. Прикладными задачами работы являются создание базы знаний по обучению в Испании и, в перспективе, разработка модели автоматического поиска опыта в сети Интернет в соответствии с концепцией управления опытом.

The article presents a model of experience formalization based on the analysis of the interview corpus with the SFU student who studied in the partner universities of Spain. It analyses the communicative strategies and forms of experience translation in oral narrative. The theoretical base of the research is the assumption that knowledge helps to solve problems. The applied tasks are creating a knowledge base on studying in Spain and in perspective the development of an automatic experience search in the Internet in accordance with the experience management conception.

Ключевые слова: опыт, знание, социология знания, управление знанием, управление опытом, база знаний, Испания, коммуникативная стратегия, коммуникативное действие.

Keywords: experience, knowledge, sociology of knowledge, knowledge management, experience management, knowledge base, Spain, communicative strategies, communicative action.

В статье анализируются с лингвистической точки зрения концепты ОПЫТ и ЗНАНИЕ. Основной вопрос, на который призвано ответить исследование, достаточно прост: как опытное знание вербализуется в

¹⁷ Научный руководитель – к. филол. наук С.Б. Белецкий

коммуникативных практиках его передачи? Теоретической задачей является создание формальной модели опыта, транслируемого в устном нарративе. Материалом исследования явился корпус интервью, созданный в результате качественного интервьюирования студентов СФУ, прошедших обучение в партнерских университетах Испании. Одной из прикладных задач исследования является создание базы знаний по обучению в Испании, аккумулирующей опыт и знания с целью последующего их использования.

Знание и опыт

Представление о знании претерпевало большое количество трансформаций на пути от Парменида, считавшего, что истинным знанием может обладать только Бог, а любое человеческое знание обусловлено языком [Доброхотов, 1980], через средневековую эпистемологию, постулировавшую, что истинное знание содержится только в Библии и не может быть получено опытным путем [Майоров, 1979], через эмпиризм Дж. Локка, утверждавшего, что «Нет в разуме ничего, чего раньше не было бы в чувствах» [Зайченко, 1988], к современной социологии знания.

За рабочую концепцию принята модель, разработанная в социологии знания, в которой знание конструируется в результате социального взаимодействия и служит для решения проблем, возникающих в процессе этого взаимодействия [Бергер / Лукман 1995]. Согласно данной модели, существуют тривиальные проблемы, которые были многократно решены ранее – их решение существует в виде седиментированного (осажденного) знания – и проблемы нетривиальные, решение которых возможно только в результате приобретения нового, опытного знания.

В начале XXI века были разработаны системы управления знанием, включающие полный цикл работы с ним [Bergmann 2002]:

- 1) идентификация (identify);
- 2) формализация (capture);
- 3) отбор релевантного знания (select);
- 4) сохранение (store);

- 5) обеспечение доступности (share);
- 6) применение (apply);
- 7) генерация нового знания (create);
- 8) продажа (sell).

Согласно теории управления знанием наиболее эффективной схемой работы с ним является создание базы знаний, которая пополняется участниками, имеющими к ней доступ, а также является для них источником знаний, поставляемых другими участниками.

Примером такой базы знаний в силу специфики современной информационной коммуникации сегодня является в широком смысле глобальная сеть Интернет, в узком смысле, например, Википедия, представляющая собой некий открытый пул знаний, доступ как к пополнению, так и использованию которой имеют все пользователи «всемирной паутины».

Предлагаемая в настоящем исследовании лингвистическая модель опытного знания отвечает задачам первых двух этапов цикла обработки знания: его идентификации и формализации. С одной стороны, происходит коллекционирование знания в виде корпуса интервью, с другой стороны, на основе отобранных транскриптов, идентифицированных как трансляция опытного знания, разрабатывается его формальная модель.

Уровни анализа

Модель предлагает совокупность обнаруженных на основе анализа материала языковых явлений, определенных как трансляция опыта и знания. Данные явления выделены на трех уровнях:

- 1) реализуемые коммуникативные стратегии;
- 2) коммуникативные действия, совершаемые в рамках данных стратегий;
- 3) лингвистические явления, с помощью которых реализуются коммуникативные ходы и стратегии.

М.Л. Макаров различает два не исключających друг друга подхода к определению коммуникативной стратегии. Согласно первому из них коммуникативные стратегии представляют собой последовательность

выбранных речевых действий и языковых средств, связанных определенной целью, согласно второму – стратегия связана с реализацией системы целей в структуре общения [Макаров, 2003]. В силу специфики материала мы имеем дело с ситуацией параллельной реализации нескольких стратегий.

Вводя понятие коммуникативного действия, мы опираемся на терминологию конверсационного анализа – метода коммуникативной лингвистики, состоящего в реконструкции коммуникативных перспектив коммуникантов посредством анализа последовательности высказываний [Schegloff, 2007]. Согласно системе понятий конверсационного анализа коммуникативное действие является минимальной смысловой единицей интеракции.

В практиках трансляции опыта выделено четыре основных коммуникативных стратегии:

- 1) актуализация достижения;
- 2) аннигиляция проблемы;
- 3) сохранение лица;
- 4) забота о других.

Коммуникативные стратегии

Раскроем коммуникативную цель каждой стратегии и опишем лингвистические способы ее реализации, используя схему языкового анализа реализации социальных акций [van Leeuwen 1995]. Согласно этой схеме все социальные действия одновременно классифицируются по пяти направлениям: акция – реакция (акции делятся на материальные и семиотические, реакции делятся на когнитивные, аффективные, перцептивные и неспецифицированные), активация – деактивация (активация может быть представлена в виде объективации или дескриптивизации), агентизация – деагентизация, абстракция – конкретизация, определение – переопределение.

Так, в кейсе 1 реализована стратегия актуализации достижения, на что указывают экспликация отсутствия ресурса опыта («нам не было восемнадцати»), самостоятельности («сами ездили»); модальный глагол,

указывающий на способность («могли»). Дополнительно актуализируется контраст с «остальными», которые «шли на пляж». Целью, определяющей стратегию, является формирование собственного образа как человека, способного нестандартно и эффективно решать проблемы. Стратегия реализована посредством нарратива, на что указывают личные местоимения первого лица («мы» – три раза), глаголы прошедшего времени («ездили», «путешествовали», «могли»).

Можно идентифицировать коммуникативное действие, которое можно обозначить как *автокомплимент*, за которым должно следовать, согласно социально приемлемой разговорной последовательности, похвала со стороны собеседника.

Отмечаем также, что в рамках схемы ван Леувена актуализация достижений реализуется здесь через активированные (выраженные глаголами) агентизированные (выполненные конкретным лицом) конкретизированные акции.

Кейс 1. Проблема: организация свободного времени

нам не было восемнадцати мы **сами ездили** по стране мы **путешествовали** после занятий по вечерам когда аа **остальные** шли на пляж мы **могли** не знаю днем спать а ночью идти в клуб какой-нибудь

В кейсе 2 решение проблемы покупки билетов в другую страну выражено явно путем нарратива («заранее смотрели в Интернете»). Целью высказывания, реализуемой посредством стратегии аннигиляции проблемы, является указание на то, что данная проблема является «непроблематичной». На это указывают маркеры, указывающие на легкость решения проблемы («несложно», «сразу», «знали», «никаких проблем», «беспроблемные»).

В рамках модели ван Леувена отмечаем, что здесь происходит реализация активированных, агентизированных, конкретизированных акций («покупали», «смотрели», «подходили», «объясняли»).

Кейс 2. Проблема: покупка билетов в Испанию

билеты *покупали несложно* потому что мы *заранее смотрели в интернете* аам расписание ну автобусов в общем *сразу подходили* уже *знали* что купить и так же вот ну легко мы *объясняли* куда билет как число в общем тоже с этим не было *никаких проблем* мы *беспроблемные*

В кейсе 3, описывающем решение проблемы выбора предметов, стратегия сохранения лица реализована посредством коммуникативного действия оправдания, на что указывает деагентизация («получилось, что...»), экспликация причины («потому что...»), по которой студентка экономического факультета выбрала для своего обучения в Испании предметы с филологического факультета.

Кейс 3. Проблема: выбор предметов

в итоге *получилось что* я все предметы выбрала с филологического факультета *потому что* я на следующий день пошла тоже посмотрела с девочками посоветовалась у них посмотрела у них уже были все списки предметов которые можно выбирать более или менее

В кейсе 4 (проблема аккультурации) также реализована стратегия сохранения лица посредством коммуникативного действия *оправдание* («мы пытались»). Здесь также имеет место деагентизация (обезличивание – «не получилось»). Стоит особо отметить обилие маркеров дискурса и хезитации («в общем», «вот», «ну») и смех, скрывающий смущение [Рогозин, Яшина 2007].

Кейс 4. Проблема: приобщение к ценностям испанской культуры

она сама на/ нас предложила научить танцевать фламенко и мы *в общем* учились танцевать .. и у нас это [смех] смешно получи/ получалось поэтому у нас ничего *в общем не получилось* и мы не научились .. *ну* мы пытались .. *вот*

В кейсе 5 реализована стратегия сохранения лица, которая реализуется посредством коммуникативного действия *обвинение* («у испанцев вообще все задерживается всегда», «ничего вовремя у них не бывает»), реализованного посредством трансляции седиментированного знания. Отметим, что данное коммуникативное действие реализовано с использованием *генерализаций* («все», «всегда» «ничего»).

Кейс 5. Проблема: разное отношение ко времени

в мадриде долго сидели очень в аэропорту наверное часов шесть мы ждали там все задерживается самолеты всегда задерживаются *у испанцев вообще все задерживается всегда ничего вовремя у них не бывает* и самолета мы ждали очень долго

Стратегия заботы о других реализуется с помощью коммуникативных действий *совет* и *рекомендация*. Рассмотрим кейсы 6 и 7.

Кейс 6. Проблема: покупка билетов

билеты нужно покупать заранее потому что если купить их за полгода можно съездить очень дешево то есть можно можно даже съездить в испанию за десять ну за пятнадцать тыщ туда обратно а мы купили билеты уже дорогие

В данном кейсе актуализируется проблема покупки билетов и реализуется *рекомендация* («билеты нужно покупать заранее») посредством трансляции седиментированного знания.

Кейс 7. Проблема: адаптация к транспортной системе

покупайте сразу десять поездок потому что это выгодней чем по одной покупать все равно

Здесь стратегия заботы реализована с помощью коммуникативного действия, обозначенного нами как *совет* (на что указывает глагол в повелительном наклонении – «покупайте»).

Анализируя приведенные выше кейсы, можно различить трансляцию позитивного и негативного опыта, характеристики которых суммированы в табл. 1.

Таблица 1 – Характеристики трансляции позитивного и негативного опыта

	Позитивный опыт	Негативный опыт
Коммуникативные стратегии	актуализация достижения, аннигиляция проблемы	сохранение лица, забота о других
Коммуникативные действия	автокомплимент, совет, рекомендация	оправдание, обвинение, жалоба, совет, рекомендация
Агентизация / деагентизация	агентизация	деагентизация
абстракция / конкретизация	конкретизация	абстракция (генерализация)
Маркеры дискурса и хезитации	нормативное количество	обилие
Акция / реакция	акция	акция
Активация / деактивация	активация, деактивация (объективация)	активация

Отдельно остановимся на параметре активация/деактивация. Согласно модели ван Лееуве, активация означает, что действия выражены эксплицитно (с помощью глаголов), деактивация же реализуется с помощью объективации или дескриптивизации (описания). В результате анализа было выявлено, что объективация акции реализуется значительно чаще при трансляции позитивного опыта.

Так, в кейсе 8 отмечаем сразу три момента *объективации* («энтузиазм», «интересный опыт», «полезный опыт»), описывающие опыт успешного решения проблемы. Отмечаем стратегию *актуализация достижения* (указания на преодоленные трудности – пришлось «побегать», опыт был «не всегда приятный»).

Кейс 8. Проблема: сбор документов для получения визы

энтузиазм это инт/ был *интересный опыт* побегать по всем инстанциям хоть и не всегда приятный но это было интересный *полезный опыт*

В кейсе 9, в котором реализована стратегия *аннигиляции проблемы* обнаруживаются целых четыре момента объективации. Вместо «не понимала язык» респондентка использовала «языковой барьер», вместо «мешал» – «создавал проблемы», вместо «не понимали» – было «недопонимание», вместо «общалась с носителем языка» – «занималась интеркамбио¹⁸».

Кейс 9. Проблема: межкультурная коммуникация

испанцы сами товарищи довольно эмоциональные [смех] поэтому они все что хотят сказать они добавляют жестами ии голосами артикуляцией и так далее не *языкового барьера* как такового что вот прямо создавал *проблемы* не было ну что то какое то *недопонимание* у них всегда можно переспросить ии тебе объяснят плюс я занималась такой вещью как *интеркамбио*

Практическое использование модели

В настоящее время, несмотря на широкое внедрение Интернета в повседневную жизнь, качество и возможности формирования запросов для поиска необходимого опытного знания оставляет желать лучшего [Сегалович, 2002].

Именно поэтому практическим следствием модели, описываемой в настоящей статье, помимо базы знаний по обучению в Испании (корпус интервью составляет 21 интервью общей длительностью 1212 минут), которая находится в процессе разработки, является перспектива разработки автоматической модели поиска опыта в недрах контента веб 2.0, который в

¹⁸ Интеркамбио (исп. intercambio) – практика взаимобмена языковыми знаниями, принятая в университетах, практикующих академический обмен, когда каждый из участников является носителем языка, изучаемого партнером.

силу своей специфики, по форме организации приближен больше к устному нарративу, чем к письменному, вследствие чего найденные закономерности применимы к процедуре информационного поиска.

Первые результаты исследования были представлены на научной конференции «Сети в глобальном мире: структурные трансформации в Европе, США и России» (Санкт-Петербург, 22-24 июня 2012 г.).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Bergmann R. Experience Management: Foundations, Development Methodology and Internet-Based Applications. Berlin: Springer, 2002.
2. Schegloff, Emanuel A. Sequence Organization in Interaction: A Primer in Conversation Analysis, Volume 1. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.
3. Van Leeuwen T. Representing Social Action // Discourse and Society. № 6. 1995.
4. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995.
5. Доброхотов А.Л. Учение досократиков о бытии. М.: МГУ, 1980.
6. Зайченко Г.А. Джон Локк. М.: Мысль, 1973.
7. Майоров Г.Г. Формирование средневековой философии. Латинская патристика. М.: Мысль, 1979.
8. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М.: Гнозис, 2003.
9. Рогозин Д., Яшина А. Анализ коммуникативных сбоев в экспертном интервью // Социальная реальность. №5. 2007.
10. Сегалович И. Как работают поисковые системы // Мир Интернет. № 10. 2002.

НОРМЫ РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА КАК СВОД КОММУНИКАТИВНЫХ ПРАВИЛ

В статье дается определение понятию «нормы речевого этикета», дается характеристика речевого этикета и нормы. Также представлены максимы вежливости, которые находятся в основе речевого этикета. Рассмотрены формулы речевого этикета, приведены примеры формул приветствия и прощания на русском и английском языках.

The article defines the concept of "norms of speech etiquette", gives characteristics of speech etiquette and norm. Also presents politeness maxims which are the basis of speech etiquette. The author considers formulas of speech etiquette and gives examples of greeting and farewell formulas in the Russian and English languages.

Ключевые слова: нормы речевого этикета, речевой этикет, максимы вежливости, формулы речевого этикета, норма.

Keywords: norms of speech etiquette, speech etiquette, politeness maxims, formulas of speech etiquette, norm.

Речевой этикет на протяжении долгого времени привлекает внимание исследователей в области речевой коммуникации, среди них А.А. Акишина, Н.Д. Арутюнова, Т. Г. Винокур, О.Я. Гойхман, В.Е. Гольдин, С.И. Львова, И.А. Стернин, В.П. Трофименко, Н.И. Формановская, Р. Brown R. Lakoff, J. Leech, S.C. Levinson и другие. Согласно лингвистическому энциклопедическому словарю, речевой этикет представляет собой «систему устойчивых формул общения, предписываемых обществом для установления речевого контакта собеседников, поддержания общения в избранной тональности соответственно их социальным ролям и ролевым позициям относительно друг друга, взаимным отношениям в официальной и неофициальной обстановке» [ЛЭС, 1990. С. 413]. Кроме того, речевой этикет невозможен без соблюдения определенных правил, другими словами, норм речевого этикета.

¹⁹ Научный руководитель – к. филол. наук доц. Е.Н. Белова

Нормы речевого этикета контролируют коммуникативное поведение человека, и несоблюдение правил непременно повлечет за собой сбой в коммуникации. По этому поводу Л.В. Введенская говорит, что «знание правил речевого этикета, их соблюдение позволяет человеку чувствовать себя уверенно и непринужденно, не испытывать неловкости из-за промахов и неправильных действий, избежать насмешек со стороны окружающих» [Введенская, 2001. С. 298] Следовательно, нормы речевого этикета позволяют коммуникантам выстраивать свое общение таким образом, чтобы каждый из участников разговора ощущал уверенность в себе и доброжелательное отношение собеседника в процессе беседы.

Такие исследователи в области речевого этикета, как О.Я. Гойхман, В.И. Карасик, Т.В. Ларина, С.И. Львова, Т.М. Надеина, Н.И. Формановская отмечают в своих работах, что в основе норм этикета лежат вежливость и демонстрация ее по отношению к собеседнику в разговоре-этикете. В связи с этим, С.И. Львова пишет, что вежливость является ядром РЭ. Вежливость, в свою очередь, может быть как официальной, тактичной, дежурной, так и выражаться в таких понятиях как приветливость, обходительность, корректность, учтивость, галантность, деликатность, почтительность [Львова, 2010. С. 9].

Взглянуть на вежливость как на применение определенных правил, или максим, первым попытался в своей работе П. Грайс, впервые предложивший некий свод правил, которыми пользуются коммуниканты в процессе общения. Так П. Грайс, среди представленных им максим, сформулировал правило «Будь вежлив» [Grice, 1975. С. 47]. Взяв за основу максимы Грайса, Р. Лакофф в своем исследовании попыталась впервые описать максиму «Будь вежлив», в которую включила следующие пункты: не навязывай свое мнение, будь дружелюбным и приятным, предоставляй выбор собеседнику [Lakoff, 1973. С. 292 - 305]. Вслед за Р. Лакофф, исследованием вежливости занялся Дж. Лич, предложив шесть максим вежливости, которые включают в себя максиму такта, выраженную в увеличении выгоды и уменьшении затрат слушающего; максиму великодушия

подразумевающую уменьшение своей выгоды и увеличение выгоды собеседника; максимум одобрения, означающую похвалу собеседника; максимум скромности, предполагающую преуменьшение собственной значимости; максимум согласия с собеседником и максимум симпатии [Leech, 1983. С. 16]. Итак, максимумы вежливости предполагают предоставление собеседнику наиболее комфортных условий в процессе общения и проявление к нему лояльного отношения, а также максимумы вежливости лежат в основе норм этикета.

Что представляет собой норма? А.А. Ивин утверждает, что норма – это система, в состав которой входят содержание, условия, субъект и характер нормы. Содержание обозначает действие, которое может, должно или не должно быть выполнено; условия приложения характеризуют ситуацию, определяющую реализацию нормативного действия; под субъектом понимается лицо или группа лиц, которым адресована норма; характер нормы традиционно описывается в терминах нормативных противоположностей: обязательно - необязательно, разрешено - запрещено [Ивин, 1973. С. 23]. Исходя из этого, становится понятно, что нормы имеют основу, благодаря которой они не возникают на пустом месте, а четкая структура системы дает основание полагать, что формирование норм происходит в соответствии с компонентами указанной системы. «Правила этикета обычно являются символическими обобщениями здравого смысла» [Карасик, 1992. С. 114]. Данная цитата В.И. Карасика ясно выражает то, по какому принципу складывались те или иные нормы речевого этикета. В своей книге В.П. Трофименко пишет, что нормы этикета сводятся к одному правилу: «неукоснительно, везде и во всем уважать общество в целом и каждого его члена в отдельности и относиться к ним так, как вы относитесь к себе и хотите, чтобы другие относились к вам» [Трофименко, 1999. С. 4]. Существуют некоторые своды правил речевого этикета, отражающие данные тенденции. О.Я. Гойхман и Т.М. Надеина предлагают свой свод правил речевого этикета, в перечень которого входят такие правила, как «проявлять уважительность, доброжелательность к

собеседнику»; «вежливо относиться к собеседнику»; «поставить в центр внимания слушающего»; «тема коммуникации должна быть понятна, уместна и интересна» и другие.

Правила речевого этикета базируются на использовании определенных формул речевого этикета. Цель их использования состоит в том, чтобы партнер по общению мог правильно идентифицировать выражение через речь те или иные чувства говорящего [Гойхман, 2003. С. 140].

Устойчивые выражения, слова и фразы, используемые как формулы речевого этикета, представляют собой клише, шаблоны, стереотипы, поскольку употребляются в определенной речевой ситуации и закреплены нормами речевого этикета. Еще Л.П. Якубинский писал в своей работе «О диалоговой речи» в 1923 году, что «говорение в связи с определенными шаблонами быта влечет образование целых шаблонных фраз, как бы прикрепленных к данным бытовым положениям и шаблонным темам разговора» [Якубинский, 1923. С. 148]. Наличие же готовых стереотипов избавляет человека в ситуации общения от конструирования с нуля схемы этого общения, а большое множество шаблонных фраз, применительно той или иной ситуации, предоставляет выбор наиболее уместной формулы в данном контексте. Благодаря стереотипам поведения и речи осуществляется важная функция этикета – функция этнической и социальной идентификации [Байбурин, 1990. С. 10]. Другими словами, то, какими формулами речевого этикета мы пользуемся, детерминирует нашу принадлежность к определенной группе людей.

Из стереотипных, устойчивых формул речевого этикета, включающих в себя тематические группы приветствия, обращения, приглашения, просьбы, благодарности, извинения, поздравления, пожелания и других, строится система речевого этикета [Трофименко, 1999. С. 53]. Формулы речевого этикета применяются для трех стадий разговора: начало разговора, основная часть, заключительная часть [Введенская, 2001. С. 306].

Формулы приветствия играют большую роль в общении, поскольку здороваясь со знакомыми, мы подтверждаем этим знакомство и желание

продолжать его, ведь перестать здороваться с человеком – значит закончить добрые отношения и прервать знакомство с ним. А здороваясь с незнакомцем, мы проявляем доброжелательное отношение к нему и намерение продолжить общение. Нормы речевого этикета предписывают сначала поздороваться с человеком, а потом излагать суть вопроса или просьбы [Гольдин, 1983. С. 38].

Разговор, исходя из норм речевого этикета, всегда начинается с приветствия. Русской речевой культуре характерно использование следующих формул приветствия: пожелание здоровья («*Здравствуйте!*», «*Здорово!*»), указание на время встречи («*Доброе утро/день/вечер!*»), эмоциональные пожелания, подчеркивающие радость от встречи, желание общаться и уважительное отношение («*Очень рад!*», «*Рад встрече с вами!*», «*Добро пожаловать!*», «*Моё почтение!*»), специфическая форма («*Здравия желаю!*») и другие распространенные формулы («*Привет!*»). Согласно английской культуре приветствия следует непременно показывать собеседнику свой интерес и выражать симпатию к собеседнику. Т.В. Ларина выделила три типа речевых действий для выражения приветствия: непосредственная формула приветствия («*Good morning / Good afternoon!*», «*Hello!*»), обращение («*Mr Bramble*», «*William*», «*Bill*») и элементы фатической коммуникации, которые представляют собой примечательную особенность английского коммуникативного поведения («*Lovely day, isn't it?*», «*Good to see you!*», «*Nice party!*») [Ларина, 2009. С. 323]. Правила речевого этикета предусматривают не только использование соответствующей ситуации вербальной формы, но и поведение в ситуации приветствия. Так, согласно этикету, должна быть очередность приветствия и первыми приветствуют: мужчина – женщину; младший (младшая) по возрасту – старшего (старшую); младший по должности – старшего; член делегации (организации) – ее руководителя [Введенская, 2001. С. 310 - 311].

Вслед за приветствием и знакомством идет основная часть разговора, которая состоит из различных тематических групп формул речевого этикета. Л.А. Введенская предлагает три наиболее типичные ситуации, которые

обуславливают выбор речевых формул: 1) торжественная, сюда относятся праздники, юбилеи, получение наград и т.п.; 2) скорбная, которая связана с гибелью, утратой, стихийным бедствием, терактом, ограблением и другими событиями, приносящими горе; 3) деловая, включающая в себя организацию мероприятий, рабочие будни и ситуации на рабочем месте [Введенская, 2001. С. 311].

Завершение контакта непременно сопряжено с формулами прощания. Н.И. Формановская и А.А. Акишина в своей работе представили наиболее полный список формул завершения общения, используемых в рамках русской культуры. В ситуации с оттенком пожелания употребляются фразы «*Всего хорошего!*», «*Всего доброго!*». В ситуации, когда предполагается условленная встреча, используют фразу «*До встречи!*», а в любой другой ситуации, если встреча и не планируется, говорят «*До свидания!*», при длительном расставании или расставании навсегда употребляют «*Прощай! / Прощайте!*». Существует также прощание на ночь: «*Спокойной ночи!*», «*Приятных снов!*». Непринужденное, дружеское, употребляемое хорошо знакомыми людьми прощание включает в себя формулы «*Пока!*», «*Счастливо!*». Помимо прочего, существуют и грубые, нелитературные формулы, такие как «*Бывай!*», «*Будь!*», «*Давай!*» и официальные формулы, употребляемые чаще представителями старшего поколения: «*Разрешите попрощаться!*», «*Позвольте откланяться!*» [Акишина, 1978. С. 39].

В общении, характерном для английской культуры, наиболее распространенной речевой формулой прощания является фраза «*Good bye*», и ее производные, употребляемы в более неформальной обстановке «*Bye*» и «*Bye-bye*». Кроме того, Т.В. Ларина дифференцирует формулы прощания по значению их употребления, так прощаясь коммуникант выражает свою оценку: «*Nice to have met you*», «*I was pleased to see you*», «*Good to talk to you*»; благодарит: «*Thank you for coming*», «*Thank you for inviting me*»; выражает желание продолжить общение в будущем: «*We'll be in touch*», «*See you*», «*We'll see you soon*»; приглашает: «*Come again soon*», «*Let's go somewhere at the*

weekend»; выражает заботу и пожелания: «*Take care*», «*Have a nice day*», «*Enjoy your holiday*» [Ларина, 2009. С. 330].

По словам В.Е. Гольдина, формула прощания в рамках этикета никогда не прозвучит неожиданно для собеседника, так как в этом случае ему будет неприятно и появится чувство того, что адресант был чем-либо обижен или недоволен и по этой причине резко прерывает разговор. Поэтому прощанию предшествуют указания на то, что разговор подходит к концу, к примеру, перед тем как уйти, ссылаются на необходимость сделать это («Мне уже пора», «Жаль, но я должен идти», «К сожалению, меня ждут дела» и т.д.), благодарят за общение, выражают удовлетворение встречей, извиняются за отнятое у собеседника время. И после самой формулы прощания не сразу прерывают контакт, поскольку желают гостю хорошей дороги, удачи в делах, приглашаем еще, передаем привет близким и друзьям и тому подобное в соответствии с ситуацией речевого этикета [Гольдин, 1983. С. 51].

Из выше сказанного, мы можем сделать вывод, что нормы речевого этикета в большой степени влияют на употребление этикетных формул, а использование подходящих и соответствующих ситуации формул в разговоре демонстрирует высокий уровень образования и культуры собеседников.

К сожалению, несмотря на все достижения в области изучения норм речевого этикета, в научной литературе, посвященной данному вопросу, не нашлось точного определения этому явлению, по этой причине было сформулировано и предложено свое определение норм речевого этикета. Согласно «Большому энциклопедическому словарю», норма (от лат. *norma* - руководящее начало - правило, образец) – это узаконенное установление, признанный обязательным порядок и установленная мера, средняя величина чего-либо [БЭС, 2005. С. 724]. Исходя из данного определения нормы и суммируя вышесказанное относительно интересующего нас вопроса, **норма речевого этикета** – это свод установленных и упорядоченных коммуникативных правил, базирующихся на стратегиях вежливости и включающих в себя формулы речевого этикета, применяемые в соответствующей этикетной ситуации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акишина А.А., Формановская Н.И. Русский речевой этикет. М., 1978. 183 с.
2. Большой энциклопедический словарь / под ред. И.Лапиной, Е. Маталиной, Р. Секачева, Е. Троицкой, Л. Хайбуллиной, Н. Яриной. М., 2005. 1248 с. (БЭС).
3. Введенская Л.А. Культура речи. Ростов-на-Дону, 2001. 448 с.
4. Гойхман О.Я., Надеина Т.М. Речевая коммуникация. М., 2003. 272 с.
5. Гольдин В.Е. Речь и этикет. М., 1983. 109 с.
6. Ивин А.А. Логика норм. М., 1973. 122 с.
7. Карасик В.И. Язык социального статуса. М., 1992. 330 с.
8. Ларина Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации. Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М., 2009. 507 с.
9. Лингвистический энциклопедический словарь / Главный редактор В.Н. Ярцева. М., 1990. 685 с. (ЛЭС).
10. Львова С.И. «Позвольте пригласить вас...», или Речевой этикет. М., 2010. 208 с.
11. Трофименко В.П., Волгин А.Н. Поговорим об этикете. М., 1991. 98 с.
12. Якубинский Л.П. О диалоговой речи // Русская речь, СПб. 1923. № 1. С. 131–157.
13. Grice H. P. Logic and conversation // Syntax and Semantics. New York, 1975. № 3. P. 41-58.
14. Lakoff R.T. The Logic of Politeness, or, Minding Your P's and Q's // Papers from the 9th Regional Meeting, Chicago Linguistic Society. Chicago, 1973. P. 292-305.
15. Leech G.N. Principles of Pragmatics. London, 1983. 250 p.

М. В. Рубцова²⁰

НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОММУНИКАТИВНЫЙ СТИЛЬ ПРИ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ НА LINGUA FRANCA В БИЗНЕС-ДИСКУРСЕ

В статье рассматривается понятие национального коммуникативного стиля, а также его возможные изменения при взаимодействии на неродном для коммуникантов языковом коде, в данном случае, английском языке, выступающем в качестве lingua franca. Помимо этого в статье приводятся три сценария возможной трансформации национального коммуникативного стиля при

взаимодействии на ELF.

The present article is compiled to consider national communicative style (NCS) and its possible alteration in interaction on English as lingua franca in business discourse. It also includes three scenarios of NSC transformation in communication on ELF.

Ключевые слова: национальный коммуникативный стиль, lingua franca, бизнес-дискурс, коммуникация, ELF.

Keywords: national communicative style, lingua franca, business discourse, communication, ELF.

Политические, экономические и социокультурные факторы современного этапа глобализации обусловили интерес лингвистов разных стран к исследованию общения между представителями различных лингвокультурных сообществ. В связи с развитием международного бизнеса и появлением транснациональных корпораций, национально-культурная составляющая коммуникации стала одним из наиболее релевантных объектов исследования.

Проблема национальной специфики коммуникации исследуется в сопоставительном аспекте такими учеными как Л.В. Куликова, И.А. Стернин, Т.В. Ларина, В.В. Красных, А.В. Олянич, О.А. Леонтович, С.Г. Тер-Минасова, Р. Льюис, Й. Гальтунг и др. На данный момент существуют некоторые определения понятия национального коммуникативного стиля. Например, в рамках лингво-когнитивного подхода к коммуникации национальный

²⁰ Научный руководитель – д. филол. наук проф. Л.В. Куликова

коммуникативный стиль понимается Л.В. Куликовой как «устойчивая совокупность коммуникативных представлений, правил и норм, опосредованных культурой как макроконтекстом коммуникации, проявляющихся в отборе языковых средств, организации смысла и национально маркированном коммуникативном поведении носителей языка» [Куликова, 2009. С.133]. В свою очередь, Т.В. Ларина определяет его как «исторически сложившийся, предопределяемый культурой и закреплённый традицией тип коммуникативного поведения народа, проявляющийся в выборе и предпочтительности определенных стратегий и средств коммуникации (вербальный и невербальных), используемых в процессе межличностного взаимодействия» [Ларина, 2009. С. 8].

Для моделирования национального коммуникативного стиля базовыми являются следующие характеристики, выделенные Л.В. Куликовой:

- Прямой/непрямой способ выражения сообщения
- Рациональность/интуитивность
- Точность/детальность
- Личностная ориентированность/ статусная ориентированность
- Специфичность/диффузность [Куликова, 2009, С.147-158].

Национальный коммуникативный стиль репрезентируется при коммуникации на любом языковом коде, в том числе и на *lingua franca*, языке-посреднике, являющемся неродным для коммуникантов. На данный момент на роль мирового *lingua franca* претендует английский язык, на котором говорит чуть меньше трети населения планеты. При этом, как утверждает David Crystal, каждый четвертый человек, говорящий на английском языке, не является его носителем [Crystal, 2000. С.25].

Английский язык в качестве *lingua franca* обслуживает различные сферы общества: образование, СМИ, политику, медицину, юриспруденцию, бизнес. Поскольку использование неродного языкового кода, являющегося дополнительным звеном цепи кодирования и декодирования информации, усложняет достижение коммуникативной цели, которая в рамках бизнес-

дискурса предполагает установление и поддержание сотрудничества, влекущее за собой получение прибыли, особенности коммуникации на ELF представляют для исследователей особый интерес. Как утверждает Ю.А. Черноусова, бизнес и сопутствующие ему сферы стали решающими для развития делового английского языка, который, претерпев ряд изменений, в настоящее время трактуется как «бизнес-английский как лингва франка» (Business English as a Lingua Franca – BELF) [Черноусова, 2012. С.7].

Коммуникативный стиль, присущий каждому носителю каждого лингвокультурного общества, репрезентируется в любом коммуникативном акте. При взаимодействии на BELF вероятность коммуникативного сбоя или коммуникативной неудачи, которая может повлечь за собой неполучение прибыли или убытки, увеличивается. Следовательно, для достижения коммуникативных целей как минимум одному из коммуникантов приходится регулировать и сознательно изменять собственный коммуникативный стиль общения.

В свою очередь отказ хотя бы одного из актантов от ситуативного изменения собственного национального коммуникативного стиля увеличивает возможность коммуникативных неудач. По нашему мнению, ситуативное корректирование национального коммуникативного стиля при общении на BELF может проходить по следующим сценариям:

- «подстраивание» собственного коммуникативного стиля одного коммуниканта под коммуникативный стиль другого;
- Изменение коммуникативных стилей обоих коммуникантов. В данном случае речь идет о том, что каждый из общающихся изменяет собственный коммуникативный стиль с учетом культурных и дискурсивных особенностей противоположной стороны.
- Транслирование коммуникативного стиля, принадлежащего лингвокультурным обществам, для которых английский язык является родным, на переговоры, в которых английский язык выступает как *lingua franca*.

Например, имплицитный коммуникативный стиль общения японцев выражается в том, что само слово отказа никогда не произносится. Как правило, японцы соглашаются со всем, что говорит оппонент, затем очень вежливо прощаются, обещают позвонить и тактично заканчивают разговор. Оппонент ждет звонка и, как правило, не дождавшись его, чувствует, что потерпел коммуникативную неудачу [Овчинников, 2005. С. 134]. Такая коммуникативная неудача вызвана различием коммуникативных стилей, что усложняет процессы межкультурного взаимодействия в бизнес дискурсе. Для того, чтобы изменить сложившуюся ситуацию, японская сторона может действовать в рамках первого сценария, описанного выше. Однако, при коммуникации с оппонентом, имеющим эксплицитный коммуникативный стиль, японская сторона, желая перенять коммуникативный стиль общения оппонента, может проявить себя слишком жестко, не аргументируя позицию, критикуя и говоря четкое «нет», чем также приводит противоположную сторону в коммуникативный диссонанс. Исходя из этого, можно сделать вывод, что первый сценарий может нивелировать коммуникативные сбои при взаимодействии на BELF только при четком осознании специфики коммуникативного стиля оппонента, а также при постоянном контроле за собственным коммуникативным поведением.

Принимая во внимание, что наиболее полная репрезентация любого коммуникативного стиля в большей степени проявляется при общении на родном языке, можно утверждать, что любое взаимодействие на *lingua franca* выявит изменения в коммуникативных стилях монокультур. В качестве примера можно привести отрывок из электронного письма, написанного испанским служащим, демонстрирующий ситуативное изменение национального коммуникативного стиля. Как правило, испанцы очень экспрессивны во всех сферах жизни, в т.ч. и бизнеса. Однако, в данном случае служащие используют клишированные фразы, используя лексические единицы, лишённые какой-либо эмоциональной окраски: *«In reference to the email sent earlier about the cancellation policy of your reservation we need to charge 5 nights*

of the total amount of your stay in order to confirm your reservation». Данный пример иллюстрирует ситуативное изменение национального коммуникативного стиля по третьему сценарию, т.е. происходит транслирование коммуникативного стиля, принадлежащего лингвокультурным обществам, для которых английский язык является родным.

Стоит отметить, что, коммуникативный стиль любой языковой культуры, сложившись исторически, определяется культурными параметрами данного общества. Герт Хофстеде выделил четыре параметра деловой культуры (соотношение индивидуализма/коллективизма, терпимость к неопределенности, дистанция власти, соотношение мужественности и женственности), которые оказывают влияние на поведение в бизнес-контексте, а также на коммуникативные стили, в т.ч. при взаимодействии на BELF. [Hofstede, цит. по Куликовой. С. 46]. Знание вероятностных поведенческих паттернов, обусловленных доминирующими параметрами культуры партнёра, позволяет адекватно корректировать собственный коммуникативный стиль.

Выбор сценария, по которому будет реализовано изменение национального коммуникативного стиля, всегда ситуативно детерминировано репертуаром коммуникативного поведения оппонента. Например, при проведении переписки с целью приобретения запчастей для автомобиля менеджер китайской компании начал письмо со следующих слов: «*Today is Monday; it is the first day of the week. Have a good day*». Объясняется это тем, что в целом китайская культура высококонтекстна, кроме того, для китайцев, как и для лингвокультурных обществ большинства стран Азии, приоритетна гармония с окружающим миром и с людьми. В таком случае, учитывая, что гармонизация отношений является одним из приоритетных факторов китайской культуры, для успешного сотрудничества с данной компанией представителям компании-партнера необходимо провести ситуативное корректирование собственного национального коммуникативного стиля по первому сценарию, описанному выше, начав письмо с пожеланий успешной работы на этой неделе,

что в некоторой степени противоречит конвенциям ведения переписки на английском языке.

В завершение хотелось бы отметить, что знание возможного коммуникативного поведения и национального коммуникативного стиля партнеров по бизнесу помогает прогнозировать процесс межкультурной коммуникации как на одном языке, так и на *lingua franca*, которым является английский язык. Данное понимание-осознание помогает гибко корректировать собственный национальный коммуникативный стиль в целях достижения поставленных бизнес целей в деловом сотрудничестве с инокультурными партнёрами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Hofstede G. *Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions, and Organizations Across Nations*. Beverly Hills, CA: Sage Publication, 2001.
2. Vilceanu Alina. English – *lingua franca* for international business communication // *European Integration – New Challenges for the Romanian Economy*, May 29-30 2009, Oradea, Romania. P. 62-64.
3. Crystal D. *English as a Global Language*. Cambridge University Press, 2000. 150 p.
4. Изотова А.С. Англоязычные коммуникации в контексте межкультурного и социального взаимодействия: Дис. ... канд. социолог. н., спец. 22.00.06. М., 2006. 460 с.
5. Куликова Л.В. Коммуникативный стиль в межкультурном общении: монография. М.: Флинта: Наука, 2009. 288 с.
6. Ларина Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации. Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 507 с.
7. Овчинников В.В. Сакура и дуб: Ветка сакуры; Корни дуба. М.: Дрофа, 2005. 512с.

8. Скониная Д.С. Национальные стили коммуникативного поведения // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2009. № 2-2. С. 137-139.

9. Черноусова Ю.А. Язык бизнес-контрактов: композиционно-структурные, лексико-семантические и лингво-прагматические особенности (на материале современного английского языка): Дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2012. 210 с.

Е. Е. Слатова²¹

СПЕЦИФИКА ЗВУКОСИМВОЛИЧЕСКОГО КОНЦЕПТА ДВИЖЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ЯПОНСКОМ ЯЗЫКЕ

Данная статья посвящена вопросу выделения звукосимволического концепта. На материале звукосимволической лексики японского языка показано, что необходимость выделения данного концепта актуальна для современной лингвистической науки. Данная проблема

рассматривается на стыке активно развивающихся наук – когнитивной лингвистики и фоносемантики.

This article is dedicated to the question of identifying the soundsymbolic concept. Its topical necessity for modern linguistics is demonstrated on the base of Japanese soundsymbolic words. This problem is considered to be interdisciplinary and is examined in this way.

Ключевые слова: звуко-символизм, звуко-символический концепт, номинация движения, японский язык.

Keywords: sound symbolism, soundsymbolic concept, nomination of movement, Japanese.

Среди основных проблем, требующих решения на сегодняшний день – необходимость выделения звуко-символического концепта. Представляется оправданным утверждать, что нерешенность данной проблемы до настоящего времени в значительной мере обусловлена несоответствующим выбором базы практического материала для анализа. По этой причине считается

²¹ Научный руководитель – д. филол. наук проф. О.В. Магировская

необходимым использовать для анализа уникальные в своем роде звукосимволические единицы японского языка (гитайго), поскольку они наглядно репрезентируют концептуальное знание в языке.

На протяжении долгого времени отмечается особый интерес к явлению звукоизобразительности, ознаменовавшийся большим количеством исследований данной проблемы. Начало поиска связи между звуком и значением было положено еще Платоном. Изучением данного явления занимались такие ученые, как Ж.Ж. Руссо, Г.В. Лейбниц, В. фон Гумбольдт, Г. Пауль, Ш. Балли, Э. Сепир, Р. Якобсон и другие. Основу изучения звукосимволизма заложили В. Скаличка, С.В. Воронин, А.П. Журавлёв, В.В. Левицкий. Многочисленные труды, также повлиявшие на развитие исследований в данной области, принадлежат таким ученым, как Б.В. Журковский, Л.А. Горохова, А.М. Газов-Гинзберг, С. Влахов, С. Флорин и др. Исследованием японской звукоизобразительности занимаются А.А. Подшибякина, К. Akita, S. Akutsu, A. Chang, S. Hamano, N. Iwasaki, I. Tamori, M. Tanno.

Одной из причин столь пристального интереса к данному явлению является универсальность и широкая распространённость звукоизобразительных средств, которые обнаруживаются практически во всех языках мира. Поскольку предметом нашего исследования выступает японский звукосимволический концепт, представляется необходимым отдельно остановиться на специфике звукосимволической лексики японской лингвокультуры. Несмотря на свою широкую распространённость в языке, японская звукоизобразительная лексика в полном объеме не зафиксирована в большинстве словарей, учебников и справочников, или её звукоизобразительная природа не отражена в словарных статьях. Однако данная лексика имеет высокий экспрессивный потенциал и важна как в аспекте изучения японского языка, так и в аспекте перевода. В данной связи представляется необходимым особо подчеркнуть, что звукоподражательная лексика японского языка изучена достаточно хорошо, в то время как

звукосимволическая лексика требует большего изучения. С другой стороны, носителями японского языка естественным образом понимается выразительность и эмоциональная наполненность данной лексики. В силу своей формальной маркированности она легко идентифицируется в тестах. Н. Шарлин отмечает, что носители японского языка обладают лингвистической интуицией к распознаванию звукоизобразительной лексики, и даже новое, изобретенное автором звукоизобразительное слово будет в большей степени понятно остальным не только на уровне семантики, но и эмоционально [Inose, 2009]. Таким образом, звукоизобразительными являются не только те слова, которые ощущаются современными носителями языка как обладающие фонетически мотивированной связью между звучанием и значением, но и те слова, в которых эта связь в ходе языковой эволюции оказалась затемненной, ослабленной и даже, на первый взгляд, полностью утраченной и выявляемой только с помощью этимологического анализа.

Традиционно в японском языке выделяются три звукоизобразительных класса: гионго (擬音語), гисэйго (擬声語) и гитайго (擬態語). Данные классы звукоизобразительной лексики имеют разные когнитивные основания, т.к. в их основе лежат разные знания. Это происходит из-за различия источников звука. Аналогом звукосимволизма является японский термин *гитайго* (擬態語), который номинирует «лексическое подражание действию» [Sharlin, 2009. С. 18]. Согласно А.А. Подшибякиной, гитайго – это «слова, образно или символически описывающие состояния, явления и перемены» [Подшибякина, 2003. С. 14]. Данный класс звукоизобразительной лексики может обозначать состояние неодушевленных предметов, физическое и эмоциональное состояние человека и других живых существ. Таким образом, источником звуков гитайго может являться только человеческое тело (когда речь идет о гитайго номинации движения тела и мимического движения).

Примером употребления гитайго будет служить следующее предложение:
太陽がキラキラ輝いています。 – /Тайёу-га **гирагира** кагаяитэ-имасу/ – The sun is shining **glaringly**. – Солнце светит **ослепительно ярко**.

В данной статье анализируется возможность выделения отдельного звуко-символического концепта как формата знания. На данном этапе исследования звуко-символической лексики в когнитивном аспекте предполагается, что в основе звуко-символического слова лежит концептуальное знание, имеющее национальную специфику своей конфигурации. По этой причине считается целесообразным в качестве доказательной базы выдвинутого ранее предположения в первую очередь рассмотреть характер связи между денотатом, мотивировкой, лежащими в основе звуко-символического слова, и его звуковой оболочкой.

Результатами исследования данной связи А.П. Журавлевым, являются следующие составляющие звуко-символической единицы: *понятийное ядро* (десигнат), *признаковый аспект* и *фонетическая значимость* [Журавлёв, 1974]. Понятийное ядро слова окружено оболочкой его признакового аспекта значения – «тот аспект значения слова, который можно охарактеризовать путем перечисления признаков», которую в свою очередь окружает фонетическая значимость – «очень неопределенный аспект значения слова, который нами почти не осознается» [Журавлёв, 1974. С. 29-30]. Указанные аспекты слова взаимопроникаемы, слиты воедино, и иногда невозможно отделить признаковое значение от понятийного, фонетическую значимость слова от признаковой оболочки. Однако аспекты слова коррелируют не напрямую Их связь реализуется следующим образом: фонетическая значимость коррелирует с понятийным ядром через признаковую оболочку. Таким образом, фонетическая мотивированность присуща всем звуко-символическим единицам.

С точки зрения когнитивного подхода к данной проблеме мы говорим не о десигнате как об отражении образа денотата в человеческом сознании, а имеем в виду продукт переработки человеческого опыта (в случае со звуко-символической лексикой – национального опыта): вербального и

невербального, который формирует представления о мире. Таким образом, в данном исследовании речь идет о знании.

В основе звукосимволической лексики лежат обыденные и интуитивные знания. Именно интуитивная связь между фонетической мотивированностью слова и его звуковой оболочкой характерна для данного типа лексики. В рамках проводимого исследования представляется более точным использовать вместо термина «*знание*» термин «*концептуальное знание*», поскольку знания о мире приобретаются человеком в процессе концептуализации.

Выдвигая проблему выделения звукосимволического концепта, считается необходимым обозначить определение концепта. В данном исследовании концепт рассматривается как целостная, самостоятельная сущность, содержательная единица, которая представляет собой простую структуру, имеющую репрезентацию в ментальном лексиконе и привязанная к лексическим единицам – слову или сочетанию слов, а также к фонетическим – звукам или, как правило, сочетаниям звуков. По данному параметру данное понимание близко к определению Е.С. Кубряковой: «*концепт* – термин, служащий объяснению единиц ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека; оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [Кубрякова, 1997. С. 90]. В нашем понимании концепт – это сложная национально-специфичная совокупность знаний, отражающаяся в языке на всех языковых уровнях.

Концепты всегда ограничены по своей сущности. Это подтверждается тем, что только сложные образования могут быть концептами, в то же время как не каждое слово обладает таким потенциалом. Звукосимволические слова и сочетания звуков, имеющие звукосимволическую природу, относятся к таким образованиям в силу своей фонетической мотивированности значения. Кроме того, считается уместным обозначить, что в нашем понимании концепт шире, чем слово, его значение и понятие. Принимая во внимание, что концепт

реализуется в слове, в его лексическом значении, необходимо помнить, что он реализуется в слове не полностью, а лишь частично, поскольку концепт, как правило, шире, чем лексическое значение. Специфика звукосимволической лексики заключается в том, что она репрезентирует концептуальное знание не только на лексическом уровне, но и, что особенно важно, на уровне фонетическом. Таким образом, считается оправданным выделять отдельный звукосимволический концепт, реализующийся на лексическом и фонетическом уровнях, в словах, значения которых фонетически мотивировано, а также в определенных звуковых сочетаниях, характерных для звукосимволизмов каждого языка.

Говоря о реализации звукосимволического концепта на фонетическом уровне, считается рациональным рассмотреть отличительные фонетические свойства и особую фонетическую форму, которыми обладают гитайго. Согласно теории японского ученого С. Акуцу, звукоизобразительные слова в японском языке по своей фонетической структуре делятся на три группы [Akutsu, 2005].

1) Слова и выражения со структурой «согласный – гласный – согласный – гласный» (CVCV), которые, как правило, используются в сочетании с частицей と/то/ и глаголом, или к ним прибавляется глагол する /суру/;

2) слова, оканчивающиеся на り (と) /ри (то)/;

3) звукоизобразительные слова, оканчивающиеся на っ と/тто/ или ん と/нто/.

Исследования данной лексики показали, что гитайго со структурой $C_1V_1C_2V_2$ обозначают продолжительное или постоянное действие, в то время как структуры без повторяющихся слогов обозначают единоразовое действие или состояние. В этой связи возможно предположить, что большинство гитайго номинации движения будут иметь структуру с повторяющимися слогами, так как они обозначают именно действие, а не состояние.

Исследуемые звуко-символизмы со структурой $C_1V_1C_2V_2$, при помощи которых вербализуется изучаемый концепт, имеют структуру, схожую со структурой звуко-символического концепта. Фонетическое ядро, состоящее из двух слогов, указывает на основное значение выражения. Формирование новых звукоподражательных и звуко-символических слов из данного ядра позволяет передать разные оттенки данного значения.

На материале 15 наиболее употребительных звуко-символических единиц номинации движения, имеющих структуру $C_1V_1C_2V_2$, нами была разработана таблица компонентов концептуального знания, репрезентирующихся в звуко-символической лексике. Японским лингвистом С. Хамано ранее была разработана подобная таблица [Hamano, 1998], однако она представляет только согласные звуки и не ориентирована на конкретную тематику. Японский лингвист отмечает, что первые согласные звуки ряда $C_1V_1C_2V_2$ относятся к осязательным свойствам, вторые – к свойствам движения. В его исследовании данное утверждение рассматривается как гипотеза. В Таблице 1 представлены установленные на 15 примерах гитайго движения компоненты концептуального знания, репрезентирующиеся в звуко-символической лексике.

Таблица 1 – Репрезентация компонентов концептуального знания в звуко-символической лексике

<i>Первая</i>	<i>Вторая</i>	<i>Компоненты концептуального знания</i>
<i>фонема в структуре CVCV</i>		
	$PLOS_2^A + V_2^H$	Высокий уровень шума
$SON_{L/LAB}^{NAS} + V_1$		Низкая скорость
$PLOS_{L/LAB}^{VOC} + V_1$		Резкость; грубость/наглость; большое количество людей
$SON_{L/LAB} / AFFR + FRIC + V_1$	+ (AFFR)	Движение маленького ребенка или пожилого человека; низкая скорость; маленькие шаги
$AFFR + V_1^{L/LAB}$		

	$R + V_2^{LAB/H}$	Отсутствие цели; слабость; неуверенность в движениях; рассеянность
$V_1^{L/LAB} + R$	$+ V_2^{L/LAB}$	Движение на транспортном средстве

Таблица 1 (окончание)

	$PLOS^{VOC}_{L/LAB} + V_2$	Опущенные плечи и/или голова
$V_1^L + PLOS_2^A$	$+ V_2^H$	Торопливость
$SON + V_1^{L/LAB}$ FRIC		Неустойчивость; пошатывание; потеря равновесия
FRIC $+ V_1^{L/LAB}$		

В силу того, что компоненты концептуального знания, репрезентирующиеся в звукосимволической лексике, были установлены при исследовании ограниченного количества гитайго движения, данная таблица может иметь погрешность в применении к другим лексемам.

На современном этапе исследования концептов необходимость выделения звукосимволического концепта продиктована гипотезой о том, что концепты могут реализоваться на фонетическом уровне. С целью подтвердить данную гипотезу на примере звукосимволической лексики нами был проведен эксперимент, в котором приняли участие четыре группы информантов:

- первая группа (I) – носители японского языка (82 человека);
- вторая (II) – носители русского языка, изучающие японский язык в течение разного периода времени (42 человека);
- третья (III) – носители русского языка, не изучающие японский язык (49 человек);
- четвертая (IV) – носители китайского языка, изучающие русский язык (16 человек).

В ходе эксперимента информанты должны были указать, какое знание реализуется в звукосимволических единицах японского языка, опираясь лишь на их звучание, затем данные были сопоставлены с толкованиями японских

словарей. Целью эксперимента было подтвердить гипотезу о том, что звуковая оболочка слов отражает компоненты концептуального знания, реализующегося в слове. В результате данного исследования были получены следующие данные: средний процент совпадений составил 34,43 %. Компоненты концептуального знания, репрезентирующиеся в звукосимволической лексике, частично совпадают с компонентами концептуального знания, выделенными в ходе анкетирования. В Таблице 2 представлены полные результаты сопоставительного анализа.

Таблица 2 – Результаты сопоставительного анализа

<i>Сочетания фонем</i>	<i>Компоненты концептуального знания</i>	<i>Процент совпадения</i>
$V_1^{L/LAB} + R + V_2^{L/LAB}$	Движение на транспортном средстве	100%
$V_1^L + PLOS_2^A + V_2^{L/H}$	Торопливость	100%
$SON_1^{NAS} + V_1^{L/LAB}$	Низкая скорость	100%
$SON / AFFR + V_1^{L/LAB}$ FRIC	Маленький ребёнок	100%
$R + V_2^{LAB/H}$	Слабость; неуверенность в движениях; рассеянность	80%
$PLOS_2^A + V_2^H$	Высокий уровень шума	66,67%
$PLOS_1^{VOC} + V_1^{L/LAB}$	Большое количество людей	50%
$PLOS_1^{VOC} + V_1^{L/LAB}$	Резкость; грубость/наглость	50%

Таким образом, было установлено восемь компонентов концептуального знания, воспринимаемых информантами посредством звучания слова, с частотой до 100 %. Данные результаты позволяют говорить о необходимости выделения и дальнейшего изучения звукосимволического концепта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Журавлев А.П. Фонетическое значение. Л., 1974. 80 с.
2. Кубрякова Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Изд-во филол. ф-та МГУ им. М.В. Ломоносова, 1997. 245 с.

3. Подшибякина А.А. Ономатопозитическая лексика в японском языке. М.: Муравей, 2003. 64 с.
4. Akutsu S. A practical guide to mimetic expressions through pictures. Tokyo, 2005. 150 p.
5. Hamano S. Sound-symbolic system of Japanese. Tokyo: Kuroshio Publishers, 1998. 415 p.
6. Inose H. Translating Japanese onomatopoeia and mimetic words. Granada, 2009. 116 p.
7. Sharlin N. Understanding Japanese sound symbolism. Bryn Mawr, 2009. 46 p.

III ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Л. Ю. Бехметьева

ЛАБОРАТОРИЯ ПОЭТИЧЕСКОГО АКЦИОНИЗМА: СТРАТЕГИИ «РАЗОТЧУЖДЕНИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ»

В настоящей статье освещены эстетические и социально-политические аспекты феномена поэтического акционизма. Исследование актуализирует некоторые тенденции современной поэзии, выявляет новые антропологические конструкции социальной жизни.

The present article focuses on the aesthetic, social and political aspects of the actionism in the modern poetry. The research reveals some poetical tendencies and shows the new anthropological constructions of social life.

Ключевые слова: поэтический акционизм, современная поэзия, поэзия «нулевых», антропологическая конструкция, отчуждение, дезадаптация.

Keywords: the poetical actionism, the modern poetry, the «null» poetry, the anthropological construction, an alienation, desadaptation.

«На первый взгляд акция и поэзия – понятия антагонистические: акция кратковременна – поэзия устремлена в вечность, акция направлена вовне – поэзия автореферентна, акция ставит конкретные цели – поэзия бежит любого рода инструментализации, акция проблематизирует настоящее – поэзия всё время забегает в будущее» – такими словами начинает Р. Осминкин, идеолог и поэт Лаборатории Поэтического Акционизма, своё «Введение в понятие ”поэтический акционизм”», в котором пытается дать онтологическое обоснование одному из актуальнейших явлений в современной поэзии [Осминкин, 2012. С. 6].

Поэтический акционизм в широком смысле можно определить как эстетическое явление, генетически восходящее к античной декламации, в том

её изводе, который был тесно связан с театральным перформансом, а также к модернистским литературным практикам: дадаизму, сюрреализму и более позднему шозизму. Под поэтической акцией при этом понимается «вторжение радикального художника на не готовую к этому публичную территорию с последующим скандалом, провоцирующим власть реагировать, а зрителя – думать» [Цветков]. Это понимание современной поэтической акции особенно сближается с постоянными провокациями дадаистов самих себя и окружающих, призванными «расшатать» рамки обыденного сознания и «вытащить человека из гетто привычных вещей и предсказуемых связей» [Там же]. В этом смысле акция, в основе которой лежит авангардистская модель провокации, и которая по сути своей нацелена на нарушение ряда стилевых, эстетических, поведенческих конвенций, внутри своего свершения глубоко поэтична, так как «всегда неуместна, неудобна и избыточна» [Осминкин, 2012. С. 7].

Лабораторией Поэтического Акционизма были разработаны и реализованы ряд уличных акций прямого действия, трансформаций городской среды (под которыми понимаются пространственные действия и композиции), интервенций в различные закрытые помещения (галерея, супермаркет) и перформансов. Поэты Лаборатории (Павел Арсеньев, Дина Гатина и Роман Осминкин) регулярно участвуют в уличных чтениях, устраиваемых совместно с различными самоорганизованными инициативами. Есть у Лаборатории и своя документация, которая «существует в форме видеозаписей, фотографий, текстов задействованных стихотворений и текстов листовок, распространяемых во время некоторых акций» и в максимально исчерпывающем виде представлена на сайте организации [Лаборатория Поэтического Акционизма].

Современный акционизм не просто «инструментализирует» текст, он наделяет поэтическое произведение особой миссией, направляет его на решение определённой экзистенциальной и идеологической задачи. Лаборатория Поэтического Акционизма как рабочее объединение поэтов,

художников и философов ставит своей целью «разотчуждение повседневности через насыщение городского пространства поэзией» [Там же].

Термин «отчуждение», являющийся конституирующим в рамках данной статьи, требует пояснения. Если ещё в 1990-е годы понятие «отчуждение» в поэзии связывалось, прежде всего, с инфантильными мотивами лирики и образом ребёнка, который, в свою очередь, становился образом «самоотчуждённого и беспомощного существования» [Кукулин, 2001.С. 277], то в «нулевые» акценты смещаются: на смену инфантильному сознанию лирического героя приходит активное утверждение собственной гражданской позиции. Понятие отчуждения, таким образом, трансформируется, приобретает иное, абсолютное значение. В парадигме «нулевых» актуализируется интерпретация «отчуждения» как патологического процесса, данная ещё Э. Фроммом, который считал, что в современном обществе «отчуждение становится почти всеобъемлющим. Оно пронизывает отношение человека к его труду, к предметам, которыми он пользуется, распространяется на государство, на окружающих людей, на него самого <...> человек становится чужим самому себе. Он как бы “остраняется”, отделяется от себя» [Фромм, 1966. С. 230]. Описанные тенденции в России носят особенный характер, что обусловлено как недавним историческим прошлым страны, так и ментальностью населения.

Мотивы социального отчуждения, подчас принимающего форму изоляции, а также «паралича политической воли», в большей или меньшей степени являются сквозными в творчестве поэтов Лаборатории, но наиболее ярко они проявились в поэтическом сборнике П. Арсеньева «Бесцветные зелёные идеи яростно спят». Актуальными художественными фиксациями социального отчуждения, характерного для общества «постсоветской формации», можно считать такие тексты Павла Арсеньева, как «Религия – это стоматология», «Поэма товарного фетишизма», «Поэма солидарности (она же разобщенности)», где уже в самом названии заложена антитеза существования современного человека, бытование в модусе шизофренической раздвоенности:

*Возвращайтесь в аудитории,
они защищены от сумбура улицы -
бесподобной-архитектурой-модерн-фасадом,
Защищены от всей этой глупости и надсады. <...>
Только в аудиториях священное
исследовательское негодование
можно будет без утечки направить
на подробное описание всех нарушений и погрешений.
Состроить немой упрёк системе.
Не мой и ничей, ведь все мы,
в сущности, не так уж и негодуем,
возвышая свой голос лишь до немоты упрёка<...>
Возвращайтесь в аудитории,
они защищены в том числе от подобного рода провокаций.
В них всегда найдется мудрый модератор,
ответственное лицо,
чья широкая либералистская душа,
и вы тоже его поймите, не сможет все ж простереться
до постановки вопроса о собственной легитимности.*

После распада СССР коллективная идентичность уже немыслима в прежних своих формах, человек социально отчуждён, оставлен наедине с самим собой и необходимостью определения своего места в изменившихся социокультурных обстоятельствах. В результате возникает то, что З. Бауман называет «всепроникающим ощущением утраты контроля над настоящим» [Бауман, 2005. С. 67], что, по его мнению, ведёт к параличу политической воли и утрате веры в то, что коллективным образом можно достичь чего-либо существенного, а солидарные действия способны внести решительные перемены в состояние человеческих дел.

В чём же видит поэт причины разобщённости и асоциализации (дезадаптации)?

*На всякий пожарный следовало бы
сигнализацию встроить и в тело.
Ведь пожар в одной голове
всегда может перекинуться на другую,
И тогда полыхнет весь город.
Для этого-то и нужны -
качественная изоляция индивидов,
система пожарной тревоги,
самый простой телефонный номер,
также вероятно, призванный напоминать об одиночестве
и невозможности солидарности.*

«Качественная изоляция индивидов» для поэта – не только опасный симптом, но и следствие «системы пожарной тревоги» как некоего набора властных стратегий и институтов установления тотального контроля за общественным сознанием. В сферу социальных институтов, ответственных за установление контроля, попадает и церковь, в последние годы активно стремящаяся срастись с институтом государства и проводящая агрессивную политику клерикализации общества.

*<...> Итак: Религия – это Стоматология.
Она настаивает на ежедневном отправлении культа –
утром после еды и вечером перед сном.
Также полагается два раза в год показываться
специалисту для профилактического осмотра.
Она уверяет, что вы все равно обратитесь к ней,
особенно, если слишком долго были беспечны.
И вы действительно начинаете чувствовать,*

*что все окружающее лишь суета сует,
что мир, расположенный за границами полости рта,
иллюзорен, что его как бы нет.*

*Что вы совсем запустили самое дорогое
(а этот сервис и вправду недешев),
ведь что бы ни говорили,
каждый из нас умирает наедине со своими
зубами.*

*И каждого из нас на Страшном Приеме спросят,
заботился ли он об их спасении,
а как нет, то ему уже поздно будет взывать к deusexбор-machina.*

Посредством перекодирования культурных символов и построения исторических аналогий в текстах П. Арсеньева дискредитируются тоталитарные стратегии властного дискурса, а смысловым центром оказывается категория свободы, в том числе и свободы высказывания, которая поэтом понимается как высшая ценность, традиционно подавляемая властным дискурсом. Арсеньев выстраивает тексты как многоуровневые метафоры. В этом смысле пространственный образ стоматологического кабинета поэмы «Религия – это стоматология» коррелирует с образом учебной аудитории из «Поэмы солидарности» как места ретрансляции застывших, изначально заданных смыслов и выполняет роль «пространства ментальной модерации» масс, модификации их сознания. Образ стоматолога сближается с образом «мудрого модератора» – вариантом архетипического образа «властителя и спасителя», почти мистическую тягу к «сильной руке» которого знает литература.

Другие в пространстве аудитории вне проблемы идентичности, которая предполагает ситуацию активного выбора. Нерефлектирующая масса за стенами аудитории для поэта – отчуждённые Другие, которых объединяет лишь пространство топоса, а не идеологии. Они избежали опасности

экзистенциального выбора, но их сознание запуталось в сети внедрённых идеологических конструкторов. Всё это встраивается в единую систему, ответственную за формирование общественного сознания, в ситуации активного противостояния которой находится поэт.

Процессы «замирания» политической активности, являющиеся следствием нарастания процессов отчуждения в социуме, описывает в статье «Расплывающиеся острова» и социолог культуры Б. Дубин, говоря о том, что перед нами сейчас Россия, которая пытается адаптироваться к окружающему строю, продолжающему распадаться, и что этот процесс, который можно более точно квалифицировать как процесс «понижающей адаптации», заключается в снижении требований как к окружающей реальности, так и к самому себе. Человек словно бы уговаривает символического Другого и себя: «А что, и так неплохо, что нам, больше всех надо? Лишь бы войны не было», при этом пытаюсь оправдать и своё индивидуальное бессилие»: «Я что ли всю эту кашу заварил? Я вообще к этому никакого отношения не имею. Меня здесь нет и не бывало, у меня алиби». Эта новая антропологическая конструкция социальной жизни, «конструкция взаимодействия без действия, самоопределения через отсутствие – алиби» [Дубин, 2010. С. 257] представляется очень важной при осмыслении механизмов самоидентификации современного человека.

Посредством механизма негации, или отрицания, в модусе противостояния, борьбы с вышеописанными социальными конструктами прорисовывается и идентичность современного поэта как человека с активной гражданской позицией, посредством эстетической акции реализующего свою причастность, «не-алиби» в мире. В этом контексте особый смысл приобретают слова Р. Осминкина, который в статье «С кем вы, мастера культуры?» заметил: «Отвечая на вопрос, какая политика нам нужна – мы отвечаем и на вопрос, какие наглядные формы примет мир в ближайшем будущем». Поэзия в языке (и шире – искусство в образе) – инкубатор этих форм» [Осминкин, 2012. С. 5].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бауман З. Индивидуализированное общество. М., 2005. 390 с.
2. Дубин Б. Классика, после и рядом: Социологические очерки о литературе и культуре. М., 2010. 345 с.
3. Кукулин И. Актуальный русский поэт как воскресшие Алёнушка и Иванушка // Новое литературное обозрение. № 53. 2001. С. 273–297.
4. Лаборатория Поэтического Акционизма. [Эл. ресурс]. URL: <http://poetryactionism.wordpress.com>.
5. Осминкин Р. Товарищ-слово. СПб., 2012. 71 с.
6. Фромм Э. Человек одинок // Иностранная литература. №1. 1966. С.230–233.
7. Цветков А. Художественный авангард и социалистическая реклама. [Эл. ресурс]. URL: <http://rksmb.org/get.php?1631>.

В. А. Степанова

ПОЭТИКА ЭКФРАСИСА В ПОВЕСТИ В. РАСПУТИНА «ЖИВИ И ПОМНИ»

Данная статья посвящена поэтике экфрасиса в повести В. Распутина «Живи и помни». Поэтика экфрасиса позволяет рассмотреть текст на метатекстуальном уровне. В повести реализована трансформированная агиографическая модель, присутствуют элементы негативной агиографии. Путём экфрасиса раскрывается вариант судьбы героев.

This paper is devoted to poetic of ecphrasis in the V. Rasputin's novel «Zhivi i pomni». The poetic of ecphrasis allows us to consider the text in a metatextual way. In the novel transformed hagiographic model is realized. Options destinies of heroes are submitted by ecphrasis.

Ключевые слова: Распутин, поэтика, экфрасис, «Живи и помни», интермедийность.

Keywords: Rasputin, poetic, ecphrasis, «Zhivi i pomni», intermediality.

Творчество В. Распутина, как правило, рассматривают в контексте современной традиционалистской прозы, важной особенностью которой исследователи называют ориентацию на средневековые модели культуры и ценности. В рамках данного исследования нас будет интересовать анализ поэтики экфрасиса в повести В. Распутина «Живи и помни».

Отчетливый интерес современного литературоведения к интермедиальной поэтике современной прозы связан с очередной сменой культурной парадигмы, отходом от литературоцентризма в сторону «искусствоцентризма», расширением границ искусства, что приводит на уровне словесности к жанровому синтезу как проявлению творческой свободы мастера. Поэтика экфрасиса позволяет рассмотреть текст не только на структурно-типологическом, но и на метатекстуальном уровне. По мнению Н. Брагинской, экфрасис – «“перевод” с языка изобразительного на язык словесный. При этом не только слово пытается приобрести свойство изобразительности, но и изображение наделяется свойствами повествовательности или предстает как наглядная иллюстрация какого-либо вполне “словесного” смысла. Нередко поэтому экфрасиса трактует изображение как аллегорическое, хотя бы в действительности оно таковым и не являлось» [Брагинская. С. 263].

Данное исследование будет опираться на толковательную разновидность экфрасиса. Толковательная разновидность экфрасиса, по классификации Е. Яценко, это интерпретация, направленная на выявление глубинного образно-символического содержания произведения, хотя в нем также могут присутствовать элементы, передающие визуальные черты изображения. В толковательных экфрасисах важны, однако, не конструктивные особенности предмета – по такому описанию можно только с трудом составить представление, что и как конкретно изображено, — но подробные разъяснения, что должно означать изображенное» [Яценко. С. 56]. В.В. Бычков считает, что толковательный экфрасис «объединяет описание произведения с элементами образно-символического объяснения отдельных его частей или всего

произведения в целом. Он складывается из двух уровней: образного и знаково-символического <...>. Знаково-символическое толкование развивается в основном в традициях христианской эксегезы библейских текстов» [Бычков. С. 37].

Главная героиня повести, Настёна, сразу оговаривается самим Распутиным как персонаж особенный, отделенный от всех: *Судьбой ли, повыше ли чем, но Настёне казалось, что она замечена, выделена из людей – иначе на неё не пало бы столько всего. Уже в самом имени героини содержится глубокое, сакральное значение, которое и предопределяет дальнейший ход сюжета: Анастасия – «возвращённая к жизни, воскресшая».* Однако полным именем героиня не названа ни разу, таким образом, мотив воскрешения как возвращения к жизни не реализуется не только на уровне сюжета, но и в имени.

Для Настёны, единственной в повести, открыт иной путь, сохранена возможность Исхода. Путь Настёны начинается в верховье Ангары, откуда она будет спускаться, пока не выйдет замуж за Андрея. С позиции толковательного экфрасиса значителен сам образ деревни. В. Распутин акцентирует вынужденность попадания туда путников: *Деревня для этого стоит куда как удобно: хребет здесь подходит почти вплотную к Ангаре, и миновать деревню стороною никак нельзя, хочешь не хочешь, а надо выходить на дорогу* [Распутин. С. 181]. И Настёна здесь окажется будто бы по произволу: *«Настену в Атамановку судьба занесла с верхней Ангары»* [Распутин. С. 181]. Название деревни тоже обладает глубокой семантикой: *От устной молвы название «Разбойниково» перекочевало в бумаги, но еще до Советской власти кому-то в волости оно показалось неприличным, и его заменили «Атамановкой» - и смысл вроде остается, и уши не коробит. <...> Еще и теперь, спустя много лет, старики из Карды, из Рыбной, из других деревень, как сговорившись. Повторяли одно и то же: - Вся деревня занималась разбоем, а захотели на какого-то атамана свалить. Нет уж, не выйдет* [Распутин, С. 181]. Мотив перекалывания вины и ответственности на другого так же пройдет через всю повесть, однако уже в этом отрывке об имени деревни видно, что искупление

через другого невозможно – «Нет уж, не выйдет». Однако вернемся к образу Настены.

Раннее осиротение вписывается в традиционную агиографию, также скитания и лишения будто бы указывают на путь мученичества. Портрет ее, экфрастически данный в самом начале повествования, тоже полностью соответствует образу мученицы: *Сама она походила на тень: длинная, тощая, с несуразно торчащими руками, ногами и головой, с застывшей болью на лице* [Распутин. С. 182]. Замужество для нее становится принятием чужой судьбы, судьбы мужа, оно и описано в повести как опасность: *Настена кинулась в замужество, как в воду, – без лишних раздумий», «что ждет ее в новой семье и чужой деревне она представляла плохо* [Распутин. С. 182]. По мнению Н.В. Ковтун «Душа-Настя (Русь-невеста) остается верна своей высшей природе только до замужества, обернувшегося пленением. Любовь и брак – священные события крестьянской жизни, трагическая ошибка в выборе жениха равносильна отказу от родовой судьбы как суда Божия, выбору индивидуальной судьбы. Последняя, с точки зрения древнерусской культуры, влечет к одиночеству, раздвоению личности, смерти. Ангела-хранителя заменяет искуситель – бес. Писатель нарушает традиционную схему, где крестьянская невеста уходит в «чужой» мир, мир мужниной, неродной семьи не по своей воле, и путь назад ей заказан. В. Распутин вслед за А. Солженицыным, В. Шукшиным акцентирует самостоятельность выбора героини, ее ответственность за содеянное» [Ковтун, С. 313].

Важная черта, маркирующая жизнь Настены, – бездетность. В христианской традиции бездетность воспринимается неоднозначно: вспомним святых Иакима и Анну, родителей Богородицы, долгое время остававшихся бездетными, таких примеров в христианской агиографии множество, т.е. иногда бездетность означает богоизбранность. Существует и другая трактовка, Н.В. Ковтун пишет: «Бездетность Настёны – знак невозможности прежней гармонии Руси в Боге, ее обреченность (Настена сама распиливает сосну-храм-душу)» [Ковтун. С. 313].

Судьба Настены развивалась до замужества в полном соответствии с христианской житийной традицией, после замужества и искушения произошло отступление от норм, появились элементы негативной агиографии, однако для Настены, в отличие от Андрея, после грехопадения возможен возврат к своей судьбе. Сокровенные женские персонажи Распутина подсвечены образом Богородицы. Неслучайно Настёна, фактически совершив самоубийство, видит в воде зажженную свечку и слышит колокольный звон, что является несомненной аллюзией к легенде о граде Китеже. Ее самоубийство вписывается в старообрядческих самосожжений (смерть через очистительные стихии как переход в рай), а в христианстве мученическая смерть воспринималась как «второе крещение». Кроме того, в ранних изображениях Страшного Суда, особенно византийских, огненная река, подобная Флегетону, течет из-под ног Христа-Судьи в Ад, унося с собой грешников. Таким образом, помимо очищающей функции, река является в христианской традиции своеобразным мерилom судьбы.

Помимо таинства Крещения в повествование включен «перевернутый» обряд Евхаристии: *Но чай им пришлось пить из одной посуды – из крышки от солдатской манерки, передавая ее из рук в руки, и то, что Настена брала эту крышку после Андрея, а затем снова передавала ему, почему-то также волновало ее* [Распутин. С. 209]. В этот момент происходит сближение героев, Настена переступает последнюю черту – разделяет трапезу с «нечистой силой», а, значит, поддается искушению.

Путем экфрасиса вводится в текст и возможность Исхода для главной героини. Показывая нам смерть героини, автор актуализирует легенду о граде Китеже. В предсмертный миг героине видится свет свечи: *Казалось Настене, что ее морит сон. Опершись коленями в борт, она наклоняла его все ниже и ниже, пристально, всем зрением, которое было отпущено ей на многие годы вперед, вглядываясь в глубь, и увидела: у самого дна вспыхнула свечка.* Зажженная свеча в христианстве – символ Христа: *Опять говорил Иисус к народу и сказал им: Я свет миру; кто последует за Мною, тот не будет*

ходить во тьме, но будет иметь свет жизни (Мф.5:14-16), кроме того, горящая свеча – символ спасения души.

Душе Настены (Анастасии!), покидающей пределы грешного мира, становится явлен легендарный град Китеж, который встречает ее светом и колокольным звоном: *далеко-далеко изнутри шло мерцание, как из жуткой красивой сказки, - в нем струилось и трепетало небо, в уши набирался плеск - чистый, ласковый и подталкивающий, нем звенели десятки, сотни, тысячи колокольчиков... И сзывали те колокольчики кого-то на праздник.*

Восприятие смерти как праздника встречи с Богом свойственно мученической христианской традиции. На протяжении всего повествования через экфрасис актуализируется мученическая судьба Настены, открывающая Исход.

Обратимся к образу Андрея. Значение имени Андрей – «муж, мужчина, мужественный, храбрый», тоже в сюжете не реализуется, герой не в состоянии долгое время стать отцом, его дезертирство дискредитирует мужественные черты, не случайно дальше в повести Андрею будут приписаны зооморфные черты: *к родному брату, к серому волку, впервые за много волчьих дней согрелся, впору скулить от радости.* Судьба персонажа четко делится на крестьянское бытование и дезертирство. Отказавшись от исполнения долга, герой фигурирует в повествовании как некая темная, недобрая сила. Предзнаменованием его появления в деревне становится пропажа вещей, символизирующая опустошение мира. Андрей вводится в повесть через грех: воровство. Впервые он приходит к Настёне в баню как сон, морок: *Видно, она все-таки задремала, потому что не слышала шагов. Дверь вдруг открылась, и что-то, задев ее, шебуриша, полезло в баню. Настена вскочила: Господи! Кто это, кто? - крикнула она, обмирая от страха. Большая черная фигура на мгновение застыла у двери, потом кинулась к Настене* [Распутин. С. 180]. В художественных произведениях пересечение феноменального (реального) и ноуменального (потустороннего) зачастую приводит к появлению особого хронотопа, именно к нему Ежи Фарино относит онейрическое пространство —

пространство сновидений, мечтаний, миражей, галлюцинированных картин, вызванных воображением или особым состоянием героя [Фарино, 2004: С. 376]. В произведениях В.Г. Распутина сновидение предстает как особый метамир, как пространство инобытия.

По Ю.М. Лотману, сон – «это семиотическое зеркало, и каждый видит в нем отражение своего языка. Основная особенность этого языка – в его огромной неопределенности. <...> Сну необходим толкователь. <...> У сна есть еще одна особенность – он индивидуален, проникнуть в чужой сон нельзя. Следовательно, это принципиальный “язык для одного человека”. С этим же связана предельная затрудненность коммуникации на этом языке: пересказать сон так же трудно, как, скажем, пересказать музыкальное произведение. Эта непересказуемость сна делает всякое запоминание его трансформацией, лишь приблизительно выражающей его сущность» [Лотман, 2001. С. 124–126]. Появление Андрея, описанное как дурной сон, морок однозначно маркирует героя как некую нечистую силу, уже лишённую человеческого облика.

Инфернальные черты, свойственные Андрею, проявляются на протяжении всего сюжета. Неслучайно и место первой встречи Настёны и мужа-дезертира – баня. По поверьям славян, баня – нечистое место, аналог перекрестка, здесь молитвы, обереги не действуют. Это граница, где сталкиваются мир живых и мир мертвых. В бане принимались роды, в бане же обмывали умерших. Андрей приходит в баню как нечистая сила, он описывается не как человек, а как что-то неведомое, непонятное.

Описание внешности Андрея дается нам ближе к середине повести, до этого он описывается через зооморфные и оборотнические черты: *Наконец-то Настена могла разглядеть его: все та же корявая, слегка вывернутая вправо фигура и то же широкое, по-азиатски приплюснутое курносое лицо, заросшее черной клочковатой бородой. Глубоко посаженные глаза смотрели вызывающе и цепко, по шее беспокойно взад-вперед, как челнок, ходил острый кадык. И похудел, осунулся, поджался, а не надломился - видно, что сила и крепость еще остались, казалось, тронь - и зазвенит, спружинит от любого*

удара, – это явные черты «кочевника, азиата, варвара». [Ковтун. С. 314]. Кроме того, описание внешности – «корявая, вывернутая» фигура – тоже отсылает нас к образу черта, по поверьям черт – кривой, косой.

Невольные отшельничество, аскеза героя изначально вписываются в агиографический канон: уход из родного дома осуществляется с благой целью – защита Отчизны и мира, исполнение долга. Отступление от миссии меняет судьбу, поведение, лик, знаменуя перерождения Человека в Зверя, наступление нового варварства. Единственный возможный для Андрея путь возвращения к своей миссии – путь раскаяния и принятия возмездия. Этот путь неоднократно указывает ему Настена: *Андрей, может, не надо, а? Может, не будем так, выйдем? Я бы пошла с тобой куда угодно, на какую хошь каторгу – куда тебя, туда и я. Так я больше не могу. И ты не можешь, ты посмотри на себя, какой ты стал, что ты с собой сделал? Кто тебе сказал, что расстреляют? Война кончилась... И без того задохнулись в смертях.* В этом эпизоде явно прослеживается аллюзия на роман «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского, но, если Сонечка может убедить Родиона Раскольникова раскаяться, понести наказание и, тем самым, искупить вину и встать на путь воскрешения души, то Андрей неспособен внять Настёниной (Богородичной, в данном случае) мольбе. Для Раскольникова такой выход возможен и даже органичен, то у писателей XX века Исход через раскаяние уже неосуществим. Агиографическое повествование развивается по своим канонам, и искупление греха, возможность воскрешения, подчинены строгим законам.

Андрей предпочитает путь самоубийства раскаянию и искуплению: *Я тебя, Настёна, сам от себя избавлю. Скоро уж, скоро, недолго ждать. Я не собираюсь всю жизнь тебя мытарить. Да хошь завтра, если на то пошло – хоть счас – Ангара рядом. И зарывать, хлопотать не надо. У меня и веревочка припасена. По льду еще на мельницу заходил, прибрал там веревочку,* – так в судьбе героя актуализируется мотив «злой смерти», прослеживается судьба Иуды: дезертирство как предательство Родины и Отца, пропозиция

самоубийства. В этом же отрывке употреблена семантически значимая лексема – «мытарит», т.е. Андрей сознательно встает на позицию мучителя

Гуськову чудится возможность прощения и искупления через ребенка: *Это ж все – никакого оправдания не надо. Это больше всякого оправдания. Пускай теперь что угодно, хоть завтра в землю, но если это правда, если он после меня останется... Это ж кровь моя дальше пошла. Не кончилась, не пересохла, не захла.* Однако этот путь искупления невозможен, это ложный путь, путь самообмана. Андрей уже отчужден от рода, ребенок – продолжении не рода, но самого Андрея, его перевернутой судьбы. Ведь у Андрея в пору его крестьянского (праведного) бытования, не было детей. Ребенок появляется только в его звериной жизни, т. е. ребенок – порождение зла, «сын дьявола». Андреем ребенок воспринимается как продолжатель его вывернутой жизни. В вещем сне (символически насыщенное онейрическое пространство), который видели одновременно и Андрей и Настена, Андрей отказывается от детей: *и не приставай больше ко мне - нет у тебя никаких ребятишек,* – прогоняет Настену, являвшуюся ему уже в образе страдальцы и мученицы.

Таким образом, элементы негативной агиографии, очевидные в судьбе Андрея, позволяют сделать вывод, что он не выдерживает искушений, итогом чего становится превращение в зверя, оборотня. Зооморфные inferнальные черты вводятся экфрастически, появление героя в онейротопосе в виде нечистой силы предрекает его судьбу.

В варианте судьбы Настёны воплощен путь мученицы. В рамках топоэкфрасиса значима оппозиция левого и правого берега реки – Настёна пересекает реку как границу между праведной и греховной жизнью. Путем экфрасиса маркируется и становление героини на путь мученичества и искупления: *заметив на груди похожую на большой мрачный крест тень от оконного переплета, Настена напугалась и отошла,* – мученический крест визуализируется в этом описании. Переживание страданий, покаяние и открывают Исход, не случайно финал повести подсвечен легендой о граде Китеже.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Брагинская Н.В. Экфрасис как тип текста (к проблеме структурной классификации) // Славянское и балканское языкознание. Карпато-восточнославянские параллели. Структура балканского текста: сб. ст. / АН СССР, Ин-т славяноведения и балканистики. М.: Наука, 1977. С. 259–283.
2. Бычков В.В. Малая история византийской эстетики. Киев: Путь к истине, 1991.
3. Ковтун Н.В. «Деревенская проза» в зеркале утопии. Новосибирск: Из-во СО РАН, 2009. 494 с.
4. Лотман Ю.М. Культура и взрыв. СПб., 2000.
5. Распутин В.Г. Собрание сочинений в 4 т. Иркутск. 2007. Т. 2.
6. Фарино Е. Введение в литературоведение. М., 2004.
7. Яценко Е.В. Экфрасис как художественно-мировоззренческая модель // Вопросы философии. 2011. № 11. С. 47–57.

IV ЖИВАЯ РЕЧЬ СТАРОЖИЛОВ СИБИРИ

Редакция журнала «S_L» продолжает публикацию материалов, отражающих особенности приенисейского (красноярского) диалектного и просторечного дискурса. В этом номере журнала приводятся образцы текстов, записанных участниками комплексных экспедиций Института лингвистики и языковой коммуникации в Кежемский район Красноярского края (июнь-август 2012 года, проект «Ангарский словарь», руководитель экспедиций – О.В. Фельде).

ССЫЛЬНЫЙ РОЗЯ

Собир.: А ссыльные были у вас?

Л.Т.: Ссыльные были.

З.А.: Ссылных-то гнали.

З.А.: Пригоняли, зимой, которые оставались, которых угоняли. Вот у нас ссыльный был, Розя, тоже жил такой мужик хороший, тоже привезён был, не воровал, ничё, уехал вообще он там, в другую деревню, и там милиционер, забыла как его звали, работал в Паново.

Л.Т.: Усольцев.

З.А.: Усольский, Усольский. Забыла, как он, Митроша, Митроша звали.

Заставил мужиков сам этого Розю утопить в полонне, ряка-то стала, ещё не совсем замёрзла, его живого утопили.

Собир.: Где утопили? В полынье?

З.А.: Да, полоння.

Л.Т.: Река стала.

З.А.: И так не замёрзла, незамороженный был ещё. И вот они его утопили.

Собир.: За что утопили?

З.А.: Вот, чё-то не понравился, вообще ничё не делал, не ругался и не воровал никакой, этот мужик захотел его утопить его этого, он ссыльный, привезённый был. А потом этого милиционера-ту увезли и дали тюрьмы, и не вернулся, там его задавили. Живой не вернулся с тюрьмы.

Вот так, а хулиганства не было никакого у нас, всё было нормально, хулиганства не было, ссыльных везли, гнали, которые оставались, а которых дальше, не знаю куда их угоняли, по деревне у нас, по улице гнали зимой.

(Записано студентами ИФиЯК в июле 2012 г. в г. Козьмодемьянске от переселенцев из зоны затопления Богучанской ГЭС Лукерьи Тихоновны Зарубиной, 1926 г.р., и Зои Андрияновны Черкушевой, 1926 г.р., ранее проживавших в д. Паново Кежемского района).

СУДЬБА ОДНОСЕЛЬЧАНКИ

З.А.: Вот это Ньюру вам послушать интересно будет. Она прожила, она моложе, правда, нас.

Л.Т.: Она много вам расскажет, ты вишь она всё время плачет, ну сидели-то, чё не видали, за столом-то, она плакала, со мной-ту сидела рядом.

З.А.: Судьба-то досталась, ой-ё-ёй!

Л.Т.: Она вас завтра дожидат, она расскажет.

З.А.: У ней муж утонул, ехали по Ангаре там, в деревню-то в Усольцево, с концертом, с учениками ехали, учеников повезли с концертом, там дочь моя была и тогда, машина вперёд-то проехали, до Усольцева, там, концерт-то поставили, обратно поехали, а там ещё один мужик наклал ещё

зерна, они вперёд ехали, трещину дала, наверно, ну река, не сильно, лёд ещё не толстый был, ещё, с осени.

Л.Т.: Осенью, праздник был-ат седьмого-то.

З.А.: Седьмого ездили, раньше-то делали праздники-то, поздравляли, выступали, седьмого-то ноября всегда уже праздник был, у нас там в Паново тоже это был, майские ворота были сделаны большие возле дороги, и трибуна была, первого мая поздравляли, напишут плакаты, и потом седьмого ноября, и вот поехали с концертом, обратно поехали, и машина-то у них осяла, ушла под воду.

Л.Т.: Ушла на дно.

З.А.: У ней этот муж был шофёром в машине, а аксёновская девки тоже, была Аксёново ученица, с парнем дружила, он сидел в кабине, вышел, садися-ту в кабину, девку-ту посадил в кабину, девка-ту тоже утонула в кабине, как вытащили.

Л.Т.: С шофером вместе.

З.А.: Вот у неё осталось пятеро, сколько?

Л.Т.: Пятеро.

З.А.: Пятеро осталось.

Л.Т.: Детей она поднимала.

З.А.: Одного она прижила, одного шестого.

Л.Т.: Вот Васья утонул, то ли пьяный, то ли какой он.

З.А.: Сын из лодки выпал он, водой захлебался, сын у неё, пьяный тоже.

Л.Т.: А Колька этот, сын от другого, набеганный он, будем так говорить. Как набеганный, после Ивана она набегала, она чё набегала, ходили как муж с женой, она с Петей жила, Петя был тоже от лешака, фашист. Он стал сарай это раз, у дома, сарай это делать, сарай стал на дрова ворочать, и оборвалась эта бревёшка.

З.А.: Доска, убила его совсем сразу.

Л.Т.: Забила его совсем, она много пережила, и сейчас тоже.

З.А.: Сейчас внучата тут появились, надо всех кормить.

Л.Т.: У дочери дом в недостатке, дочера неуклюжа, у дочери, внуков, будем говорить, шесть лет дали, в тюрьму сидит. А Катюша это тоже, запуталась нах..., по-русски сказать, вы меня извините что я... она тоже... а эти, внучата у ней тоже беспутые все, она пенсюшку получит и все бедняжки из неё тянут, как только зачуют, что пенсию получила: «Баба дай, мама дай, баба дай, мама дай». А сама остаётся там, тоже край родимый, она много вам расскажет, у неё жись худая была.

(Записано студентами ИФиЯК в июле 2012 г. в г. Кодинске от переселенцев из зоны затопления Богучанской ГЭС Лукерьи Тихоновны Зарубиной, 1926 г.р., и Зои Андрияновны Черкушевой, 1926 г.р., ранее проживавших в д. Паново Кежемского района).

О РОЛИ ДЕНЕГ В ГОРОДСКОЙ ЖИЗНИ

Так живём, живём. Ну нету денег и не надо. И живём далее. Рыбы поймали, мясо есть. Деньги появились, значит, уже придумываешь, чё-то купить. Чё-то купил. А город – он есть город, он требует того, что ты должен деньги иметь. Ты каждый день на деньгах. Как поехал вверх и бензина не взял с

собой. Разница в чём? У меня вон друг – те же деньги. Я купил снегоход – убиваю его по тайге. 300 тыщ, а он купил машину за 300 тыщ – катается. Вроде он – богатый парень, у него машина, как раньше-то считалось. А у меня – ничего. Снегоходик такой. Так он стоит такие же деньги.

И вообще-то суть жизни (я ж общаюсь с городскими часто): город без денег, чё говорю, что охотник без патронов, одинаково всё. Чё ты сделаешь там в городе? Ничё не сделаешь! У охотника собаки лают, а патронов нету стрелить, вот и все. И там так же. Собаки-то лают каждый день у вас, а стрелять-то нечем у многих.

(Записано В.Б. Вараксиной в июне 2012 г. в деревне Яркино Кежемского района от Ефима Колпакова, 1958 г.р.)

БОРЬБА И ОХОТА ПОХВАЛЬБУ ЛЮБЯТ (пословица)

Рыбу, говорит, поймал. Какую? – Ну вот такую (показывает жестом. – собир.). Связали ему руки. Он говорит:

– Ну вот рыбу поймал, как ты покажешь сейчас, что вот такую?

– Рыбу поймал, говорит, ну вот с таким глазом!

Так сказать, как охотники порой врут. У меня, он брат мне и друг. Троюродный брат он будет, если по родству. Ну, так мы дружим. Я охотился у него. А на Пуню приезжаю. Тут экспедиция. А он любил приврать. Это я даже сижу, мне даже неудобно порой. Он говорит – ты никогда меня не перебивай. Всё соглашайся. Ну. И я в то время выпивал. Он в одном балке там пьют с экспедицией, я – в другом. Проходит коротко время, открывается дверь, заходит толпа мужиков, он во главе с ними. Оне мне говорят:

– Так: стоп! Ничё не говори – молчок всем. Всем молчать. Спрашивам.

(Он уже че- то наврал им. Чё-то им наврал . Я-то не знаю, чё мне сказать).

Он говорит, сколь медведей добыли (меня спрашивают).

– Оп-па!

Сейчас я понял, что про медведЕй, ну, сколь я скажу? Я откуль знаю, что им наврал? Мне надо сказать, столько он сказал. А мы четырех добыли на самом деле. А он им сказал восемь. Ой-ей-ей. Умножил!

Я говорю «четыре». Кольча сразу перебиват: так это на воле, а я говорю, ну, и четыре в берлоге. Вот чё я вам говорил! Получилось. Совпало!

(Записано В.Б. Вараксиной в июне 2012 г. в деревне Яркино Кежемского района от Ефима Колпакова, 1958 г.р.)

V СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Архипова Екатерина Сергеевна – магистрант отделения филологии Института филологии и языковой коммуникации СФУ (e-mail: his_TORY@mail.ru)

Белозор Анастасия Сергеевна – магистрант отделения филологии Института филологии и языковой коммуникации СФУ (e-mail: asya-belozor@mail.ru)

Бехметьева Любовь Юрьевна – магистрант отделения филологии Института филологии и языковой коммуникации СФУ (e-mail: malika.91@list.ru)

Волуйко Татьяна Валерьевна – магистрант отделения лингвистики и межкультурной коммуникации Института филологии и языковой коммуникации СФУ (e-mail: adres.tatiana@gmail.ru)

Гасникова Ксения Сергеевна – магистрант отделения филологии Института филологии и языковой коммуникации СФУ (e-mail: ksenia_gasnikova@mail.ru)

Дрыкова Карина Владимировна – магистрант отделения лингвистики и межкультурной коммуникации Института филологии и языковой коммуникации СФУ (e-mail: drykova.karina@mail.ru)

Ермакович Екатерина Евгеньевна – магистрант отделения филологии Института филологии и языковой коммуникации СФУ (e-mail: kitterina@yandex.ru)

Зверева Марианна Ивановна – магистрант отделения филологии Института филологии и языковой коммуникации СФУ (e-mail: marianna_zz@mail.ru)

Киямова Ксения Илдаровна – магистрант отделения филологии Института филологии и языковой коммуникации СФУ (e-mail: kenyak@mail.ru)

Кулик Екатерина Владимировна – магистрант отделения филологии Института филологии и языковой коммуникации СФУ (e-mail: e.v.kulik@yandex.ru)

Лебедев Игорь Николаевич – магистрант отделения лингвистики и межкультурной коммуникации Института филологии и языковой коммуникации СФУ (e-mail: iligorlebedev3@gmail.com)

Лесков Александр Александрович – магистрант отделения лингвистики и межкультурной коммуникации Института филологии и языковой коммуникации СФУ (e-mail: aleksandr_leskov@mail.ru)

Мезит Анна Эдуардовна – магистрант отделения филологии Института филологии и языковой коммуникации СФУ (e-mail: prezidentishe@yandex.ru)

Новикова Марина Сергеевна – магистрант отделения лингвистики и межкультурной коммуникации Института филологии и языковой коммуникации СФУ (e-mail: Marina-Novy@mail.ru)

Пшеницина Юлия Николаевна – магистрант отделения филологии Института филологии и языковой коммуникации СФУ (e-mail: respect-yulia@mail.ru)

Рубцова Маргарита Владимировна – магистрант отделения лингвистики и межкультурной коммуникации Института филологии и языковой коммуникации СФУ (e-mail: rubtsova_margarita@mail.ru)

Серова Светлана Владимировна – магистрант отделения филологии Института филологии и языковой коммуникации СФУ (e-mail: svs.text@yandex.ru)

Слатова Екатерина Евгеньевна – магистрант отделения лингвистики и межкультурной коммуникации Института филологии и языковой коммуникации СФУ (e-mail: katia_slatova@mail.ru)

Степанова Василина Андреевна – магистрант отделения филологии Института филологии и языковой коммуникации СФУ (e-mail: burivouh@mail.ru)

Сысоева Наталья Александровна – магистрант отделения филологии Института филологии и языковой коммуникации СФУ (e-mail: natashsysoeva@ya.ru)

Филатова Марина Андреевна – магистрант отделения филологии Института филологии и языковой коммуникации СФУ (e-mail: marina0filatova@mail.ru)

Шелковская Мария Сергеевна – магистрант отделения филологии Института филологии и языковой коммуникации СФУ (e-mail: rosomaha-1990@yandex.ru)

ТРЕБОВАНИЯ К ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ SIBERIA_LINGUA

Статьи в электронном виде необходимо высылать по адресу: **nauka_fil@mail.ru** (тема письма: «публикация в S_L»).

Прикрепленные файлы называются по фамилии автора следующим образом: Иванова-сведения, Иванова-фото, Иванова-статья, Иванова - рекомендация.

1. **Сведения** об авторе даются в следующей последовательности: ФИО (полностью); статус (студент, магистрант, аспирант, соискатель, преподаватель, доцент и т.п.); место работы (учебы); факультет (отделение) – для студентов; курс (для студентов и аспирантов); шифр и название магистерской программы (для магистрантов), контактная информация (адрес, телефон, e-mail); ФИО, звание и должность научного руководителя (для студентов-бакалавров, магистрантов, аспирантов).
2. **Фотография автора** в формате jpg или gif (фотографии в полный рост, с другими людьми или животными, в пляжной одежде не принимаются)
3. **Отсканированный последний лист статьи с надписью научного руководителя** «Рекомендую к публикации. Подпись. Дата»

Ранее опубликованные работы не принимаются.

ТРЕБОВАНИЯ К ПУБЛИКАЦИИ

Принимаются статьи объемом от 5 до 10 страниц. Формат текста: статья должна быть представлена на русском языке в редакторе Microsoft Word (форматы *.doc, *.docx без архивации и кодировок). Шрифт – Times New Roman, 14 кегль (статья), 12 кегль (аннотация и ключевые слова), интервал – 1,5.

Поля 2 см со всех сторон, абзац 1,25, выравнивание по ширине.

В верхнем правом углу указываются инициалы и фамилия автора (авторов); заглавие набирается прописными буквами, полужирным шрифтом по центру строки.

После заглавия помещается **аннотация** на русском и английском языках (не более 600 знаков, шрифт Times New Roman, кегль 12, курсив)

Ниже помещаются **ключевые слова на русском и английском языках** (не более 10 слов / словосочетаний, шрифт Times New Roman, кегль 12, курсив).

Примеры в тексте статьи оформляются курсивом; сокращения, условные обозначения и цитаты оформляются в соответствии с общепринятыми стандартами.

Библиографические ссылки в тексте делаются в квадратных скобках, например: [Виноградов, 1947. С. 129 – 130; Ларин, 1975. С. 26]: пояснения – в круглых скобках.

Знак тире отбивается пробелом с обеих сторон; знак дефиса печатается без пробелов.

Список литературы располагается в конце текста статьи по алфавиту.

Образец

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н.Д. Язык цели // Логический анализ языка: Модели действия. М., 1992. С. 14 – 30.

2. Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка конца XVII–XIX веков. М., 1982. 529 с.

3. Карасик А.В. Лингвокультурные характеристики английского юмора: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2001. 19 с.

4. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Известия ОРЯ. Серия литературы и языка. Т. 52. № 1. 1993. С. 3 – 9. – URL: <http://feb-web.ru/feb/izvest/1993/01/931-003.htm>